

Путь

Татьяна Алхимова

18+

Татьяна Алхимова
Путь
Серия «Другие миры», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67426212

SelfPub; 2022

Аннотация

Герои книги пытаются найти свой путь, несмотря на то, что миры и судьбы переплетаются самым странным образом. Когда рушится привычная жизнь, человек становится самим собой и находит силы, чтобы измениться. Но какова цена таких изменений и чего стоит попытка перевернуть мир? Параллельные миры, жестокие социальные порядки, дружба и любовь, личные и общечеловеческие драмы – всё это переплетается и связывается в единое целое на страницах книги так же, как и в настоящей жизни. Герои сомневаются, рискуют, открывают себя заново и в конце концов совершают то, о чем никогда не пожалеют.

Содержание

Часть первая. Город.	6
1.	6
2.	14
3.	20
4.	27
5.	36
6.	46
7.	54
8.	63
9.	71
10.	80
11.	87
12.	94
13.	99
14.	112
15.	120
16.	126
17.	134
18.	142
19.	151
20.	163
21.	174
Часть вторая. Море.	178

1.	178
2.	191
3.	198
4.	205
5.	213
6.	229
7.	243
8.	256
Эпилог.	269
Часть третья. Надежда.	274
1.	276
2.	284
3.	291
4.	298
5.	304
6.	312
7.	321
8.	326
9.	332
10.	338
11.	346
12.	353
13.	362
Слово автора.	364
Благодарности.	364
К читателю.	366

Татьяна Алхимова

Путь

Каждый человек идёт своим путем. В определенный момент жизни он выходит на дорогу и отправляется в свой путь, не похожий ни на чей другой. Никто не знает, когда он ступил на него, но продолжает по нему идти всю свою жизнь. Даже если человеку думается, что он изменил направление, может выясниться, что на самом деле это не так – он просто перестал узнавать дорогу и её окрестности, но направление сохранилось. Почему? Потому что мы никогда не знаем всего пути, нам только кажется – кажутся повороты, рытвины и тупики, кажутся широкие проспекты и узкие лесные тропки. Но не столь важно, *как* мы идем, важно – куда, и что мы видим по дороге. Оглядываясь, кто-то обнаруживает выжженную пустыню, враждебную непроходимую чащу, кто-то другой – берега рек и тенистые сады. То, что мы видим и кого встречаем на пути, зависит только от нас.

Часть первая. Город.

1.

За множество лет, проведенных в путешествиях по стране, я поняла одно – мы все очень богатые люди. У нас есть земля, небо и солнце, леса, поля, реки и озера, парящие в небе птицы. Даже если у тебя нет еды на сегодняшний день, крыши над головой, то всё вышеперечисленное – есть. Осознание того, что мир вокруг создан не просто так – для чего-то же растут деревья и цветут цветы, – наполняет душу радостью, а существование – смыслом. Мы тоже не просто так, мы часть чего-то очень большого и важного, крохотные шестеренки в механизме жизни. Всё остальное – прах. Вспоминаю каждый раз, когда вижу необъятные просторы, слова, когда-то давно прочтенные в книге, говорящие о том, что самое главное богатство, которое у нас есть – это земля. Она возрождает, кормит, даёт силы. Быть ближе к природе – быть ближе к себе.

С такими мыслями я снова куда-то ехала. Автобус мирно покачивался, набирая скорость, пассажиры дремали, а я смотрела в окно. Мимо пробежали леса и поля, кое-где виднелись небольшие домики, коровы на выпасе. Иногда попадались речушки, через которые перекидывались небольшие

мосты. Путь предстоял долгий, но спать мне не хотелось. Со странным ностальгическим чувством я смотрела в окно и не могла от него оторваться. Хорошо бы пройти весь этот путь пешком, своими собственными ногами, останавливаясь на привал там, где захотелось – на опушке леса или среди поля в густой летней траве; на ходу искупаться в мелком прудике и сорвать запоздалую ягоду полевой клубники. Но, боюсь, мне не хватит и жизни, чтобы обойти весь этот бескрайний мир.

Зачем и куда я еду? Имеет ли это какое-то значение? Для меня – нет. Вся прелесть моего далекого путешествия – в дороге. В ощущении мимолетного присутствия везде и нигде. Вопреки убеждениям, я вовсе не бегу от себя, от проблем и забот. Просто это мой образ жизни, мой путь. Чтобы сохранять в себе гармонию и помнить про мечты и цели, мне необходимо иногда куда-нибудь ехать. Именно дорога может напоить меня как холодный родник в жаркий полдень уставшего путника. Этой мой глоток свежего дыхания жизни. Только в пути я ощущаю себя настоящей, живой до кончиков волос.

Всё, что пробежало мимо окна моего автобуса, я видела уже миллион раз, но это несколько не мешало мне наслаждаться видами. И думала я в этот момент только об одном: «Пусть дорога никогда не заканчивается, пусть следующая остановка будет не скоро...» И мои мольбы были услышаны. Судьбой ли, провидением – не знаю. Когда-то давно я не верила в то, что всё происходящее с нами в жизни предопреде-

лено. Сейчас, после многих событий, я уверена в обратном. Без сомнений, у каждого из нас есть базис событий, встреч, происшествий, которые должны произойти в любом случае. Не важно, каким путем ты идешь, ты всё равно споткнешься, рано или поздно, встретишь человека, которого должен встретить. И ничего, совершенно ничего нельзя с этим сделать. Да, у каждого есть своя воля и свобода действий и выбора, но мимо опорных точек-событий-людей пройти невозможно. Многие не верят мне, считают глупой, а кое-кто и вовсе немного ненормальной, слишком далекой от обычной жизни. Но меня это мало волнует. И это – мой путь.

Итак, в очередной раз я отправилась подальше от привычного места обитания в далекие дали. Чтобы глазам было на что посмотреть, легким – вдохнуть, ну а душе – отдохнуть. Иногда, стоя дома у открытого окна, наблюдая привычные очертания соседних домов, свет в окнах, отблески звезд на небе, я вдыхаю свежий ночной воздух и думаю о том, как хорошо было бы, если бы вся эта привычная картина вдруг стала другим городом, другим миром, а я – другой мной. Более свободной, более настоящей. Вот именно поэтому я ищу новые места, непохожие на то, где я живу всю свою жизнь.

Ранним утром автобус остановился на автовокзале небольшого городка. Из-за тумана, застилавшего улицы, сложно понять, каков этот городок на самом деле. Но мне не так уж и важно широкие улицы или узкие, большие дома с множеством квартир или старые частные домики в стиле

русской деревни. Важна атмосфера, наполняющая такие места – люди здесь редко спешат, слышны разговоры, щебетание птиц, из дворов доносится шум обычной сельской жизни. И в эти моменты становится не совсем понятно, где ты, – в городе или деревне.

Я иду по пустым улочкам и не чувствую собственных ног, не чувствую ритма жизни, но ощущаю её неспешное течение. Меня как будто несёт спокойная река по равнине среди лесов, полей и холмов. А я лежу, широко раскинув руки, и смотрю на небо, смотрю, как плывут облака, причудливо меняя свою форму, как птицы парят надо мной. И в душе – тишина, покой и умиротворение. Меня не раздражают бегущие мимо люди, потому что бегают здесь только дети, мне не хочется постоянно смотреть на часы и ускорять шаг. Я могу остановиться перед кустом сирени и долго-долго вдыхать её аромат. А потом задержаться на старом мосту и слушать, как внизу шумит крошечная речушка. Мне кажется, что я только что родилась, настолько всё вокруг удивительное, хочется потрогать каждый цветок, доску старого забора, хочется улыбаться людям.

Городок оказался тихим и спокойным, дома в основном маленькие, старые. Окна обрамлены резными наличниками и каждый хозяин явно старался ещё и цветом выделить своё жилище среди остальных. Поэтому улочки пёстрые, как полевые цветы. В центре городка стоит несколько каменных домов, в которых располагается администрация, больница и

магазины. Здесь людей гораздо больше, одни отправляются в соседние города на работу, а другие, видимо, просто по делам. Но я никуда не спешила и просто бродила по улочкам. Туман рассеялся неожиданно, и в лучах утреннего солнца гулять было невыразимо прекрасно. К обеду людей на улице прибавилось, и городок стал похож на небольшой улей. Так приятно наблюдать за этими простыми людьми, живущими каждый своей жизнью, сложенной из маленьких дел и забот. Когда я наблюдала за ними, мне казалось, что время для меня остановилось. Вот я сижу здесь, на лавочке, никуда не иду и ничего не делаю, даже не шевелюсь, – а вокруг кипит жизнь. Компания мальчишек на велосипедах пронеслась мимо, подняв столб пыли; женщина с коляской неспешно прошла мимо; на соседнюю лавочку присели две старушки с сумками, чтобы отдохнуть. По дороге едут редкие машины, кто-то заходит и выходит из калиток перед домами, где-то слышен лай собак и шум бензопилы, вдруг пропел петух. Круговорот жизни, а я просто наблюдаю. Мне спокойно и хорошо, и я могла бы просидеть здесь целую вечность.

Проведя почти весь день в черте города, к вечеру я решила выбраться за его пределы, чтобы встретить закат свободным от городских очертаний. Выйдя на главную улицу, я не спеша отправилась вдоль домов в направлении заходящего солнца и не ошиблась. Скоро улица перешла в более широкую дорогу, напоминавшую шоссе, и я свернула с неё, чтобы быть ближе к природе. Вокруг городка раскинулись яб-

лоневые сады. Кривые старые деревья разбросаны среди покосившихся заборов, между ними виднеются протоптанные дорожки, ведущие куда-то далеко, за сады. Я сошла с большой тропинки на одну из таких дорожек и пошла в тени яблонь. Вечерние ароматы наполнили воздух: запах сухой травы, выжженной горячим летним солнцем, терпкий древесный аромат коры старых яблонь. Всё подсвечивалось лучами заходящего солнца, и мне казалось, что я иду по сказочному лесу, и вот-вот из-за дерева выскочит маленький лесной человечек и сотворит волшебство.

Не знаю, долго ли я шла по саду, но он неожиданно закончился, и передо мной открылись бескрайние просторы – поле, полное цветов и чудесных ароматов. Дорожка дальше никуда не вела, и я пошла прямо по полю. Мне вдруг показалось, что я захожу в воду, трава постепенно становилась выше и стала доходить мне до пояса, а я всё шла и шла, навстречу заходящему солнцу. От земли и полевых трав веяло теплом, сладко пахли цветы, и от царившей тишины вокруг звенело в ушах. Я вдыхала теплый воздух полной грудью и иногда закрывала глаза, позволяя себе плыть среди цветов наугад. Когда вот так впервые я прошла по залитым солнцем просторам, мне было страшно и стыдно. Стыдно от ощущения собственной свободы, от волевого решения не быть как все, а позволить себе просто провести вечер наедине с природой и собой. Мне этот поступок казался дерзким, странным, и если кто-нибудь в тот момент меня увидел,

нарушил ход моих мыслей, то думаю, что я не скоро ещё решилась бы снова повторить этот опыт. Но сейчас я абсолютно свободна и независима, для меня никакого значения не имело ничего, кроме моих собственных ощущений. Намеренно созданный вокруг вакуум, заполненный только лишь ощущениями, давал мне чувство защищенности.

Солнце практически зашло, а я всё ещё шла по полю. Вдруг оно растворилось – передо мной расстился небольшой обрыв, внизу текла река. Песочный склон под моими ногами усеян гнездами ласточек, а противоположный берег пологий и, наверняка, использовался как пляж. Вид завораживал. Вдалеке виднелся лес, по правую руку от меня за рекой продолжалось поле, небольшие холмы отбрасывали длинные тени, солнце золотило высокую траву, кое-где начинали петь вечерние птицы. Я села и стала ждать, когда солнце окончательно скроется за горизонтом. В моей голове не было никаких мыслей, только память записывала каждый прожитый момент. Вот солнечные лучи стали краснеть, закат вспыхнул алым и потух, в тот же миг я поняла, что небо за моей спиной уже давно приобрело синеватый оттенок и стало гораздо прохладнее. Темнело. Скоро станет совсем темно, и ночь накроет всех нас своим покрывалом, а пока мне ещё тепло от травы, откуда-то из-за границ земли солнце продолжает подсвечивать кусочек неба, и я не хочу никуда уходить.

Вдруг до меня донесся странный шорох, я вздрогнула и

повернулась в ту сторону, откуда слышен звук. Оказывается, недалеко от меня, буквально на расстоянии десяти шагов, сидел человек. Он точно так же смотрел за реку, и, если бы не случайное шевеление, я бы и не обратила на него внимания. Нарушитель моего покоя, казалось, не видел меня, продолжал сидеть неподвижно и смотреть вдаль. Его присутствие запустило в моей голове череду мыслей и мне стало понятно, что надо уходить. Но, если я начну вставать и вообще двигаться, то покой сидящего рядом тоже будет нарушен – могу ли я позволить себе это? Никаких мыслей о том, что этот человек может быть опасен, не возникало – слишком расслабленной я была. Пока я пыталась понять, что делать дальше, человек повернулся ко мне...

2.

Солнце продолжало медленно опускаться за горизонт, а я не могла оторвать взгляда от человека, сидевшего поодаль. Как только он повернулся, я хотела уйти, но что-то остановило меня, и я стала всматриваться в него пристальнее. Одет он был довольно странно: брюки заправлены в высокие ботинки, белая рубашка застегнута на все пуговицы, а сверху надет тяжелый коричневый вязаный кардиган. Длинные волосы собраны в хвост. Да, этот мужчина определённо одет не по погоде, и к тому же у меня никак не получалось понять, сколько ему лет. Человек без возраста, встречаются такие лица. Вокруг глаз я смогла увидеть небольшие морщинки, но сами глаза были ясными, как у парнишки лет двадцати. И цвет – черные, абсолютно черные, даже зрачков не видно. Из-за этого глаза казались ненастоящими настолько, что мне вдруг стало страшно.

Почему я сижу здесь и смотрю на этого человека? Я приехала в этот город, чтобы отвлечься, чтобы остаться с собой наедине. Надо уходить, темнеет и становится прохладно. Скоро трава отдаст тепло земле, а мне ещё идти и идти до города. Да, надо срочно уходить, пока этот странный человек не пошёл в мою сторону. Совсем не хочется убежать по чистому полю.

Ещё немного поколебавшись, я едва заметно кивнула ему

и поднялась. Со стороны реки подул легкий ветерок, и только в этот момент я поняла, что за эти несколько минут (секунд?) человек ни разу не моргнул. Меня пробрала дрожь, и я стала отходить назад, пожалуй, слишком поспешно и быстро, хотелось развернуться и бежать без оглядки.

– Тоже путешествуете? – голос незнакомца взорвал тишину вечера, сердце у меня практически выскочило из груди. Он говорил тихо, но мне показалось, что я слышу его голос рядом со своим ухом. Жарко, вдруг мне стало жарко. Не стоит отвечать, надо просто уйти – это самое разумное. Но, несмотря на все мои сомнения, голова моя кивнула в ответ, а ноги всё ещё отступали в сторону города.

– Вы можете уходить, я вас не держу, – его губ едва коснулась улыбка. И мне стало даже стыдно и зло. Да что же такое, он ещё и смеется надо мной? Конечно, наблюдать замешательство девушки в такой ситуации забавно, тут-то я разозлилась по-настоящему. И вместо того, чтобы развернуться и уйти, как планировала, я подошла к самому краю поля и села обратно в траву:

– Вообще-то, я давно тут сижу. И если кто и должен уйти, то это – вы. Вы нарушили моё уединение, и я пропустила самый чудесный момент уходящего дня.

– Прошу прощения, но вы не правы. Я здесь был задолго до вас и буду всегда, даже когда вы вернетесь в свой город и проедете ещё городов двадцать маленьких, – он снова улыбнулся, – не стоит думать, что весь мир лично ваш.

– Не стоит оскорблять незнакомых людей, – я всё же снова поднялась, чтобы уйти. На этот раз окончательно. Весь мой философский настрой был испорчен, даже оставаться в этом городе не хотелось. Никогда ещё не сталкивалась я с такими неприятными людьми.

Незнакомец незаметно вздохнул. Все его движения были едва уловимыми. Именно поэтому мне приходилось сильно напрягать своё зрение, чтобы следить за ним. Вот он качнул головой в сторону реки, ловко и бесшумно повернулся в мою сторону и заговорил снова:

– Я не хотел вас обидеть, а всего лишь сказал правду. Этот мир – он не ваш лично, да и не мой тоже. Он наш общий, поэтому каждый волен быть там, где хочет быть. То, что мы оказались с вами в одно время и в одном месте – не более чем случайность. И если вы не видели меня, когда пришли сюда, то это совершенно не значит, что меня здесь не было.

– Словоблудие... – мне не хотелось провоцировать этого непонятного человека, но и уступать первенство тоже отчего-то не хотелось, вопреки здравому смыслу.

Он замолчал, и я тоже погрузилась в свои мысли. Да, мой путь он такой... Быть самой собой, быть в движении. И иногда обезличено существовать в разных местах, именно поэтому я приехала сюда – в этом маленьком городке меня никто не знает, и я не знаю никого. Мне нет нужды общаться и разговаривать с кем-то, я полностью могу принадлежать себе в этот короткий отрезок времени. Кто-то уезжает кататься

на лыжах в горы, кто-то лежит на пляже, кто-то бродит по незнакомым музеям среди людей, говорящих на иных языках, кто-то сажает розы на даче. А я блуждаю по маленьким городкам и улочкам.

– Хотите, я вам покажу кое-что? – я снова вздрогнула от звука его голоса. Нет, он не казался оскорбленным моим замечанием, более того, он теперь сидел ближе. Когда это произошло? Как он успел пересесть, что я этого не заметила?

– Нет. Если честно, вы пугаете меня, пожалуй, мне давно надо было уйти, – я перестала контролировать свою речь, мне снова стало не по себе, но от шока или от страха, никаких движений мое тело не могло совершить.

– Посмотрите вон туда, – он как будто не слышал меня, его рука вытянулась вперед и указывала куда-то за реку. – Где-то там, очень далеко, за пределами этой планеты и, возможно, за пределами всей Солнечной системы, в холодном космическом пространстве есть другие миры. Мы никогда ничего про них не узнаем, но это не значит, что их нет. Кто-то предпочитает не думать об этом, потому что им страшно оказаться маленькими безликими существами, песчинками в этом гигантском мире. А мне нравится, сидя на берегу этой реки, думать о том, как я мал и как бессмысленно всё то, что занимает мой разум в обычное время. Я прихожу сюда часто, гораздо чаще, чем вы можете подумать. Возможно, всю свою жизнь я прихожу сюда.

– Это ваш путь, – мне хотелось поскорее закончить раз-

говор и вернуться в город. Это прекрасное место, которое дарило мне столько вдохновения и душевного покоя, показалось неприветливым, осквернённым чужими мыслями.

– Да. Мой. А у вас – ваш путь, – он поднялся. Я успела обратить внимание на то, что он высокого роста, спина прямая, плечи широкие. Он был похож на персонажа какой-нибудь книги. Странное впечатление производил весь его образ. – Ну, что же вы не уходите?

– Боюсь, что вы пойдете за мной, – вот это поворот. Никак я не ожидала от себя таких резких, прямолинейных слов. Да что же такое, совсем эта встреча выбила меня из колеи. Надо бы молчать или отвечать не так резко и прямо.

– Никакого смысла в этом нет. Мне незачем идти за вами, у каждого ведь свой путь, вы помните? – с этими словами он развернулся и пошел прямо к обрыву спокойно, уверенно, будто впереди перекинут мост.

Я не нашлась, что ответить, лишь завороженно наблюдала за тем, как незнакомец идёт вперед. Уже почти стемнело, лишь догорало небо вдаль. Прохладой тянуло от реки, трава терпко пахла и отдавала в воздух тепло. Я обернулась – сады на окраине города почернели, но над самим городом плыло облачко света от уличных фонарей. Наконец-то мне удалось успокоиться. Повернувшись к реке, я хотела попроситься с незнакомцем и извиниться за резкость, но его не оказалось передо мной. Куда он исчез? Спрятаться здесь негде, куда бы он ни пошёл, мне его было бы видно. Спустил-

ся по какой-то тропинке вдоль обрыва, упал? Я осторожно подошла к краю поля и заглянула вниз, туда, где спокойно текла река. В темноте была видна вода, противоположный берег, песчаный обрыв под моими ногами и ничего больше. Никаких следов. Меня пробрала дрожь, я развернулась и почти бегом направилась к садам.

Времена меняются, люди тоже. Уже не так безопасно путешествовать одной, да и совсем страшно отправляться в безлюдные места без сопровождающего. Кто этот странный человек? Куда он пропал? Нет, лучше не думать об этом. Я незаметно для себя прошла поле, яблоневые сады, – непривычно пусто было в голове. И вот мои ноги уже ступили на асфальт тротуара. Редкие прохожие спешили по своим делам, магазинчики на окраинах уже закрылись, во дворах становилось всё тише. Сколько же я шла обратно, не должно быть так поздно? И тут меня посетила оглушительная мысль – этот человек, которого я встретила в поле, он знал про меня что-то. Он говорил о том, что я путешествую по городам. Я не успела ничего про себя рассказать, так откуда же?..

Нет, не думать об этом. Добраться до гостиницы, а утром взять билет на автобус и уехать из этого городка. Слишком страшно это всё и подозрительно.

3.

Через пятнадцать минут блужданий по тёмным улочкам, я добралась до центра городка. Там оказалось на удивление светло и достаточно многолюдно. Работали кафе, а на лавках в сквере сидели компании молодых людей. Глядя на бурлящую полуночную жизнь, я немного успокоилась. Страх и опасение отступили, и я даже немного посмеялась над собой. Мало ли странных людей на белом свете, не стоит так остро реагировать на то, что они говорят. Тем более, если ничего конкретного из их уст не звучит. Я и сама могла напридумывать всякого, а потом рассказывать небылицы. Конечно, пропал этот человек более чем удивительным образом, но не стоит об этом думать. Городок не маленький, шанс снова пересечься, если незнакомец тоже остановился где-то здесь – практически нулевой.

Побродив немного среди людей, я зашла в первое попавшееся кафе, заказала горячий шоколад и села за столик возле окна. Судя по всему, в ближайшие пару часов кафе будет ещё открыто, а значит можно спокойно выпить шоколад и отправиться в гостиницу, чтобы отдохнуть. Завтра я планировала прогуляться по окрестностям, недалеко от города находится старая усадьба с небольшим домом-музеем. В самый раз для неспешной летней прогулки. Горячий напиток разливался по моему телу успокаивающим бальзамом, мне

стало тепло и спокойно, начало клонить в сон, – большую часть предыдущего дня мне пришлось провести в дороге, и усталость дала о себе знать.

Расплатившись, я вышла из светлого, уютного кафе и вдохнула прохладный воздух. На улице всё ещё было многолюдно, но уже встречались места в сквере совершенно пустые и тихие. Чтобы не искушать судьбу, я решила пойти по самой широкой улице, потому что там светло, ходят влюбленные парочки, и некоторые забегаловки ещё не закрылись. Хотя вечерняя встреча мне казалась уже совсем далекой и не такой уж и странной, я всё ещё была насторожена. Возможно, мне стоит стыдиться своего поведения. Зачем я была так груба с незнакомым человеком? От усталости, от обиды за нарушенную идиллию вечера? А если он и, правда, немного не здоров, то мой поступок совсем некрасиво выглядит. Ладно, не буду ломать голову перед сном страданиями о правильности или неправильности своего поведения, просто пойду спать.

В гостинице меня встретила милая девушка, вручила ключи, сказав, что мои вещи уже давно в номере, и объяснила, как туда пройти. Я поднялась на третий этаж по широкой лестнице, прошла по коридору. Третья дверь справа. Ключ легко повернулся в замке, и я очутилась в маленькой комнате. Заперла дверь, включила свет и осмотрелась. В номере оказалась кровать, шкаф, тумбочка, стол и пара стульев. Ванная комната. Ничего необычного – всё очень просто и

чисто. Я подошла к окну, раздвинула шторы и распахнула створки. В комнату проник легкий ночной ветерок, воздух стал свежее. Вот именно так и нужно спать летом – в свежей прохладе, в крохотной комнатке, наедине с собой и своими мыслями. Быстро приняв душ, я с нетерпеливым удовольствием легла в постель. Оказывается, усталость больше, чем я могла подумать. Ноги гудели, голова тоже. Ни о чем не хотелось думать, только спать.

Ночь прошла быстро, без сновидений, несмотря на то, что обычно в поездках меня посещает до десятка снов за ночь. От избытка впечатлений, от свободы ли – не знаю. В окно светило солнце, время близилось к десяти утра, завтрак я уже пропустила. Немного размявшись и умывшись, я решила поехать по дороге в усадьбу. День рабочий, и на улице практически никого нет. Жара. Вчерашний день в плане погоды оказался удачнее. Но не важно, – за городом будет легче дышаться, больше тени от деревьев, луговая прохлада и свободный ветерок. Купив кофе и булочку, я поймала такси и отправилась в небольшое путешествие по окрестностям. За окном машины пробежали частные домики с разноцветными заборами, магазинчики и заброшенные постройки непонятного назначения. Чем ближе к окраинам города, тем приятнее глазу становился пейзаж – больше плодовых деревьев, снова яблоневые сады, огороды, кое-где паслись коровы и козы. Дорога бежала вперед, петляя среди полей, через полчаса на горизонте показалась рошица, а за ней лесок, такси

свернуло влево с основной дороги, и передо мной открылся изумительный вид.

Широкая подъездная аллея к усадьбе усажена кленами и шиповником, впереди за кронами можно различить очертания дома, выкрашенного белой краской. Я попросила таксиста высадить меня здесь, расплатилась и дальше пошла пешком. В тени кленов пахло свежескошенной травой, солнечные блики играли на пыльной дороге с моими шагами в прятки. Удивительно красивое место. И ничего его не портило – ни дорога с припаркованными машинами, ни звуки голосов гуляющих людей. Через пару минут я вышла на площадку перед домом. Она была усажена розами всех возможных цветов, кустами жасмина и благоухала. Сам главный дом оказался совсем небольшим, но очень аккуратным, кое-где окна распахнуты и ветер выдувает из них шторы как паруса.

Быстро пройдясь по музею, который располагался внутри главного дома, я снова вышла на улицу. Не слишком меня занимали старинные интерьеры, тем более что практически в каждой усадьбе одно и то же – деревянная мебель, изразцовые печи, письменные столы, портреты, книги. Интересно было только слушать о прежних жителях этих беленых стен. Они тоже когда-то ходили по этим аллеям, вдыхали ароматы трав и жили какую-то свою жизнь. Учились, влюблялись, работали, ели вкусные пироги и пили чай вечерами. А теперь здесь нет жизни, здесь пыльный музей – история в предметах, застывшие воспоминания, иллюстрация своего рода.

Интересно, но не настолько, чтобы полдня проводить здесь.

А вот разбросанные по двору постройки, вписанные в пейзаж, таинственные беседки, склоненные к крошечному пруду ивовые ветви, – это совсем другая история.

Группа людей шумно вышла из музея и прошла мимо меня, они направлялись к конюшне, чтобы прокатиться на лошадях. В большой беседке позади дома толпилась семья, разодетая празднично, – здесь явно готовились к фотосессии. А я в свою очередь, следуя за неорганизованными парами посетителей, удалилась вглубь приусадебных аллей и к шумящей вдалеке реке. Да, это была та сама река, на берегу которой я вчера отдыхала. Карта подсказывала, что изгибаясь, она окружает городок с двух сторон и уходит куда-то далеко-далеко, собирая маленькие притоки и унося их воду с собой в другие реки.

И теперь, в этой приятной обстановке, я могла подумать обо всём, о чем не успевала в обычное время. Всегда что-то мешает размышлять. То работа требует полного погружения, то просто нет сил и желания. А иногда, в холодное и серое время года, настигнет тоска, и тогда думаешь только о том, чтобы скорее наступило лето.

Последние несколько лет мне начало казаться, что я проживаю свою жизнь впустую. Не произвожу ничего значимого. Работа? Я делаю что-то, но это нужно лишь для продолжения процесса «делания» чего-то. Фирма, в которой я тружусь пять лет к ряду, ничего не производит, ничего не со-

здает. Она просто обрабатывает документы. Если в какой-то момент времени окажется, что эта обработка никому не нужна, то работников просто распускают. Никто не вспомнит, что мы были нужны и полезны, как никто не вспомнит о проходящих отчетах за прошлое десятилетие. Но за эту работу платят, и довольно неплохо. Я могу позволить себе путешествовать несколько раз в год по своей стране или один-два раза за границу; пить по утрам кофе в кафе, а не дома из железной банки; могу покупать новые платья каждый месяц, но не делаю этого, потому что давно потеряла интерес к вещам. В общем, я просто живу, как и все. Но мне этого мало. Поэтому я еду и еду, а хочу идти. Идти долго и медленно. Слушать пение птиц и ловить лучи восходящего солнца. Не перебирать бумажки, а собирать цветы. Мыться не под душем, а под теплым летним дождем. Хотя бы иногда. Это глупо, мечтать о таких вещах в моем возрасте, а ещё более глупо – осуществлять эти мечты. Наше общество устроено таким образом, что нужно быть идеальным, чтобы не иметь проблем. Но мне ужасно скучно лежать на пляже с подругами, красиво сервировать ужины и выкладывать фото в интернет, мне надоело быть идеальной и счастливой для всех людей вокруг. Я хочу быть счастливой для себя, не хочу быть картинкой, как и многие другие люди, а потому – бегу. В смене картинок перед глазами, в этом маленьком бунте обыденности я вижу спасение.

В глубине аллеи людей от солнечных лучей защищали гу-

стые кроны старых деревьев, было чуть свежее и прохладнее, чем под открытым небом. Время близилось к полудню, и жара набирала силы. Я замедлила шаг и старалась дышать глубоко и спокойно, чтобы расслабиться, нестись по волнам своих ощущений и мечтаний. В такие моменты я даже не понимала, о чём думаю. Просто позволяла себе сосредоточиться на наблюдении, сливаясь с окружающим миром. Потрясающее чувство умиротворения.

4.

Кажется, я закрыла глаза на мгновение, а когда открыла, то увидела, как из глубины аллеи прямо на меня летит что-то с огромной скоростью. «Птица?», – с испугом подумала я. Но для птицы объект двигался слишком уж быстро, пикировать здесь просто неоткуда. Инстинктивно прикрыв голову руками, я присела как раз вовремя, – объект пролетел в нескольких десятках сантиметров над моей головой и исчез в кустах. От шока я не могла встать, так и сидела посреди аллеи на корточках и смотрела то на кусты, то на деревья впереди себя. Мне думалось, что здесь могут быть играющие дети, что просто какой-то шутник решил разыграть гуляющих. И в ту же секунду слева от меня раздался шум, похожий на выстрел и что-то со свистом вылетело из-за дерева. Моим первым желанием было бежать, но разум восторжествовал, и я так же на корточках спешно подобралась к кустам и притаилась в их тени. Вставать очень страшно. Наверное, я перегрелась. Это тепловой удар и впечатления вчерашнего вечера играют со мной злую шутку. Зажмурив глаза и потерев уши, я решила подниматься и идти дальше. И хорошо, что сделала это – в мою сторону уже направлялась возрастная пара, гуляющая по аллее. Я кивнула им, показав, что со мной всё хорошо и пошла дальше уже без особого воодушевления, настороженно прислушиваясь и присматриваясь

ко всему. Каждый шорох заставлял меня оборачиваться или приостанавливаться. Мне точно слышался шум, похожий на канонаду, будто где-то запускали сотни салютов, а иногда и выкрики людей, хотя рядом со мной никого не было. Вдруг за моей спиной что-то громко щёлкнуло и засвистело, я в панике обернулась и увидела, что прямо на меня летит огромная стрела! Нет, стрелой это назвать сложно, – летело копьё, не меньше. Оно приближалось с невероятной скоростью, а я продолжала стоять и смотреть, нереальность происходящего не позволяла мне сдвинуться с места. Наконечник красиво блеснул в солнечных лучах, прорывающихся сквозь листву, свист нарастал, гул вокруг и голоса тоже становились громче, голова моя начала кружиться. Я почувствовала сильный толчок справа, кто-то налетел на меня и крепко схватив, оттащил в сторону. Копьё пролетело мимо.

Вокруг резко стало тихо, меня как будто накрыли тёплым ватным одеялом, которое не пропускало ни звук, ни воздух. Деревья скакали и кружились перед глазами, и кто-то твёрдо держал меня за плечи. Я помотала головой, несколько раз открыла и закрыла глаза и только после этого снова обрела способность нормально слышать и видеть. Всё та же аллея, вдалеке неспешно бредут группы людей, щебечут птицы, солнце пробивается сквозь листву. Передо мной стоит и крепко держит меня тот самый человек, которого мне довелось встретить вчера около реки. Только теперь он был чуть более растрепанным, глаза его горели, ворот рубашки рас-

пахнут, на волосах осела пыль. Лицо выражало интерес и в некоторой степени испуг, или мне просто показалось.

– С вами всё в порядке? – он отпустил меня, убедившись в том, что стою я крепко.

– Да... – звук моего голоса напугал меня, хриплый, тусклый. – Опять вы?

– Могу задать вам тот же вопрос, – по лицу его невозможно было понять, серьезно он спрашивает или это проявление сарказма. – Но вы, скорее всего не сможете ответить на него. Как, впрочем, и я могу лишь частично предположить, каков верный ответ.

Я непонимающе смотрела на этого странного человека. В очередной раз он спутал мои мысли и ворвался в мой день. Но надо отдать должное, – сегодня он меня спас, а не просто напугал и запутал своими непонятными разговорами. Мой разум озарился недавней картиной летящего копья, и я инстинктивно повернула голову в ту сторону, куда оно улетело. Там ничего не было, кроме деревьев. Никаких следов пролетевшего оружия, никакого дыма и шума. Обычный летний день. Если мне почудилось, то этот человек не стал бы меня отталкивать. Значит, всё произошло на самом деле? Но почему нет никаких следов?

– Мне кажется, что вы знаете что-то о случившемся. В меня летело копье! Это совершенно точно. Летело вон с той стороны, – я указала рукой в начало аллеи.

– Да, летело, – он спокойно ответил мне. – Но по какой

причине это произошло, мне тоже пока не совсем понятно.

– А меня больше всего смущает то, что вы второй день подряд оказываетесь там же, где и я. И вот теперь ещё и происходит что-то непонятное. Страшное! – мне ужасно хотелось толкнуть его, ударить, пихнуть. Хоть как-то выместить на нём свой страх и злость, свою растерянность и беспомощность. Я даже сжала руки в кулаки и, наверное, ударила бы его, если бы не выражение спокойствия на его лице, спокойствия на грани безразличия. Казалось, что он погружен в какие-то свои мысли. Стоит передо мной и вычисляет что-то в своей пыльной голове. Он перевел взгляд с моих рук на лицо, потом обернулся, легко отряхивая и поправляя свою одежду. Застегнул ворот на рубашке, едва заметно кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями, и пошёл вперед, жестом приглашая меня последовать за ним.

Мне ничего не оставалось, как пойти следом. Я не пыталась поравняться с ним, поэтому шла чуть позади, внимательно наблюдая его твёрдую походку, прямую спину. Только сейчас я обратила внимание, что у него практически военная выправка – широко развернутые, прямые плечи, ровная спина и чёткий, уверенный шаг. Руки он вложил в карманы кардигана, того же самого, что и вчера, только чуть запыленного, будто он бежал по сухой грунтовой дороге вслед за скачущей лошадыю. Через пару минут нашего «променада» я поняла, что разговор не начнется, пока я не подойду ближе и не проявлю инициативу. В конце концов, это мне

было непонятно вообще всё. Догнав незнакомца, я спросила:

– Так, может, поделитесь мыслями? Не каждый день в тебя стреляют чем-то вроде копья, да ещё и не один раз. И не каждый день тебя спасает случайный человек, который судя по всему, совсем не случайно оказывается рядом.

– Ну, во-первых, я действительно оказался и вчера у реки, и здесь, в усадьбе, совершенно случайно. Хотя правильнее сказать, что вчера вы оказались случайно в том месте, где обычно бываю я. А сегодня случилось наоборот. Но это никак не меняет сложившейся ситуации, поверьте.

– О да! Вы говорите странные вещи и хотите, чтобы я вам поверила? Вы в своем уме?

– Конечно в своем, впрочем, как и вы – в вашем. Я не уверен, что объяснение вас устроит. Но если вы настаиваете... – он неожиданно повернулся ко мне и внимательно посмотрел прямо в глаза. Этот взгляд. Вчера он был совершенно другим. А сейчас – тяжелый, глубокий, холодный. До дрожи неприятно смотреть в его глаза, а выдержать это долго и попросту в тот момент казалось мне невозможным. Чтобы он перестал смотреть на меня, я кивнула и поспешила отвести взгляд.

– То место, откуда прилетело копье, и откуда пришёл я, вы можете называть как угодно – параллельным миром, другим измерением, прошлым, будущим. Всё это не важно. Просто мы живём в другом мире, но в том же времени что и вы. Здесь проходит час и у нас проходит час. Но события слу-

чаются разные и люди тоже разные. Во всяком случае, мы склонны так думать. Потому что никогда ещё не встречали одинаковых людей здесь и там. Хотя есть одно различие – мы живём гораздо дольше, чем вы, да и законы у нас иные. Как и весь мир. Наш мир – это бесконечная война. Развитие технологий, искусство – всё это достигло определенного предела и просто стало не нужным. Мы потеряли цели и ориентиры, а поэтому просто живём тем, что дает нам смысл – бесконечно воюем. Гибнут люди, разрушаются города, уничтожаются страны и возрождаются вновь. Мы будто вернулись в далекое прошлое, когда междоусобные войны были решением всех проблем. Когда они были и двигателем и тормозом. Конечно, за множество столетий войн и последовательного развития науки и техники, мы потеряли желание совершенствовать оружие, но усовершенствовали себя. Мы всё те же люди из крови и плоти, но развили разные способности, которые помогают нам жить дольше и не умирать каждый день в боях от легких ран и примитивных болезней. Некоторые, как я, например, умеют перемещаться между измерениями. Так мы спасаемся от тлена нашего мира, от грохота войны, от бесконечных мыслей о сути бытия. А сегодня, пока по неизвестной причине, наш мир прорвался в ваш. Отголоски нашей войны докатились до этого чудесного спокойного места. И, увы, задела вас. Этого не должно было случиться, ведь вещи не обладают своей волей, чтобы просто так взять и переместиться сюда или в иное место.

Я слушала его и не понимала, держит ли он меня за дуру, или у него не всё в порядке с головой. Что за чушь? А потом вспоминала летящее на меня блестящее копьё и начинала сомневаться в собственной вменяемости.

– В ваши слова сложно поверить, – скорее я пыталась убедить в этом себя.

– В этом я даже не сомневаюсь. Для меня произошедшее тоже кажется удивительным.

– То есть, ваше перемещение из другого мира, как вы говорите, для вас не удивительно. А вот копьё – да?! – мне вдруг стало смешно и одновременно страшно неудобно. Кто знает, чего можно ожидать от такого странного человека. Все опасения прошлого вечера снова вернулись ко мне, и отчаянно захотелось убежать отсюда. Сесть в автобус и уехать домой, где меня не настигнут все эти странные события – ни люди, ни копьё.

– Вы совершенно правы.

– Знаете что, перестаньте морочить мне голову, – я начала злиться.

– Я говорю вам правду, такую, какая есть. Вы можете мне верить или нет. Но боюсь, что если бы я не помог вам сегодня, то мы с вами не разговаривали бы сейчас, – лицо его было непроницаемым. Он смотрел вперед, продолжая спокойно вышагивать по аллее и иногда отряхивать с рукавов пыль.

– Не могу вам поверить. Все ваши слова звучат слишком неправдоподобно. Перемещения сквозь измерения и копьё?

Это смешно и абсурдно. Говорите, кто вы и зачем вы здесь?

– Мне кажется, вы плохо меня слушали. Я же объяснил вам, что война для нас – не более чем игра. Да, страшная. Да, игра с настоящими людьми. Но это так. Нам нет смысла, да и неинтересно уничтожить противника в одно мгновение. Мы придумываем новое оружие, новые способы нападений. Создаем форму и броню для наших военных, возводим защитные сооружения, меняем ландшафты и места боя. А перемещения, длительность жизни, – это наша обычная жизнь, обыденность, если хотите, – он едва заметно вздохнул.

– Ладно, вы можете утверждать, что война для вас игра и что вы можете перемещаться между измерениями или мирами. Не хочу даже вникать в это. Только скажите – причем тут я? Зачем играть со мной в эти ваши ненормальные игры?

– А вот это совсем другой вопрос. На вашем месте мог оказаться кто угодно, любой человек, который решил бы прогуляться здесь в этот час. Вам просто так сомнительно повезло. И вам не стоит переживать об этом. Разрывы в пространстве и времени случаются. Скорее всего, кто-то неаккуратно совершил переход, и осталась щель, в которую и вылетело копые.

– Бред... – у меня начинала болеть голова, спокойная прогулка снова не удалась. И вообще, вся поездка превратилась в сплошной стресс. Мне уже ничего не хотелось, усталость наваливалась на плечи. Я увидела скамью впереди и поспешила к ней. – А вчера? Вчера тоже была случайность?

– Совершенно верно, – мой спутник присел рядом. – Я часто бываю на том берегу, сижу и отдыхаю от шума. Если вы думаете, что всем нам, в моем мире, по душе война, её шум, её вид... Нет. У нас просто нет выбора. Поэтому иногда хочется просто сбежать в другое место, куда не доберутся отголоски битвы. Сидеть, слушать тишину, смотреть, как течет река, как ласточки кружат у берегов, как заходит солнце...

– Да, иногда это очень нужно, – вдруг во мне проснулось сочувствие к этому несчастному. Может быть, война происходила у него в голове и он серьезно болен. Нет! Копье точно было настоящим. Тем хуже. Как поверить в то, во что поверить невозможно?

– Вы всё ещё не верите мне. Хотите, я вам покажу? – он повернулся ко мне и стал рассматривать лицо.

– Нет. Спасибо, но нет, – ещё этого мне не хватало, отправляться куда-то с сумасшедшим человеком. Я и сама-то уже не совсем нормальная после всего, что произошло. Мне захотелось отодвинуться подальше, но я сидела на самом краю, поэтому пришлось остаться на месте. Встать и уйти я не могла, так как не была уверена в своем состоянии.

– Да, кстати, меня зовут Рей, – он схватил меня за руку и всё вокруг закружилось.

5.

Голова раскалывалась, мне было больно открыть глаза, поэтому я не пыталась этого сделать. Руки и ноги дрожали. Я лежала на чем-то довольно жестком и неровном, возможно, на земле. Рядом слышались голоса, но разговор постоянно заглушали грохот и вой. От этого шума мне становилось ещё хуже. Перед глазами постоянно всплывала картина кружащейся аллеи, тускнеющие зеленые краски, и меня мутило. Кто-то осторожно потрогал мою руку, и я разобрала слова:

– Зачем было тащить сюда неподготовленного человека?

– Да, Рей, это крайне безрассудно. И опасно. Вспомни свои первые перемещения, а ведь вы все готовы к таким нагрузкам, – послышался хохот, – Франц вообще был зеленый весь и полдня провалялся в обмороке.

– Успокойтесь, такие перемещения безопасны. Она скоро придёт в себя, – голос Рея. Куда он притащил меня? Когда прекратится этот дикий шум? И как же хочется открыть глаза и напиться, в горле ужасно сухо.

– Воды... – хрипло прошептала я. Кто-то моментально поднял меня и прислонил к чему-то твердому, в руки мне попытались вложить холодный металлический предмет, – наверняка кружка. Руки плохо слушались, глаза всё ещё сложно было открыть. Человек понял, что дело плохо, и стал поить меня как ребенка. Вода оказалась необычайно вкусной,

даже сладкой. Я никак не могла напиться. Стало легче, голова перестала кружиться, и я решила рискнуть и открыть глаза. Яркий свет ослепил меня на мгновение – стоял яркий, солнечный день. Вокруг меня находились четыре человека, два совсем рядом – Рей и ещё какой-то молодой парень, который держал в руках кружку. Чуть поодаль – крупный высокий мужчина и ещё дальше, смотря в другую сторону, кто-то в длинном сером плаще, невозможно разобрать мужчину это или женщина.

– Я же говорил, что она очнется быстро, – сказал Рей, обращаясь к двум другим. – Как вы себя чувствуете?

– Благодаря вам – отвратительно, – я не пыталась скрыть злость и раздражение. Парень с кружкой рассмеялся и кивнул на Рея.

– Любит он пошутить, но вот так – впервые. Да вы не злитесь, самое правильное решение – притащить вас сюда, чтобы вы не чувствовали себя сумасшедшей после того, что произошло. Хотя и потрепало вас в дороге, но это так только в первый раз, – голос у него был спокойный и приятный, да и по виду он казался самым нормальным из всех. Красивая зеленая форма, черный блестящий пояс и сапоги. Длинные, пшеничного цвета волосы аккуратно собраны в хвост, в ухе длинная серебряная серьга в виде капли. Никакого оружия, кобуры или чего-то другого, что бывает у военных, я не увидела.

– Я бы предпочла, чтобы прежде чем тащить человека ку-

да-то, некоторые дожидались бы его согласия, – я забрала кружку с водой из рук паренька и с жадностью допила. – Не понимаю, зачем мне всё это показывать. Я не верю в это. Гипноз? Наверняка...

– А дама-то с юмором или сумасшедшая? – в разговор вступил крупный мужчина, который стоял чуть поодаль. У него была такая же форма, как у молодого, только на груди красовалась нашивка с буквами из неизвестного мне алфавита. И в ухо продета другая серьга, со звездой. Волосы темные, коротко стриженные, борода такого же каштанового цвета, как и волосы. Голос низкий и грубый, он явно много курит.

– Давайте без оскорблений, я не по своей воле тут, – огрызнулась я. Компания подозрительных мужиков. Кто знает, что можно ожидать от них, а я даже не знаю, как отсюда выбраться.

– Можете встать? – Рей подошел ко мне и помог подняться. Ноги как ватные, но я смело поднялась и, отказавшись от помощи, пошла вслед за ним, – пойдёмте, я покажу вам то, о чем говорил. Вот мой мир.

Оказалось, что я сидела, прислонившись к дереву, которое стояло на вершине холма, далеко внизу простирался небольшой лесок, а за ним поле и река. По одну сторону реки земля расплосована рвами и насыпями, ближе к лесу виднелись другие укрепления, между ними постоянно сновали люди в зеленой форме, как муравьи. Слышались выстрелы,

вой орудий, вспыхивали и угасали огненные облачка, оставляя за собой след из дыма. Летали те самые серебряные копыя. А с другого берега реки на этот перекидывались мосты, рушились и перекидывались снова, летели снаряды и такие же копыя. Постоянно что-то взрывалось на обоих берегах, слышались крики людей. Что располагалось на противоположном берегу, мне не удалось рассмотреть – мешал дым и расстояние. Я подняла глаза к небу и поняла, что ошиблась на счет воя орудий. Были вовсе не они, а непонятные летающие шары. Они похожи на обычные воздушные, но стального оттенка, без корзин внизу. Звуковая атака, не иначе. Ужасно жестоко, учитывая, что даже здесь, достаточно далеко от полосы военных действий, невозможно терпеть этот жуткий звук.

– С другой стороны холма то же самое, и с третьей тоже. Мы практически окружены, воюем по всем направлениям. Впрочем, как и наши соперники, – Рей говорил так обыденно, что я снова усомнилась в реальности происходящего. Голова опять закружилась.

– А можно выключить этот дикий вой?.. – меня странным образом повело в сторону, в глазах начало темнеть и стало тихо.

Очнулась я тоже в тишине. Никакого воя, шума и людей вокруг. Мягкая теплая постель посреди совершенно белой комнаты. В открытое окно, занавешенное белыми полупро-

зрачными шторами, светило заходящее солнце. Голова больше не кружилась и не болела. Руки и ноги тоже были при мне и в нормальном состоянии. Удалось присесть без последствий, я спустила ноги на прохладный пол и осторожно встала с постели. Мне хотелось подойти к окну и посмотреть в него. Что я увижу там? На белом столике возле кровати стояла кружка с водой и тарелка с яркими фруктами, пожалуй, даже слишком яркими. Есть я не рискнула, но воды выпила. Медленно, стараясь не делать резких движений, я подошла к окну и откинула штору. Меня обдало горячим летним воздухом. Здесь явно жарче, чем у нас, в моем мире. Странно было думать так – не в другой стране, не в другом городе, а в другом мире. Насколько он отличается от моего привычного, если всё же допустить его существование? Я всё ещё думала, что это либо сон, либо бред, либо гипноз.

За окном я увидела аккуратные белые дома с распахнутыми окнами, улицы были пусты, вымощены белым камнем. Солнце отражалось от белых стен и мостовой, окрашивало их в желто-оранжевые цвета и казалось, что всё вокруг светится, как пламя свечи. Дома невысокие, трёх и четырёхэтажные, с двускатными крышами и маленькими чердачными окнами. Судя по всему, моя комната или правильнее сказать палата, была расположена на последнем этаже. Поэтому мне хорошо виден город – сплошные белые крыши, и где-то далеко, за множество кварталов отсюда, высокая белая стена из небоскребов. Такие же белые как все дома вокруг, но с

высокими окнами – они казались столпами света, красные, желтые солнечные блики играли на их гладких стенах, – отражение маленького белого города в кривом зеркале. Долго смотреть на этот город в яркий летний полдень было бы невозможно.

Но пахло вокруг чудесно, я уловила запах жасмина и спелых яблок, ветер приносил ароматы апельсиновых цветов и почему-то корицы. А если повернуть голову влево, туда, где улица уходит резко вниз, то можно ощутить запах моря. Удивительное сочетание. Единственное, что пугало и настораживало – отсутствие людей и звуков. Казалось, что город пуст. Никто не ходил по улицам, не бегали кошки и собаки, не летали мухи, даже птиц не было слышно.

Пока я стояла и рассматривала город, чистый и белый как лист бумаги, дверь в палату открылась. Из-за белого цвета вокруг, мне сложно называть это помещение комнатой, но именно её оно напоминало больше всего, – красивая с резным изголовьем кровать, пышные подушки и одеяла, аккуратный прикроватный столик, в углу зеркало в широкой раме, пара стульев и крохотный круглый стол. Только обернувшись на звук открывающейся двери, я увидела, что на столике стоял букет мелких голубых цветов – неожиданно яркий в монохроме белого.

В дверях стояла старушка невысокого роста в белом переднике и нежно-розовом платье. Очень странно видеть женщину преклонного возраста в одежде таких цветов. Её

седые волосы аккуратно убраны в пучок и прикрыты полупрозрачной косынкой. В руках она держала стеклянный кувшин с водой, а через руку была перекинута пара полотенец. Старушка приветственно кивнула и молча прошла к кровати, повесила полотенца на спинку, а кувшин поставила на столик.

– Благодарю вас, – я кивнула ей, не ожидая ответа. Почему-то мне казалось, что в такой тишине слова равноценны скверне, да и старушка смахивала на немую или даже глухую.

– Не стоит, это моя работа. Если вы уже отдохнули и готовы поесть, я принесу вам ужин сюда, – голос совершенно не подходил к образу старушки, он был звонким, почти молодым. Но слова были напрочь лишены эмоций, она и правда просто делала свою работу.

– Я не голодна, после такого странного дня есть не хочется совершенно, – снова повернувшись к окну, я дала понять, что разговор окончен. Но старушка не ушла, она стояла около двери и тихо говорила.

– Как вам будет угодно. День совершенно обычный. Не думайте, что с вами произошло что-то невероятное. Да, вас переместили сюда, но это совершенно обычная история. Каждый день сотни тысяч людей исчезают из этого мира, возможно, перемещаясь в какой-то другой. Не думайте, что ваш мир не такой. Вы пропадаете там, но не физически. Так что вам в некоторой степени повезло, – от её слов у меня по ко-

же побежали мурашки, даже вид уютного заходящего солнца не мог унять беспокойства. Зачем она говорит мне всё это? Чему я должна радоваться – тому, что пока жива или тому, что попала сюда, а не куда-то ещё? Я в бреду, точно. Наверняка у меня случился тепловой удар или я просто споткнулась, упала и ударилась головой и теперь лежу на скамейке в аллее, поднятая равнодушными прохожими и брежу. Скоро придёт врач и поможет мне. И тогда всё точно будет хорошо. Тем временем старушка продолжала, – хозяин всегда возвращается ближе к заходу солнца и будет ждать вас внизу, так он мне сказал. Будьте готовы.

С этими словами она развернулась и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Странная, очень странная женщина. Сколько ей лет? Она не выглядела добродушной старушкой-служанкой. Больше похожа на работа-надсмотрщика. Выходит, что я нахожусь в доме Рея, а не в какой-то больничной палате. Хоть какая-то определенность. Стоп! У меня же бред, не стоит в него углубляться рассуждениями о том, где я нахожусь и кто все эти люди, – они плод моего воспаленного воображения, последствия травмы. Я постояла у окна, потеряла виски, даже немного похлестала себя по щекам, раз десять ущипнула, – ничего не помогало. Никак не получалось очнуться. Волей-неволей придется свыкаться с мыслью о том, что всё происходящее – правда, и происходит со мной здесь и сейчас. И тогда... Надо принимать серьезные решения и выбираться отсюда. Страх. Страх овладевал мной

всё сильнее и сильнее. Неужели, правда? Нет. Не хочу, чтобы это было правдой. Вдох-выдох. Ещё раз. И снова. Закрывать глаза и открыть. Я оперлась руками на подоконник, вдыхала и выдыхала сладкий ароматный воздух. Старалась расслабиться, не думать ни о чем, не анализировать. Пусть всё так, как оно есть. Пусть это будет правдой, не надо бояться. Надо действовать, если это возможно. Для начала хотя бы понять, когда меня вернут обратно и собираются ли вообще это делать.

Вдруг мои тревожные мысли прервались. На улице что-то изменилось, солнце практически зашло, и длинные темные тени разбавили чистый белый цвет дорог и домов. Появились люди. Мужчины в зеленой форме, длинных плащах, группами и поодиночке возвращались домой. Возможно, среди них были и женщины, я не могла разобрать лиц из-за надвинутых на них капюшонов. Все они были пыльными, кое-кто грязными, у многих плащи порваны. Но были и те, кто вышагивал бодро, сверкая серьгами в ушах и запонками на рукавах формы. Запонки? На рукавах военных? Они действительно воюют или это просто маскарад? Зажигались фонари, и в их ярком холодном свете всё это шествие казалось призрачным танцем мотыльков в серых плащах и светлячков в яркой зеленой одежде. И тут я догадалась – в плащах, запыленные и уставшие шли обычные солдаты; в яркой чистой форме, бодрым шагом, поблескивая серьгами, вышагивали командиры. Наверняка, именно так – они сидят в шта-

бах и руководят, у них есть знаки отличия – однозначно по роду войск. А Рей? У него не было серьги в ухе, да и формы тоже. А тот парень, который напоил меня – он слишком молод, чтобы быть командиром. Столько вопросов. Раз уж я попала сюда, стоило бы разобраться в устройстве этого мира. И кстати, почему никто не встречает мужчин, по-прежнему никого не видно в окнах домов.

Где-то совсем рядом, внизу, я услышала громкие голоса, а потом и увидела, как какой-то мужчина на дороге остановился и указал рукой на меня. Голоса стихли, и множество лиц поднялось вверх, чтобы посмотреть туда, куда указывал военный. На меня смотрели удивленные глаза, много глаз. Ветер развевал волосы этих людей с мужественными лицами, трепал бороды, заставлял чаще моргать. Мне стало очень неудобно, снова послышались голоса, они спрашивали что-то, искали кого-то. Конечно, они искали хозяина дома. Я поспешно отошла от окна, задвинув штору получше, и села на кровать. Внизу хлопнула дверь. Наверное, стоит перекусить, привести себя в порядок и отправляться вниз, на разведку.

6.

После полного захода солнца улица не погрузилась в крошечную темноту из-за света фонарей. Они светили настолько ярко, что их свет запросто мог заменить дневной. О позднем вечере напоминало лишь темно-синее небо, практически черное. Звезд видно не было – либо их нет здесь вообще, либо мешал всё тот же свет.

Я перекусила фруктами, лежавшими на столике у кровати, выпила воды, собрала растрепавшиеся волосы в хвост, посмотрела на себя в зеркало – уставшее бледное лицо. Ну и ладно, голова не болит и больше не мутит, уже хорошо. Только я успела подойти к двери и взяться за ручку, как она распахнулась, и передо мной снова возникла та самая старушка.

– Пора, – бесцветным голосом сказала она и, развернувшись, пошла вправо по коридору.

Я последовала за ней. Мы спустились по узкой лестнице, минуя второй этаж, и оказались внизу. Ошибки не было – в доме ровно три этажа и два из них похожи друг на друга как близнецы. Когда мы проходили площадку второго этажа, я успела обратить внимание, что от лестницы начинался такой же длинный белый коридор с чередой дверей, как и на третьем этаже. Узнать число дверей было невозможно – все они совершенно одинаковые, да ещё и белые, как и стены.

Их могло быть три, четыре или десять на этаже, пока не подойдешь к каждой – не сосчитаешь.

Первый этаж отличался от остальных. Лестница вела в большую прихожую, занимавшую чуть ли не треть всего пространства. Старушка, указав мне на большую двустворчатую дверь с противоположной стены от лестницы, засеменила к небольшому проему рядом со входом и прошла в него. Там, скорее всего, располагалась кухня или столовая. Прежде чем войти в указанную дверь, я осмотрелась. Единственным цветовым пятном в помещении была вешалка у входной двери – на ней висел серый плащ и два ярко-зеленых мундира. Всё остальное – белое. Меня уже начал раздражать этот цвет. Всё вокруг белое-белое-белое, как будто здесь постоянно зима или кто-то не раскрасил этот мир. Я посмотрела на свои руки – не стали ли они белыми из-за постоянного контакта с белыми вещами?

Окна занавешены такими же шторами, как и в моей комнате. С улицы лился уже не слишком яркий свет, но его было достаточно, поэтому лампы в прихожей не горели. Я прислушалась – из-за дверей доносился разговор. Наверняка там Рей и его сегодняшние спутники. Мне не хотелось туда идти, я не чувствовала себя уверенной среди этих людей. Как себя надо вести, что говорить? Озарение! Я же понимаю их язык, значит мы не настолько уж и разные. Мир другой, а язык прежний. Эта неожиданная догадка о совершенно очевидных фактах добавила мне смелости, я сделала глубокий

вдох, подошла к стене и потрогала её – она была совершенно гладкая и холодная, как камень. Взбодрившись от ледяного прикосновения и свежих мыслей, я быстро подошла к двери, постучала и еле открыла тяжелую створку.

Передо мной возникла огромная комната с высокими распахнутыми окнами, с противоположной стены смотрел на меня молчаливый камин. Посередине комнаты лежал серый ковер, похожий на шкуру какого-то неизвестного мне огромного зверя, вокруг ковра стояли диваны и кресла с маленькими пуфиками. Вдоль стен от пола до потолка располагались ниши с полками. У нас, в моем мире, там обязательно стояли бы книги, сотни книг. Здесь же, в этой странной гостиной – на полках лежало оружие, я смогла различить револьверы и ружья, сабли и кирасы, и какие-то неизвестные мне виды колющих и режущих предметов, а над камином висело, тускло поблескивая, копьё. Меня снова пробрала дрожь.

На одном диване сидели уже знакомые мне молодой блондин и бородатый мужчина с карими глазами. Напротив них, на другом диване, закинув ноги в сапогах прямо на белый пуфик, сидел тот самый человек, которого я не успела рассмотреть сегодня днём. Плащ принадлежал ему и скрывал он возрастного мужчину с наполовину седыми волосами, серыми водянистыми глазами и глубокими морщинами на лбу. В его руках я заметила бокал с красной жидкостью, похожей на вино. Но кто знает, что они тут пьют вечерами. Рей сидел ко мне спиной в кресле, за высокой спинкой не было видно его

головы, но по локтю в кардигане, лежащему на подлокотнике я поняла, что это именно он.

Когда я открыла дверь, разговор среди мужчин прекратился, они посмотрели в мою сторону. Мне было крайне неловко и страшно, поэтому я продолжала стоять в дверях. Несколько мгновений спустя Рей поднялся, плавно обогнул кресло и подошёл ко мне, чуть подтолкнул вперёд и закрыл тяжелую дверь.

– Ну что же вы стоите? Проходите, будьте нашим гостем в этот чудесный вечер, – он снова говорил спокойно, размеренно, будто читал заготовленный текст. Мне стало ясно, что разговор в гостиной до этого момента шёл про меня.

– Добрый вечер, – дневная смелость и дерзость куда-то делась, и на их место пришла опасливая вежливость, мне хотелось сжаться до размеров атома под этими открытыми колкими взглядами. Мужчины встали мне навстречу и едва заметно наклонили головы в знак приветствия. Напротив Рея, спиной к камину стояли ещё два кресла, в одно из них я и опустилась. «Ещё одно цветочное пятно, клякса», – подумалось мне.

– Как вы себя чувствуете? – молодой блондин, с серьгой в виде капли, с улыбкой посмотрел на меня. Он был самым приятным и, видимо, добрым из всех присутствующих – скорее всего из-за возраста и неопытности. А может быть, дело в чем-то другом.

– Спасибо, уже хорошо.

– Наверное, нам стоит представиться, прежде чем спрашивать вас о чем-то ещё, – бородатый с ухмылкой посмотрел на меня и выпустил облако едкого дыма. Он курил трубку, какие я видела только в музеях, – огромную, деревянную, по виду очень и очень старую. – Линкок, капитан Линкок, если быть точным.

– Вот любишь ты во всём быть первым, – смешливо проворчал блондин, затем повернулся ко мне и всё с той же добродушной улыбкой произнес, – старший помощник Франц! Франсуа на самом деле, но Франц звучит гораздо лучше. Теперь ваша очередь, – он пристально посмотрел на старика с бокалом.

– Ну что же... Гальер. Можно без всяких дурацких званий, – голос его был очень низким и хриплым, будто он говорил сквозь пелену тумана. Мне он показался слишком странным, серьезным, ведущим постоянную войну внутри и снаружи. Я переводила взгляд с одного на другого, рассматривала их, вдыхала аромат дыма и пыталась рассмотреть сквозь серую пелену Рея. Что он скажет, что спросит? Но все ждали, пока я представлюсь.

– А вы? Как ваше имя? – Франц явно был непоседлив как молодой жеребенок. Он с интересом смотрел на меня, лицо его было в постоянном движении, живой взгляд успевал заметить всё. Я серьезно задумалась. Стоит ли им называть своё настоящее имя? Возможно, они знают его, тогда если я скажу неправду – это будет выглядеть, по крайней мере,

странно, тем более что я не знаю их намерений. Но если никто из них не знает моего настоящего имени, то не стоит вот так сразу раскрывать про себя всю правду. Хотя бы ради безопасности, если можно говорить об этом, находясь вообще неизвестно где. Я решила назваться вымышленным именем и никак не могла придумать ничего подходящего. Пауза затянулась, все смотрели на меня и ждали.

– Рина, – сказала я первое, что пришло мне в голову. Никаких ассоциаций, никаких хороших идей. Ну, пусть пока что меня зовут так, а дальше посмотрим. Рей как-то странно взглянул на меня, мне показалось, что он удивленно поднял бровь, – за дымом от трубки сложно было рассмотреть подробнее его лицо. Меня бросило в жар, неужели он знает моё настоящее имя?

– Добро пожаловать, Рина, – спокойно произнес Рей. – Простите, что пришлось поступить с вами довольно некрасиво, но, как верно заметил Франц, лучше увидеть всё своими глазами, чем потом всю жизнь считать себя ненормальным. У нас не так много свободного времени, но если вы хотите, мы покажем вам кое-что из нашего мира. Город, например.

– Было бы гораздо лучше, если бы вы рассказали мне немного об устройстве вашего мира. У меня накопилось достаточно вопросов за то время, пока я была одна, – набравшись смелости, я решила задавать вопросы в лоб. Всё же мысль о том, что происходящее – нереально, ещё поддержи-

вала меня и даже в какой-то степени развязывала язык.

– Рей, не трать время на пустые разговоры, она либо ничего не поймет, либо ей ни к чему эта информация. Гость он и есть гость, – Гальер снисходительно улыбнулся мне. Какой противный старик, неужели он занимает какую-то важную должность, что вот так свободно, против всяких правил приличия, может говорить обидные вещи.

– Да ладно вам, если человеку интересно, то почему бы и нет? – Франц вступился за меня горячо, даже радостно. – Разве часто у нас бывают люди не из других городов, а других миров? Я вот такого не припомню.

Капитан Линкок убрал трубку от лица и громко рассмеялся, шлёпнув Франца огромной рукой по спине:

– Да ты же зеленый ещё, считай почти ребенок, куда тебе помнить о таких вещах. Твоих воспоминаний горсть, если наберется, уже хорошо, – он улыбался широко, глаза его тоже смеялись. Однозначно, он гораздо добрее и проще, чем Гальер. Я старалась подмечать всё, что могла, каждую мелочь, чтобы понять, с кем имею дело.

– Капитан! Но ведь это правда, за последние лет пятьдесят никто к нам не перемещался, – Франц не хотел сдаваться, но обиженным или задетым не выглядел.

– Да, правда. Хотя это ничего не значит, мы просто могли об этом не знать, как не знают и люди из мира Рины, что мы бываем у них, – Рей снова вступил в разговор. Заметно, что ему интересно побеседовать об устройстве мира.

– Ладно, вы можете болтать тут хоть до утра, но завтра в бой, а годы берут своё. До встречи, – Гальер встал, пожал всем руки, кивнул мне и вальяжно вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Предлагаю пройти в столовую и поужинать. Там и продолжим наш разговор, – Рей встал и проводил нас к едва заметной двери в стене напротив окон.

Мы прошли в такую же белую комнату, но гораздо меньше. Окна столовой выходили на мостовую, свет фонарей стал совсем тусклым, поэтому в комнате зажгли люстру. Большой белый стол, окруженный мягкими стульями, уже накрыли к нашему приходу. Во главе стола сел Рей, а мы расселись по бокам. Я снова оказалась одна напротив всех. Но тем лучше, мне будет удобнее наблюдать. Та же самая старушка, с которой мы виделись ранее, принесла горячее, по виду – запечённую птицу. Может быть даже индейку, во всяком случае, размер соответствовал. В этот момент я поняла, насколько голодна. Поэтому молча принялась есть, слушая разговор мужчин и запоминая каждую деталь.

7.

Разговор шёл неспешно и был похож на беседу между друзьями, а не сослуживцами. Мне удалось понять следующее: Франц имел принадлежность к войскам, ведущим бой на воде, видимо, поэтому серьга у него с каплей. И несмотря на молодость, он не последний человек, но в бою не участвовал, находился в штабе и разрабатывал стратегии ведения боя. Капитан Линкок руководил отрядом, ведущим подрывную деятельность. Всё, что взрывалось, горело и светилось, – в его ведении. И что удивительно, Франц по званию оказался выше, чем Линкок. Да и «капитан» – не звание, а просто красивая приставка к имени, которая нравилась Линкоку, Рей даже пошутил на эту тему. Они обсуждали сегодняшний бой, устройство какого-то оружия и я половину не могла разобрать, потому что не понимала многих слов и даже названия мест ни о чем мне не говорили. Когда нам принесли чай, все немного расслабились, Линкок снова стал набивать трубку, готовясь закурить. Франц задумчиво мешал ложкой чай, хотя сахара туда не положил. Рей медленно отпил из кружки, провёл взглядом по каждому из присутствующих и остановил его на мне:

– Ну что ж, если у вас есть вопросы, Рина, то задавайте. Думаю, мы сможем ответить на большинство из них, – он откинулся на спинку стула и ждал. Я думала, с чего начать,

столько всего непонятого было в этом мире. Но первым с моих губ слетел самый нелепый и бесполезный вопрос, как мне показалось:

– Почему всё здесь белое?

– Хороший вопрос, – Франц продолжал размешивать чай. – Я бы даже сказал очевидный. Но ответить на него не так просто.

– Это целая философия, которую даже не каждый житель нашего города понимает, – добавил Линкок, а Рей продолжил:

– Если говорить кратко, то белый цвет символизирует идею не чистоты в плане принципов и морали, как можно подумать. Это – чистый лист. А мы, люди, которые появляемся на нём пятнами – рисуем свою судьбу, свой путь. Конечно, это своего рода аллегория. То, что невозможно увидеть глазами, но то, что действительно существует, должно быть выражено физически в реальном мире. Почему бы не сделать совершенно чистый, белый город, пустой и холодный, и наполнить его людьми в разноцветных одеждах, идущих к своей цели, даже если этой цели нет? Каждую ночь этот город становится черным, как тьма, как лист черный, зарисованный и зачерченный линиями судеб. А утром он снова бел и чист, и всё начинается с нуля. Каждый день мы пишем свою личную и общую историю, чертим свои линии.

– Да-да, рождаемся и умираем вновь, – чай Франца начал остывать и он, шумно положив ложку на блюдце, залпом вы-

пил.

– Я бы сошла с ума всю жизнь жить среди белых стен. Как в дурдоме, – вырвалось у меня. Линкок кивнул:

– А вы думаете, почему мы постоянно воюем? Чтобы, как раз-таки, не сойти с ума.

– Не надо мрачности, капитан, – Рей строго посмотрел на него, и Линкок закусил губу. – Может быть, вы хотите спросить ещё что-нибудь?

– У меня есть ещё три вопроса. Где все остальные люди, женщины, дети? На улицах пустота. Что это за белые небоскребы на краю города? И с кем вы воюете и за что? – мне удалось собраться с мыслями и сформулировать основные интересующие меня моменты.

– Странно, что вас не интересует, когда мы вернем вас домой... – Рей задумался. – Давайте я начну с небоскребов. Они стоят не на окраине, на самом деле они занимают самое сердце. Там находится всё самое важное – архивы, лаборатории, производство, правители. В нашем мире нет стран, как у вас. Мы живем в городах, каждый из них объединяет людей вокруг себя, исходя из разных причин. Города-государства. И в каждом свои порядки, свои законы. Хотя так назвать их нельзя, скорее это просто правила, которых придерживаются все жители. Собственно приверженность каким-то определенным правилам и есть одна из причин объединения людей. А весь мир держится на том, что мы не преследуем людей из-за их расовой принадлежности, из-за их принципов

и взглядов, во всяком случае до тех пор, пока выполняют правила. Мы просто воюем, чтобы не уничтожить самих себя. Когда наши представления о мире настолько расширились, что мы поняли, какой на самом деле страшной силой обладаем, тогда и было принято решение направить её в самое мирное русло.

– Убивать друг друга? – страшные вещи мне представились при упоминании силы.

– Да. Это самое мирное. Представьте себе, – Рей подался вперед и оперся руками на стол, – что вы прочли все самые лучшие книги, увидели самые лучшие картины, создали лекарства от всех болезней, победили голод, покорили космос, узнали все тайны Земли, стали почти бессмертными... И что тогда? Не это ли самая страшная сила – знания? Потеря интереса, потеря смысла. Мы знаем ответы на все вопросы. Нам не нужно вступать в брак и жить семьями, чтобы иметь потомство; нам не нужно учиться годами, чтобы получить навыки и знания. Мы ничего больше не можем открыть и ничего не можем узнать. Поэтому возвращаемся к истокам. Что всегда, тысячелетия подряд, давало стимул людям? Война. Люди заняты переделкой и разработкой оружия, составлением стратегии. Для воинов шьют одежду, готовят еду, медики лечат раны. У каждого есть дело. Никто не успевает задуматься о смыслах. Что делает человек, который потерял смысл и никак не может его найти, несмотря на все свои безграничные возможности? Он умирает. А чтобы остаться в

живых, мы отказались от космоса, от технологического прогресса, от семьи. И существуем.

– И какой в этом смысл? Вы же играете в солдатики, бездумно. Разве может быть смысл в отсутствии поиска этого смысла? – мне хотелось поспорить с ним, отстоять основы своего мира, которые здесь уничтожились. Они же просто тратят своё время впустую. Ничего не делают ни для себя, ни для других. Живут, чтобы умереть. – Вы могли бы помогать другим мирам! Дать лекарства, технологии, сделать что-то хорошее.

– Вам самой не смешно? – Линкок улыбнулся моей резвости и горячности, – если вам просто так давать еду, кров и ничего не требовать взамен, даже спасибо, вы быстро превратитесь в жирную наглую свинью. И сдохнете от ожорства.

– Фу, как грубо, – состроив кривую рожицу, Франц продолжил, – можно было и без таких некрасивых сравнений обойтись. И не пожимай плечами Линкок, мы же не в казарме, с нами девушка. Кстати говоря, редкое зрелище в нашем мире. Как вечером глазели на неё солдаты, вы видели? В нашем мире, дорогая Рина, – он посмотрел на меня, – есть женщины, но их крайне мало. Они в какой-то момент времени даже рожаться практически перестали. Ведь для войны и свершений нужны мужчины. Обновляем мы человеческий состав искусственно, с помощью научных методов. Да и чем заняться женщинам в нашем мире? Для боя они слиш-

ком ранимы и слабы, вести хозяйство им тоже не нужно – у нас есть возможности не тратить время на бытовые вопросы. Дети воспитываются группами в соответствии с их способностями и предрасположенностями к определенной деятельности. Эти группы для них сначала семья, а потом боевая единица. Так мы поддерживаем боевой дух и дружественную атмосферу. Ведь каждый день есть повод показать силу связывающих нас уз и использовать её. Причем такие узы крепче семейных, – спасти друга, например, или пожертвовать собой ради него. Прекрасно, не правда ли? И как вы говорите, человек не умирает бесцельно – он спасает другого. И не просто друга, а человека, с которым был рядом с самого рождения, с которым учился ходить, пить и есть самостоятельно. Поэтому мы все равны и ценны друг для друга, даже занимая разные посты. Предвижу ваш вопрос об этой старушке-служанке. Рей у нас немного странный, таким можно держать прислугу из числа детских нянь. Но они настолько привержены своему делу, что похожи на роботов. У меня дома такого никогда не будет, страшно представить, если вдруг она умрет от старости или по рассеянности положит лишний кусок хлеба мне в тарелку. Нет уж, я доверяю науке и технике.

– Хватит, Франц, ты слишком много говоришь. Рина уже, наверное, ничего не понимает. Тем более ты не можешь рассказывать объективно. Твоя молодость с её эмоциями затмевает разум. Сколько там тебе? Чуть за сто? Вот пожил бы ты с моё... – Линкок подлил ему чая и поставил тарелку с

фруктами поближе.

– Да что мне ты! Если я проживу столько, сколько Рей, тогда и поговорим. И я тебя тогда точно уделаю с твоей мрачной философией!

– Хватит, ребята, – Рей прервал начинавшийся спор. – Каждый из вас по-своему прав. Да, мне нравится, что в моём доме есть живой человек, который готовит для меня. Когда живёшь долго, даже слишком, начинаешь понимать старость. Не думаю, что моей старушке было бы легче работать с детьми или отправиться в дом старости, доживать свой срок. Но, не будем об этом. У нас остался ещё один вопрос. Мне кажется, я уже говорил вам, Рина, в прошлую нашу встречу, что мы воюем со всеми. Сотни городов существуют сейчас в нашем мире. И каждый из них воюет с таким количеством соперников, скольких может позволить себе потянуть технически, экономически и сообразно своим целям. У кого-то больше войск, но лучше техника. У кого-то отлично работает наука, и тогда обычный бой практически не ведётся, всё решает оружие – химическое и биологическое. Рамок нет никаких, кроме одной. Это правило соблюдают абсолютно все, именно оно изначально послужило толчком к объединению нашего мира – мы не используем оружие, которое может уничтожить всё вокруг. Если это какой-то вирус, значит, есть лекарство, пусть не у защищающихся, но есть. Если это ядовитое вещество, значит, есть противоядие. Вот и всё. А причины находятся разные – солдат зашёл за границу,

течение реки замедлилось из-за стройки, всё что угодно. По сути, мы каждый день просто идём на поле боя как на работу, даже не осознавая того, что делаем и с кем боремся. Ведь мы живы, а поэтому можем встать и идти. Это самое главное. И день наполнен смыслом действий.

– Странно всё это. Непривычно. И жутковато, – мне надо было взять тайм-аут, подумать хорошенько, чтобы усвоить всё, что я узнала. Эти люди не выглядели несчастными, но и счастливыми тоже. Они просто жили, как умели. Но что-то здесь было не так, и я никак не могла понять, что именно. Францу больше ста лет? Но он выглядит как мальчишка лет семнадцати. При этом уже занимает хорошую должность. Сколько же живут эти люди? Возраст Рея определить невозможно, он выглядит как мужчина чуть за тридцать в моём мире, но из-за его взгляда не получается в это поверить. Если он гораздо старше Франца – значит триста, пятьсот? Нет. Такое точно не может быть правдой. Мне не верилось в половину из того, что они говорили, слишком фантастически это звучало.

Франц и Линкок поднялись из-за стола и стали прощаться. За окном было практически темно, фонари светили совсем тускло, судя по всему, время близилось к полуночи, а может быть и перевалило за полночь. Здесь нигде нет часов. Я тоже попрощалась с капитаном и Францем и подошла к окну, чтобы посмотреть, куда они пойдут, пока Рей проводил их до дверей.

На тёмной улице пусто, только горели окна в некоторых домах напротив. Неожиданно на мостовую упал луч света – это открылась дверь дома. Затем луч пропал, и две фигуры неспешно пошли в разные стороны. Я отвернулась от окна и стала ждать. Рей зашёл в столовую и предложил проводить меня до комнаты, так как служанка уже отдыхала. На мой вопрос о посуде он сказал, что не стоит об этом беспокоиться, и мы молча поднялись на третий этаж. Он проводил меня до двери, и теперь я посчитала, что она была третьей от лестницы.

– Доброй ночи. Завтра, если хотите, могу вас взять с собой на передовую, посмотрите, как идёт бой, – лицо Рея снова ничего не выражало, только взгляд казался очень уставшим.

– Мне было бы интереснее узнать, когда вы вернете меня домой или посмотреть город, если вы не хотите меня возвращать.

– Пусть так. Сопровождать по городу я вас не смогу, так что, будьте добры, не потеряйтесь, – с этими словами он развернулся и пошёл в сторону лестницы. Я стояла и смотрела ему вслед, пока спина его не скрылась за лестничным пролётом. Потом открыла дверь, зашла в комнату и легла на кровать.

8.

Через несколько минут вокруг стало непроглядно темно – фонари на улице отключились, а луны видно не было. Я лежала, закрыв глаза, и даже не пыталась уснуть. Как, почему со мной всё это произошло? Странная, страшная ситуация. Ладно бы, если это было рядовое похищение, – хотя кому и зачем меня похищать? Я даже согласилась бы, что это действительно бред или сон. Но я могу думать, могу чувствовать, и всё вокруг настолько реальное... Я могу менять ход событий, отвечать, как захочу, и люди действуют так, как сами того желают. Тем более выдумать такое устройство мира и в таких подробностях внешний вид, голоса людей я не смогла бы, даже в самом лучшем сне. Да, я уже приняла решение считать этот мир настоящим, а всё происходящее – своей нынешней реальностью. Но количество неопределенностей пугало меня и очень хотелось снова спрятаться в раковину под названием «это всё сон».

Белый город, чистый лист. Эти слова схожи с моими мыслями об этом месте. Прямолинейная история, никаких красивых картинок и легенд. Просто люди так решили – перенести суть своего мира на его физическое выражение. Да никто из них не идет своим путем на самом деле! Они все идут по одному и тому же пути – каждый день играют со смертью. Жизнь каждого из них, судя по всему, похожа на жизнь дру-

того. Отличаются имена, звания и, возможно, место боя. Никакого смысла. Они не готовят, не убирают, не ухаживают за домом и садом, не ходят в музеи и не читают книг. Господи, они даже не влюбляются и не заводят семьи. Их мир пуст! Что его наполняет? Детская игра в солдатики, только с живыми людьми. Неужели, если их технологии позволяют путешествовать в космосе, они не смогли найти там ничего интересного, не продолжили изучать его? Всегда, всегда можно найти множество вопросов, на которые нет ответов. Ученые нашего мира до сих пор не разгадали огромное количество тайн, не ответили на уйму вопросов: может ли человек воскреснуть, как возникла жизнь, есть ли другие живые существа во Вселенной, конечно ли она сама, что такое любовь, можно ли уменьшать и увеличивать предметы, существует ли магия? Да сколько угодно можно ещё выдумать себе задач. Возможно ли, чтобы они разгадали и эти тайны? Даже если предположить, что разгадали, хотя это сомнительно, разве не интересно самому попробовать уменьшиться или научиться пользоваться волшебной палочкой, вырастить детей и внуков, даже правнуков?.. Насколько далеко они ушли вперед нас в науке и технике, что потеряли смысл во всём и просто убивают время и ресурсы.

Голова у меня начала болеть, в глазах жгло. Я встала, нащупала стакан с водой у кровати и выпила. Мне вдруг ужасно захотелось вернуться домой, да хоть в гостиничный номер того города, в котором я остановилась. Интересно, кто-ни-

будь станет меня искать? На работе точно никто не переживает, ведь я в отпуске. Ещё как минимум неделю могу спокойно отсутствовать. Номер в гостинице оплачен на шесть дней вперед. Но там остались вещи. Куда они их денут, если я не вернусь к этому времени – выкинут, заявят в полицию? Вернусь ли я вообще? Стало тяжело дышать, несмотря на открытое окно. Я отошла от кровати и начала ходить по комнате, раздражающе простой комнате. Ничего лишнего – ни картин на стенах, ни узоров на шторах, никакой дополнительной мебели, кроме той, которая необходима. Скучно, тоскливо. Находиться здесь долго невозможно, либо начнешь всё крушить, либо сойдешь с ума. Я выглянула в окно. На тёмном, почти черном небе горели звёзды. Луна по-прежнему не показывалась, но глаза привыкли к темноте, да и очертания белых домов прекрасно виднелись, благодаря цвету. Я стояла и рассматривала их, ни о чем не думая. Просто смотрела и ждала, пока появится где-нибудь свет в окне – может быть, кому-то тоже не спится ночью. Напрягала слух, чтобы разобрать голоса, и ничего не слышала. Не знаю, сколько прошло времени, но спать мне так и не захотелось, а находиться в этих белых стенах стало невыносимо.

Стараясь ступать бесшумно, я вышла из комнаты и стала спускаться по лестнице. Я не боялась столкнуться с Реем, гораздо неприятнее было бы увидеть в это время старушку-служанку. Но никто не попался мне на пути, я спокойно вышла в прихожую и подошла к входной двери. Она ока-

залась не заперта. О, как приятно и свежо на улице. Сладкие запахи, которые я ощущала днём – вернулись, стали ярче и сочнее, к ним добавился запах ночной прохлады и соленый легкий ветерок, как будто город стоял на побережье. Все дома похожи друг на друга, как близнецы, но мне надо найти какой-нибудь ориентир, чтобы не потеряться, когда буду возвращаться обратно. Я оглянулась на дом – над дверью не было ни номера, ни названия улицы, зато висела небольшая табличка с непонятными символами и изображением розы ветров – её я узнала. И рядом с ней, по направлению юго-юго-запад вырезана змея. Я перешла через улицу и посмотрела на табличку, висевшую над дверью соседнего дома – направление было тем же самым, а рисунка не нашлось. С остальными близлежащими домами была такая же история, направление совпадало, символы различались, а дополнительные рисунки отсутствовали. Ну, хотя бы теперь мне ясно направление, а с остальным разберусь.

Я пошла по белой брусчатке мимо спящих домов вглубь города, помня, где находятся центральные небоскребы. Да, они моя цель на сегодня. Пока никого нет на улицах, на меня не будут показывать пальцем, и не придется ни с кем разговаривать лишний раз. Да и вообще, город, населенный практически одними мужчинами, казался мне безопаснее в ночное время суток.

Хорошо, что летние ночи здесь не слишком тёмные: ни в одном окне не горел свет, фонари тоже давно погашены,

и только благодаря свету звезд можно ориентироваться в пространстве. Отголоски страха скреблись у меня в голове. Я проходила вперед шагов десять-двадцать и оборачивалась, стояла, прислушивалась, – не крадется ли кто-нибудь за мной, не смотрят ли чьи-то внимательные глаза из открытых окон. Зачем я вообще решила гулять ночью? Но гордость уже не позволяла мне вернуться обратно, тем более всё ещё страшно наткнуться ночью в доме на старушку или, что теперь мне казалось хуже, – на Рея, пришлось бы объяснять, почему я хожу ночами одна по улице. Постепенно мои глаза окончательно привыкли к темноте, светлые очертания домов делали мир вокруг скорее серым, чем черным. Я достаточно долго шла по широкой улице, которая едва заметно поднималась вверх. Иногда влево и вправо поворачивали узкие проулки. По-прежнему было тихо и спокойно. Непривычно. Хотелось услышать лай собаки, шорох листвы (деревьев в городе мне не попадалось) или заметить, как кошка спрыгивает с забора. Да хоть что-нибудь кроме глухого звука моих шагов.

Не знаю, сколько прошло времени, но я устала идти, и вдалеке заметила, что небо чуть светлеет. Передо мной открылась круглая площадь, от которой расходилось в стороны пять широких дорог. Я пыталась найти какую-нибудь приметку, чтобы запомнить ту дорогу, с которой вышла, чтобы потом вернуться обратно тем же путем. Но ничего не могла найти. Посреди площади стоял фонтан, отключенный на

ночь или не работающий совсем. В центре его помещалась фигура, изображающая маленькое кривое дерево, яблоню. На ветках не было листьев, только белые яблоки. Я постаралась приметить расположение ветвей со стороны своей дороги, отсчитала влево третью – и направилась туда. По моим простеньким расчетам именно этот путь должен привести меня к небоскрегам. Небо светлело и светлело, а я всё шла и шла. Какой же огромный город на самом деле! Я почти выбилась из сил и потихоньку ругала себя за безрассудство. Могла ведь спокойно спать или просто лежать в теплой мягкой постели. Даже страх отступил перед усталостью от долгой дороги и от однообразной картины вокруг.

Небо быстро бледнело, что казалось, вот-вот взойдет солнце, а я всё ещё не добралась до своей цели. Неожиданно со всех сторон раздался громкий протяжный звук, похожий на горн или трубу. От испуга я вздрогнула, сердце колотилось как бешеное, ладони взмокли. Что это? Ответ пришёл быстро – по левую руку от меня я увидела розово-желтые полосы на светло-синем небе – вставало солнце. Значит, этот звук был чем-то вроде будильника.

Я стояла, как вкопанная посреди улицы, вокруг стремительно светлело и мне удалось разобрать звуки, доносящиеся из открытых окон. Хлопали двери, слышались голоса, даже кое-где звон посуды. Город просыпался. Надеюсь, что меня никто не заметит, я продолжила двигаться вперед. Все эти люди не будут вечно оставаться в своих домах, совсем ско-

ро они, наверняка, выйдут на улицу, и что тогда делать мне? Ночная темнота спящего города уже не казалась мне такой тревожной и опасной. А вот толпа военных на улице страшила куда сильнее. И снова раздался глухой протяжный звук, теперь он мне напомнил волчий вой. Не самое приятное звучание. Воздух будто напрягся, слышались громкие шаги за дверями. Сейчас эти люди начнут выходить. Я бросилась бежать, мне уже было всё равно, успеют меня заметить или нет, надо было спрятаться. Но куда? В этой части города нет широких боковых улиц, но иногда попадались тупики между домами, пустые места, заканчивающиеся стеной дома, повернутого спиной к этой улице. Будто дыра от вырванного зуба. Ну, где же этот спасительный тупик, должен же быть хоть один, я встретила штук пять таких до этого места. Смертельно напуганная я бежала и успевала следить за домами. В самый последний момент, когда ручки на дверях начали опускаться, слева обнаружился тупик. Я с удивительной для себя быстротой кинулась туда, отошла как можно дальше, в тень, вжалась в стену и старалась практически не дышать. Это оказалось очень трудно, после бега дыхание сбивалось, в боку кололо, и ужасно хотелось пить. Я глотала слюну и старалась делать медленные вдохи и выдохи, чтобы успокоиться.

Со стороны улицы слышались шаги, приветственные возгласы, и через пару мгновений я увидела людей. Мужчины выстраивались в ряды и неспешно, но стройным шагом дви-

гались в сторону площади с деревом-фонтаном. Выглядели они не так, как вчера. Форма не зеленая, а темно-синяя, глубокого насыщенного цвета. Серебряные полосы шли вдоль внешнего края рукава от плеча к запястью и заканчивались пятью полосами на каждой манжете. На слабом утреннем свете полосы сверкали от каждого движения. Необычайно красиво выглядела эта форма на высоких статных мужчинах, вышагивающих на фоне белых домов. Мне хотелось рассмотреть их лица подробнее, но ближе подойти я не решалась. Страх быть обнаруженной останавливал меня. Ряды военных двигались вперед, среди них стали попадаться люди в серых и голубых плащах. Ни у кого я не увидела даже намёка на оружие. Чем дальше они шли, тем меньше говорили. Солнце уже поднялось настолько высоко, что попадало на крыши и верхние этажи домов. Мне стало легче дышать, вынужденная остановка позволила отдохнуть, и я думала, что как только все военные пройдут, можно отправиться дальше.

9.

Когда шествие синих мундиров закончилось, и даже звук шагов до меня перестал доноситься, я вышла из своего укрытия и продолжила путь. Но уже того энтузиазма как ночью, не испытывала. Резко мне стало абсолютно всё равно, что там внутри небоскребов и вокруг них. Мне ужасно хотелось есть и пить, ноги болели, глаза слезились от яркости белой краски на стенах домов, отраженной солнцем. Да какая, в сущности, разница, как устроен этот мир и чем живут эти люди. Всё это не моё дело, я не живу здесь и не собираюсь долго задерживаться. Чёрт дернул меня пойти к небоскребам. Сидела бы лучше дома у Рея и ждала удобного момента, чтобы попросить вернуть меня обратно. Да и зачем удобный момент? Надо было прямо с утра, за завтраком, поставить вопрос ребром. Либо ты возвращаешь меня домой, негодяй, либо... Либо что? Что я могу противопоставить ему и всем жителям этого мира, этого города? Ничего. Я вдруг почувствовала себя беспомощной, пустой и даже несчастной. Одна, посреди чистого листа, иду, рисуя свой путь, иду, не зная, куда и зачем. Гонюсь за призраками чужого мира, обитающими в белых небоскребах. Почему? Сначала мне было любопытно, потом обидно за детей и женщин. А теперь?

За этими мрачными путанными мыслями я не заметила, как добралась до конца улицы. Она упиралась в высокую сте-

ну, метра два с половиной высотой, тоже белую, каменную. Дорога поворачивала вправо и влево вдоль стены, окружая её. С того места, где я остановилась, мне четко было видно, что стена закругляется. За стеной, внутри, были они – десятки высоченных домов. Я настолько устала и разочаровалась в себе, что даже не обратила внимания, как добралась до своей цели. Мои глаза гуляли по ровной поверхности гигантов, голову приходилось запрокидывать далеко назад, практически до параллели с землей, чтобы увидеть вершины каменных небоскребов. Да, они были построены из камня и стекла. Или из материала, похожего на камень. Солнце играло на стеклянных панелях первых двух-трех десятков этажей, а выше начинались окна. У каждой башни они разные – где-то круглые, где-то высотой во всю стену, где-то витражные, как в готических соборах, с тем лишь исключением, что стекла все одного цвета. Форма башен тоже отличалась: некоторые привычной для меня формы – параллелепипеды, цилиндрические, башни-конусы и башни-пирамиды, а посередине возвышалась гигантская башня в виде звезды, скорее всего пятиконечной, сколько я ни старалась, не могла сосчитать количество этажей. Мне были видны два угловых выступа этой башни, расстояние между ними как раз такое, как обычно получается на рисунках, когда изображаешь пятиконечную звезду. Что-то в ней меня смущало, я могла двигаться в любую сторону, смотря на башню и мне казалось, что она движется вместе со мной. И тут я поняла – одним сво-

им концом он смотрела как раз в сторону той большой улицы, с которой я пришла. Чтобы подтвердить свою догадку, я пробежала вдоль забора до следующей такой улицы и убедилась, что соседний конец башни-звезды смотрит именно туда. И на той круглой площади с фонтаном пять дорог. Значит, в этом городе есть определенная схема постройки, какая-то идея. Я решила чуть позже расспросить кого-нибудь об этом подробнее. А пока пошла вдоль стены, оставив на углу последнего дома резинку для волос, чтобы по ней сориентироваться, когда буду возвращаться. Никаких дверей и ворот в стене не попадалось, хотя я прошла уже две дороги.

Вдруг я услышала какой-то шум, похожий на гул голосов. Прислушавшись, я разобрала мелодию – прекрасными нежными голосами пел небольшой хор. Мелодия звучала веселая, ритмичная. Я пошла на звук вдоль стены, голоса становились громче. Да, пение раздавалось из-за стены, и теперь я могла различить голоса – это дети. И пели они о том, какой прекрасный сегодня день, как ярко светит солнце и как они хотят радоваться этому дню и делиться радостью со всеми. Обычная детская песня, но как же странно она звучала здесь, среди голых улиц, белых пустых домов. Где-то за границей этого чистого города гибнут люди, льётся кровь, земля расплескивается грязью от рук человеческих, от ранящих её бомб, звери и птицы разбегаются, напуганные страшным воём. А дети, запертые в этом искусственном мире, как в вакууме – ждут радости, поют песни солнцу. Они не знают, какая

страшная участь их ждет. Когда они подрастут, то им сошьют зеленые или синие мундиры, наденут на них блестящие черные сапоги, серые плащи, выделят комнату в белом домике на окраине и отправят умирать. Умирать с этой песней, спрятанной где-то глубоко в душе. И они никогда не улыбнутся своим родителям, потому что не знают их, потому что нет у них мамы и папы. Есть только друг, товарищ, который так же безмолвно будет умирать и убивать других. Они никогда не узнают, как здорово возвращаться не в пустой дом, а к родным; как приятно, когда на пороге тебя встречает кошка или собака. Они будут есть, пить, спать и воевать. Свои прекрасные детские мечты они оставят за этими стенами, в архивах одной из десятков башен.

Я вдруг ощутила внутри себя волну злости и отчаяния. Это детское пение всколыхнуло неконтролируемую ненависть к устройству этого мира. Я никогда не была борцом за справедливость, просто жила, как получалось. Меня не волновали глобальные социальные процессы, судьбы мира. Но здесь и сейчас мне было совершенно не всё равно, мне хотелось ломать эти белые стены, рушить вокруг всё, лишь бы эти дети оказались на свободе. Мне казалось, что они живут там, в этих небоскрёбах, как в тюрьме. Я стояла и смотрела на кирпичную кладку, дышала тяжело и глубоко, то сжимала, то разжимала кулаки. А дети продолжали петь, уже какую-то другую песенку. Так весело петь могут только счастливые дети, я ведь могу ошибаться на счет их видения мира.

Они никогда не знали семьи, свободы. А потому – счастливы тем, что имеют. Нет! Это невыносимо. Здесь не только дети, здесь все люди живут как на скотобойне. И как бы они не видели свой мир, для меня он именно таков – жестокий, холодный, белый.

А женщины? Внезапная мысль о женщинах заставила мою ярость перерасти в непонимание. Я двинулась дальше вдоль стены, пение становилось тише и мысли мои побежали вперед. В воображении разыгрывались жуткие картины жизни небольшого числа женщин, которые становились матерями для сотен детей. Они лишены материнского инстинкта, раз позволяют такое обращение с собой и детьми, а может быть, они даже не понимают, что происходит, или их удерживают силой и искусственно контролируют пол рождаемых детей? Это же ужасно – но неужели слова о том, что все солдаты здесь как братья, стоит воспринимать буквально? Мне до тошноты стало противно. Такой вариант показался чем-то мерзким, грязным, преступлением против человека, против природы и Вселенной. Нет, должно быть что-то другое. Неужели эти люди настолько аморальны, лишены этических понятий?

За размышлениями я не заметила, как оказалась довольно далеко от того места, с которого начался мой путь вдоль стены. Солнце поднялось высоко, становилось жарко, и мне явно пора возвращаться обратно, если я не хочу снова прятаться или идти по темноте. В этот момент впереди я за-

метила что-то блестящее на стене. Ускорив шаг, через пару минут оказалась перед огромными стеклянными воротами, ведущими внутрь стены, к небоскрегам. Их величие снова поразило меня, но и напугало. Ни какого намека на растительность, белая широкая дорога вела от ворот вглубь территории, белые резные беседки были раскиданы у подножия небоскребов, фонтанчики шумели с разных сторон. И вдалеке люди. Одетые в белое, бледно-розовое, серебристое, – балахоны, платья. Это женщины! Их было мало, не больше пары десятков у самого подножья, возраст издалика разобрать невозможно, но все они были высокими, статными. Женщины спокойно шли, подходили к дверям и скрывались за ними. Я отошла чуть в сторону и притаилась у ворот, так удобнее наблюдать. Когда последняя из женщин скрылась внутри, из-за угла ближайшей к воротам башни вышла высокая седая дама в голубом, а за ней, держась за руки и выстроившись парами, шагали дети. Аккуратно одетые в одинаковые костюмчики такого же голубого цвета, как платье воспитательницы, с каштановыми, черными, пшеничными волосами. Они весело болтали, некоторые смеялись. И все – мальчишки. Сколько я ни старалась разглядеть хоть одну девочку среди них – так и не смогла. Моё зрение напрягалось до такой степени, что начала болеть голова. Обходя башню, они приблизились к воротам настолько, что я смогла различить и некоторые другие мелкие детали – на рукавах костюмчиков нашиты такие же серебристые полосы, как и у солдат, кото-

рых я видела сегодня. У многих мальчиков проколоты уши и в них продеты серьги – какие, я не смогла рассмотреть, видела только, как они поблескивают в свете солнца. Загорелые, довольные ребята вслед за дамой прошли мимо ворот и, свернув на дорожку, идущую вдоль стены, скрылись из виду.

От всего увиденного я пришла в смятение. Ничего подозрительного и страшного я не увидела – спокойные женщины, счастливые здоровые дети. Но при мысли о том, что они живут обособленно, следуя одной единственной цели, я снова начинала злиться. Остаться здесь дольше было нельзя, и я повернула обратно.

Силы меня покидали, я очень хотела есть и пить, желудок сводило от боли, глаза слезились от яркого солнечного света, многократно отраженного белыми стенами, брусчаткой. Солнце пекло так, будто хотело зажарить меня, как тушу дикого зверя на вертеле.

Вконец измучившись мыслями, дорогой и жарой, я присаживалась на ступени домов отдохнуть буквально через каждые сто метров. Если солнце не перестанет так печь, если я не напьюсь воды, то точно умру. Собрав последние силы, я поднялась и поплелась дальше, вот уже впереди виднелось дерево-фонтан, там есть вода. Мне уже было всё равно, чистая она или грязная, я готова была пить любую воду. Лишь бы добраться до неё. Я ускорила шаг, ноги отозвались болью, но я упорно двигалась вперед, стиснув зубы и иногда постанывая от страданий. Мне казалось, что какие-то жи-

вотные чувства овладели мной. Я злилась на всех – на себя, на Рея, на этот мир. Почему нельзя посадить деревья, чтобы была тень, почему нельзя сделать дома разноцветными, чтобы этот ужасный белый цвет не слепил глаза? Зачем я здесь, почему никто не спросил меня, хочу ли я быть в этом городе? От злости я так сильно стиснула зубы и кулаки, что мне стало больно. В глазах темнело, ноги отказывались идти. Почему я так ослабла, даже суток не прошло с момента последнего приема пищи, да и путь был не таким уж и долгим, чтобы измотать меня настолько сильно. С этими мыслями я вышла на площадь перед фонтаном, вместо яблок на дереве теперь появились листья, белые листья. Из них лилась прозрачная вода и с шумом падала в чашу. Добравшись до неё, я опустилась на колени и зачерпнула руками воду, – она оказалась ледяной, кристально чистой и невероятно вкусной. Я набирала её в ладони и пила, не могла остановиться. Умывалась, смачивала волосы, да что говорить, – я была готова залезть в фонтан и лежать там до скончания мира. Зубы сводило от холода, руки немели, а я всё продолжала пить. Мне стало чуть легче, да и солнце покинуло зенит.

Прислонившись спиной к чаше, я опустилась на мостовую, прикрыла глаза и под звук льющейся воды стала представлять оставленный мной городок. Что сейчас там делают люди? Работают, гуляют, пьют чай в кофейнях, дети катаются на велосипедах, за городом созревают яблоки в садах, река неспешно течет куда-то, летают птицы... Там настоящая

жизнь. У каждого своя маленькая цель и каждый живет согласно ей. Наш мир цветной. Нет! Он пёстрый, потому что мы, люди, тоже разноцветные. У меня черное грустное пальто и сегодня я мрачно иду сквозь толпу, а завтра надену красное платье и побегу гулять в парк. Женщина рядом со мной счастливо улыбается – у неё желтая кофточка, а вон тот ребенок плачет, и костюмчик у него синий. Синие костюмы... Серебряные полосы... Белые стены... Мои мысли становились всё более беспорядочными, и я ощутила себя немного сумасшедшей. Мне никак не удавалось зафиксировать желания, заставить глаза открыться, встать и идти к дому Рея.

10.

Во второй раз за последнюю пару дней меня будили. И будили достаточно настойчиво. Сквозь сон я слышала тревожный звонкий голос:

– Рина, вставайте! – я никак не могла понять, кого зовут, и кто говорит.

– Оставьте меня в покое, – пробормотала я и хотела повернуться на другой бок, но кровати подо мной не оказалось. От испуга я резко открыла глаза и раскинула руки в разные стороны, но меня успели поймать до того, как я коснулась земли. Оказалось, что я сижу посреди площади, прислонившись спиной к чему-то холодному, и чуть не упала на бок. Рядом со мной сидел на корточках Франц, это его руки остановили моё падение. Рина, точно, именно так я представилась. Теперь меня так зовут.

– И давно вы здесь спите? – он явно успокоился, убедившись, что я проснулась.

– Когда я уснула, уже было за полдень. Как вы нашли меня? – мои ноги совершенно каменные, ступни горят. В глаза будто насыпали песок, моргать больно, да и смотреть по сторонам я могла только прищурившись.

– Рей утром не обнаружил вас в комнате и подумал, что вы ушли или сбежали. Поэтому попросил меня разыскать вас. Я уже полгорода обежал, а вы тут спите! Разве так можно? –

он вроде бы и ругал меня, но делал это крайне деликатно. Мальчишка!

– Он сам сказал, что я могу осмотреть город днём.

– Днём? Не смешите меня. Судя по вашему состоянию, вы тут бродите ещё с ночи. И только попробуйте сказать, что я не прав, – он укоризненно посмотрел на меня, и мне неожиданно стало стыдно. Может, они вовсе не плохие люди?

– Не буду врать. Только не говорите Рею, пожалуйста. Боюсь, что он не правильно меня поймет, – я постаралась говорить как можно мягче. Если они заметят, как мне здесь плохо, то поскорее отправят домой.

– Рей не дурак, к вашему сведению. Он и так всё знает и понимает. Но если вы настаиваете, то я ничего ему не скажу. Объясните всё сами, – он помог мне подняться и позволил опереться на его руку, достал из кармана яблоко и вложил его в мою ладонь, – а теперь я отведу вас домой, пока войска не стали возвращаться.

– Спасибо, Франц.

Он едва заметно смутился от моей благодарности, и мы пошли к дому Рея. Я немного прихрамывала, и Франц не торопил меня. Мы молчали, я жевала яблоко. Мне всё ещё было стыдно, но и чувство торжества не оставляло меня. Пусть, пусть они увидят, что их мир сделал со мной! Пусть Рей поймет, какую глупость и отвратительный поступок он совершил, притащив меня сюда. Я решила не тратить время зря, а задать Францу вопросы, которые мучили меня весь день и

ночь:

– Скажите, Франц. А почему сегодня форма другого цвета была у войск? Я видела, как они выходили утром из домов.

– Ах, это... У нас есть цветовая градация в войсках. Когда мы только начинаем военные действия, войска одеты в коричневую форму – на ней не так заметна грязь, ведь приходится рыть траншеи и окопы, да и в целом, много трудной, однообразной работы, включая разведку. Когда идут основные боевые действия – форма зеленая, а когда мы начинаем побеждать и переходим в наступление, то надеваем синюю форму. Синяя же и парадная. Если честно, она мне нравится больше всего. Цвет моря и небесной синевы, – Франц задумчиво улыбнулся, и мне подумалось, что он совершенно не похож на военного. Если бы не форма и выправка, он был бы похож на юного мальчишку, только-только окончившего школу. Он красиво и образно говорит, наверняка любит помечтать, пальцы на его руках длинные и изящные – из него вполне мог бы выйти пианист или скульптор. Но волею судьбы он должен воевать.

– Интересно... А если в процессе наступления окажется, что вы всё же проигрываете, что тогда?

– С начала наступления и до окончания боев в этой фазе, чем бы они ни закончились, мы носим синий цвет. Это, кстати, очень помогает настроиться на боевой лад и не отчаиваться, когда над нами висит гильотина поражения.

– И часто вы проигрываете? – интересно, придают ли они

какое-нибудь значение происходящим событиям, нравится ли им то, что они делают.

– Теперь нет. Раньше, когда я ещё не родился, проигрывали часто. Соперники были сильнее, да и оружие не такое совершенное. В настоящее время наши войска одни из самых маневренных и обученных на всей планете, у нас отличное оружие и умелые, опытные командующие. Мы смогли сохранить им жизни, и теперь они делятся с нами опытом. А многие наши соперники бросали командиров на амбразуру или казнили за поражения и остались с тем, что есть. То есть ни с чем. Мы же поступили хитрее.

– Франц, неужели вам так нравится воевать? Ничто другое не занимает ваш разум? – я старалась говорить мягко, играя легкое любопытство, даже наивность. Не думаю, что мальчишка настолько опытен, чтобы обнаружить подвох в моих словах. Он задумался, какое-то время мы шли молча. Дорога всё больше уходила вниз, а значит, скоро мы достигнем дома Рея, и разговор может закончиться раньше, чем я узнаю ещё хоть что-то важное.

– Если бы мне не нравилось воевать, я бы не занимался этим. Не правда ли? – он внимательно посмотрел на меня, и я поняла, что хитрость не удалась. Да, дураков здесь нет. Надо принять этот факт и быть осторожнее, – тем более я не воюю в прямом смысле этого слова. Мне никогда не приходилось держать в руках оружие, сидеть в окопах и тому подобное. Я работаю в штабе – тактика, стратегия, локальные маневры

– вот это то, чем я занимаюсь каждый день. Здесь больше исследовательской работы, науки, если хотите. И размышлений. Я должен знать и видеть не только свою часть фронта, но и всю картину в целом. Понимать, как действия моих частей могут повлиять на исход битвы. Я должен придумать что-то такое, чего не сможет придумать противник. Удивить его, и тем самым победить.

Должен, должен... Франц постоянно повторял эти слова, будто внушал себе, что это единственно правильное и важное в его жизни. Долг, честь, что там ещё в почете у людей его профессии? Неожиданно мне стало жаль его, ещё несколько лет такой жизни и он совсем забудет себя, станет машиной, вычисляющей лучшие ходы. Хотя Рей, Линкок – они гораздо старше Франца, но не стали машинами. Может быть потому, что действительно опытные, слишком много видевшие?.. А ведь я тоже своего рода машина – что я делаю в обычной жизни? Ничего полезного и значимого, просто выполняю набор определенных функций и всё. Мы одинаковые. Они выросли в военной догматике, а я в догмах «нормальной жизни», где дом-работа-семья это и есть вся жизнь. Я ещё пыталась обвинить этот мир в чём-то ужасном, а сама живу в таком же. Да, мы прикрываемся моралью, этикой, счастьем и пользой. А по сути непонятно чем мы живем, счастливы ли мы? Вот я, например, постоянно бегу. Бегу, чтобы быть собой. А они живут отсутствием себя. Цель у нас одна – спокойно добраться до конца. Но не может быть, чтобы никто не

пытался вырваться из этой паутины. Рей же говорил при нашей первой встрече, что приходит на берег реки, чтобы что? Отдохнуть, отвлечься. А почему? Он устал. Кто хочешь устанет от такой бессмысленной жизни, от белого цвета, взрывов, воя орудий.

– Спасибо, Франц. Вы в очередной раз помогаете мне.

– Не стоит. Мне немного жаль вас, если честно. Вы здесь, оторваны от привычной жизни. Наверняка и самочувствие неважное, после перемещений в первое время всегда так – быстро устаешь, голова болит, мысли путаются.

– Да, чувствую я себя действительно ужасно. И домой тоже хотела бы вернуться, – я решила быть честной с ним.

– Вас наверняка ищут?

– Нет, не думаю, – вырвалось у меня. – На работе отпуск, а все остальные знают, что я уехала.

– Может, оно и к лучшему. Не думаю, что вы сможете вернуться в ближайшее время.

– Почему? – мне стало неуютно от этих слов. Они что, собираются держать меня тут силой? Хотя я всё равно не смогу ничего сделать.

– После первого путешествия вам надо восстановиться, иначе могут произойти необратимые изменения в организме, головном мозге и психике. После десятого, иногда двадцатого перемещения человек полностью адаптируется, и тогда можно перемещаться практически без ограничений.

– И сколько времени должно пройти, чтобы я могла вер-

нуться?

– Неделя, может быть две. Всё зависит от вашего состояния, – последние слова Франца донеслись до меня будто издалека.

Неделя... Это много или мало?

11.

Дом Рея пустовал, окна открыты. Старушки-служанки нигде не было видно. Мы с Францем прошли в гостиную, он сел в кресло, перед этим принеся мне еды и воды. Я перекусила и легла на диван. Удивительно, но спать уже не хотелось. Прикрыв глаза, я размышляла, чем буду заниматься здесь целую неделю. Франц тоже молчал, пил чай – я слышала, как он ставил кружку на стол и иногда подливал из чайника заварку. Легкий ветер сквозь окна проникал внутрь комнаты, шуршал шторами.

– Вы не расстраивайтесь, Рина, – неожиданно сказал Франц. – Если хотите, я поговорю с Реем, чтобы он разрешил вам выходить за город и издалека наблюдать за ходом боя? Он упоминал про такую возможность.

– Мне не интересна война, – я всё ещё не открывала глаза. – Гораздо лучше было бы провести меня за стену к небо-скребам, чтобы я могла посмотреть на детей и женщин, которые живут там. Почитать архивы, – от собственной смелости мне стало и страшно, и радостно, наверное, даже щеки покраснели, пульс повысился точно, как бьется сердце, чувствуется даже в пятках.

– А вот это вряд ли удастся осуществить. Рей хоть и очень влиятельный, но уже нарушил закон, притащив вас сюда. Эта шалость сойдет у него с рук, поскольку виноват в этом тот,

кто позволил копьё проникнуть в ваш мир. А в небоскребы попадают только избранные, или командиры и то, исключительно по делу. Нам с вами, простым смертным, – он рассмеялся, – туда нет входа. Кстати, мы ищем того человека, который виновен в случившемся, но пока безуспешно. Дезертир, скорее всего.

– Это такая страшная провинность? Вы сами говорите, что для Рея это шалость.

– Утащить человека – да, шалость. А убежать в ваш мир, не закрыв переходное окно – преступление. Не так много людей в нашем мире умеют это делать, перемещаться то есть. И скорее всего это был не просто военный, во всяком случае точно не рядовой. Но пока бои идут активно, найти его сложно.

– И что будет с этим человеком, если вы его всё же найдете? – насколько жестоки здешние законы? Мне ничего неизвестно об их морали, о правилах.

– Сначала его будут судить, а потом либо накажут соответствующим образом, либо отпустят, если вина не будет доказана. Мы один из немногих городов, который сохранил систему судов. В большинстве городов их как таковых нет, там работает четкая система «проступок-наказание» и никто не разбирается в ситуации. Для нас такой вариант неприемлем, слишком мало население, чтобы уничтожать людей за небольшие шалости, – слышу, как Франц встал и прошёл куда-то. Приоткрыв глаза и повернувшись в его сторону, я уви-

дела, что он стоит у окна.

– Да уж, не завидую я этому человеку. Может быть он просто хотел сбежать от того ужаса, что творится на фронте. От дикого воя и ожесточенной борьбы, которая происходит каждый день, можно запросто сойти с ума.

– Это вам так кажется, Рина. Мы привыкли. Потому что это – наша жизнь. Ничего другого мы не знаем, кроме детства в небоскребах, – мне показалось, или он и, правда, стал говорить более тусклым голосом. Я села и собрала волосы в хвост.

– Так узнайте другое. Вы можете перемещаться между мирами, летать в космос. Какой смысл здесь погибать? – этот разговор начал меня раздражать, какая-то тупая покорность придуманной судьбе. Тошнотворные слова «мы», «привыкли». – Вы просто боитесь что-то изменить, боитесь быть другими. Боитесь вывесить белый флаг и прекратить войну, боитесь осмотреться вокруг ещё раз. Вы заперли детей в башнях из стекла и камня, вы не показываете им поля и луга, деревья и птиц. Вы растите из них расходный материал, бездушных воинов, которые от всего этого белого безумия с радостью идут на смерть! Вы – не люди!

Франц повернулся ко мне, глаза его были полны испуга, ветер раздувал шторы, и они то били его по лицу, то укутывали белым саваном. Он не казался сейчас живым, скорее нарисованным в своём красивом синем мундире, с блестящей серьгой в ухе и длинным пшеничным хвостом. За моей

спиной раздались смешок капитана Линкока и тихий голос Рея:

– А вы нашлись, как я вижу.

У меня перехватило дыхание. Я вовсе не собиралась говорить эти слова ни Францу, ни тем более Рею. Это вышло как-то само собой. Одна надежда, что они пришли только что, а не стояли у меня за спиной с самого начала монолога.

– Конечно, нашлась, живая и здоровая. Вон, какие речи толкает. Революционерка! Кого ты к нам перенёс, Рей? – Линкок, не стесняясь, смеялся во весь голос, а я не смела повернуться. Мне было обидно за насмешки, страшно за свои слова. Рей хозяин положения и вполне мог пустить мне пулю в затылок, накинуть петлю на шею – да что угодно, не знаю, как принято у них обращаться с теми, кто недоволен мироустройством в этом городе.

За моей спиной послышались шаги, я напряглась всем телом и закрыла глаза. Вот сейчас всё и закончится. Кто-то сел рядом и тихо вздохнул. Я ждала, кажется, даже не дышала. На мои колени опустилось что-то тяжелое, наверное, какой-то свёрток. Что это?

– Рина, откройте уже глаза. Никто не будет вас убивать за слова, сказанные в дружеском кругу. Если вы думаете, что мы не понимаем того, о чем вы говорили, то вы ошибаетесь. Ну, вспомните нашу первую встречу. Что я делал? Отдыхал. Хотел на мгновение забыть то место, в котором мне приходится жить. Вот Линкок не может перемещаться между ми-

рами и поэтому отдыхает иначе – курит трубку по вечерам и шутит с каждым, кого встретит. А Франц слишком молод и пока не получил разрешения на эксперименты, вполне возможно, что он тоже не сможет этого делать. Последние годы детей с такими наклонностями рождается всё меньше и меньше. А Гальер? Он слишком долго живёт в этом мире и думает о нём гораздо хуже, чем вы. Но никто не позволит ему покинуть город раньше необходимости. Каждый из нас в чём-то согласен с вами. Но большинство солдат не согласятся. Поэтому никто не раскачивает лодку. И убивать вас не будет.

– Да посмотри, как она напугана, Рей. Твои слова не доходят до ушей нашей гостьи, – похоже, Линкок раскурил трубку и сел где-то рядом. Я рискнула открыть глаза и посмотрела на свёрток.

– Что это? – вопрос вышло задать шёпотом, от волнения голос пропал. Мне было стыдно смотреть на присутствующих, поэтому я не поднимала глаз. Франц пришёл в себя, прошёл к креслу и осторожно присел на самый край.

– Открывайте смелее. Поскольку вам придется задержаться у нас, мы с Реем подумали, что вас надо одеть менее ярко. Маскировка и мимикрия, так сказать, – непонятно, шутит капитан или нет.

Я развернула белую бумагу и под ней увидела нечто нежно-розового цвета, какую-то ткань. Это действительно одежда! Внутри свёртка оказались два платья: одно розовое, дру-

гое голубое. Я встала и рассмотрела каждое платье по очереди – легкие, практически воздушные. На розовом чудесные белые оборочки из кружева, а по всей ткани голубого платья струились тонкие серебряные нити. Длинной оба платья до пят, к каждому прилагался пояс на тон темнее.

– Они прекрасны. Спасибо.

– Ну, примеряйте же, нам интересно посмотреть на вас в новых нарядах, – Линкок подмигнул мне, – а мы пока принесём ужин сюда. Раз в столь ранний час все собрались вместе, стоит отметить это. Рей!

Я быстро собрала платья и поднялась наверх. После ночной прогулки и длинного, жаркого дня, мне нужно было принять душ. Не могу же я надеть эти прекрасные платья на грязное потное тело. Ванная комната обнаружилась за одной из первых дверей на моём этаже. С радостью скинув свою одежду, я встала под прохладный душ, но задерживаться долго под водой не рискнула. Не очень приличным казалось заставлять этих людей ждать меня долго к ужину. Я наскоро вытерлась и, завернувшись в полотенце, пошла в комнату. Хотелось поскорее примерить платья – хоть какое-то развлечение. На столике в комнате снова стояли цветы, уже свежие – яркие анютины глазки, я узнала их с первого взгляда и обрадовалась новому цветочному пятну.

Для начала я надела розовое платье, оно сидело как влитое. В нём было прохладно и легко, я покружилась посреди комнаты и осталась довольна. Но голубое мне нравилось го-

раздо больше, да и для вечера оно подходит идеально. Быстро переодевшись и завязав пояс, я повернулась к зеркалу и застыла перед ним. Никогда ещё не видела я себя такой красивой. Когда в последний раз платье появлялось у меня в гардеробе? Давно. А надевалось и не вспомнишь когда. Вот только волосы мокрые, распустить их было просто неловко. Но я нашла выход – соорудила пучок с помощью резинки, которая оказалась тут со мной, пригладила волосы рукой, подождала, пока они подсохнут, и воткнула в пучок цветок из букета. Получилось очень неплохо. Правда, подходящей обуви не нашлось. Мои кроссовки испортили бы весь вид, поэтому я решила идти босиком. Пусть эти вояки думают, что хотят.

Когда я спускалась вниз, по улице уже шли солдаты, а, значит, скоро стемнеет и зажгутся фонари. Снова наступит тёплая летняя ночь, моя вторая ночь в этом городе. Два дня из недели уже прошли. Осталось подождать всего пять.

12.

За дверью гостиной снова слышались голоса, как и вчера. А я снова стояла в нерешительности и не могла открыть дверь. Всё же Рей, Линкок и, особенно, Франц оказались добры ко мне, как бы не хотелось это признавать. Надо отплатить им тем же. Это всё, что я могу сделать для них. Тем более живое общение способно скрасить моё пребывание в этом мрачном месте. Я с силой толкнула тяжелые двери, и они открылись. Три пары удивленных глаз смотрели на меня. Несколько секунд все стояли молча, а потом Франц, одернув синий мундир, бодро подошёл ко мне, закрыл двери и, подав руку, проводил к столу. Да, эти трое серьезных мужчин накрыли маленький журнальный столик в гостиной. Здесь дымился аппетитный ужин, стол ломился от сладостей, фруктов, я заметила бокалы и, видимо, вино. Действительно праздник.

– Да вы, оказывается, красавица, – совершенно серьезно произнёс капитан.

– Никогда не знала об этом. Вы открыли мне глаза, – я попыталась улыбнуться, но от смущения вышло криво. Франц налил мне вина, положил в тарелку еды и протянул салфетку. Рей молча смотрел на меня, будто проверял, всё ли сшито правильно, не надела ли я платье задом наперёд. Затем его взгляд опустился к полу, он нахмурился и сказал:

– Вы босая? – я не нашлась, что ответить. Неловкая ситуация. – Линкок! Мы забыли про обувь. Рина, простите нас, мы слишком увлеклись выбором платьев и забыли про туфли. Завтра утром я всё вам принесу. А сегодня мы сделаем вид, что ничего не случилось.

– Рей, прекратите. У меня есть обувь для улицы, а в доме я могу ходить босиком.

– Вы что, Рина, – воскликнул Франц, – собрались гулять в платье и этих ваших грубых ботинках?

Мне опять стало стыдно. Да что же такое, они постоянно вгоняют меня в краску и ставят в неудобное положение. Откуда такие старомодные взгляды? Но, возможно, для меня эти взгляды старомодны, а для этих людей – нет. Весь их мир полон противоречий.

За окном зажглись фонари и медленно угасали, пока мы продолжали есть, пить вино, чай и пробовать сладости. Вкус у них оказался невероятным. Одни конфеты, похожие на розовые лепестки оказались тончайшим изделием из белого шоколада с фруктовым вкусом. Земляничный мармелад – никогда в жизни я не пробовала ничего вкуснее, малиновая меренга, закрученная в маленькие конусы, какое-то чудесное лакомство, похожее на пастилу с лепестками цветов василька.

Мужчины говорили и говорили, о сегодняшнем бое, о том, что завтра, скорее всего эта война окончится, а значит надо готовиться к новой битве. После они слушали Франца,

он рассказывал, как разыскал меня, а мне пришлось кратко поведать о своём ночном путешествии. Линкок смеялся так, что выронил трубку и рассыпал табак на чистейший ковер. Рей упрекал его в неэтичном поведении, а Франц тихонько улыбался и иногда подшучивал над старшим товарищем. За окном становилось всё темнее, на стенах в гостиной загорелись крошечные светильники, и неожиданно уютным показалось мне это огромное полупустое помещение.

Разомлев от вина и вкусной еды, я расслабилась и забралась с ногами на диван и уже наполовину не слушала разговор, а смотрела в окно поверх голов Франца и капитана, сидевших напротив меня.

– Можно завтра я не пойду в город, а прогуляюсь за его пределами? – я перебила Рея, который рассуждал о том, завершится бой завтра или всё же продлится ещё хотя бы день. Все посмотрели на меня.

– Нет. Вам туда нельзя одной, – Рей покачал головой из стороны в сторону, – там слишком опасно. Поверьте.

– Давай возьмём её с собой, ведь была она с нами на холме в первый день? – Линкок вопросительно посмотрел на Рея.

Они снова начали спорить и рассуждать, и я потеряла нить разговора. В голове немного шумело, ноги ныли, веки тяжелели. Усталость сегодняшнего дня всё же настигла меня, и под шум голосов я не заметила, как уснула.

Спала я без снов, убаюканная разговорами. Не знаю, сколько прошло времени, но когда я открыла глаза, то вокруг

было тихо. Под головой лежала подушка, и кто-то заботливо укрыл меня одеялом. В раскрытое окно светила луна. Я всё ещё лежала на диване в гостиной, вокруг – никого. Очевидно, что все давно разошлись и уже спят. Чтобы понять, который час, я встала и подошла к окну. Луна уже не так высоко, значит, совсем скоро наступит утро. Не рискнув ходить ночью по дому, чтобы не наткнуться на кого-нибудь, я легла обратно, завернулась в одеяло и попробовала уснуть. Но сон не шёл. В голове всплывали фразы из вечернего разговора, кажется, я попросила отпустить меня за пределы города. И что же мне ответили? Этого я вспомнить не могла, но скорее всего ответ был отрицательным. Они спорили, точно. Утром надо спросить у Рея ещё раз, вдруг вопрос решился без моего участия.

Так хорошо лежать, укрывшись одеялом в полутемной комнате. Хоть тишина и казалась мне искусственной, после длинного, тяжелого, да ещё и жаркого дня прохлада ночи была волшебной. Ноги перестали болеть, я не чувствовала голода и усталости. Пойти бы сейчас и принять ванну, выпить крепкого кофе, включить приятную музыку или почитать хорошую книгу. Мыслями я унеслась далеко отсюда. Как же хотелось пройти по вечерним улочкам маленького города, посмотреть на гуляющих людей, услышать смех и разговоры, зайти в магазинчик или кафе, ждать на переходе, пока машины остановятся; а потом перейти на другую сторону и потеряться в старых узких переулках. Идти долго и медлен-

но, заглядывая в окна домов, слушая вечерние песни птиц. Добраться до тёплого яблоневого сада, где так терпко пахнет корой, поспевающими яблоками и бродить там, пока не стемнеет. Неожиданно я почувствовала, что ужасно скучаю по дому, даже по своей унылой работе. Лишившись привычного мира, я вдруг поняла, насколько люблю его.

Какое-то горькое, безудержное чувство поднималось из моей груди к горлу, ударило в нос, и я зажмурилась. Из глаз ручьями текли слезы, скатываясь по щекам, по вискам к шее, а оттуда на подушку. Тихие, солёные, горькие. Долго я лежала и плакала, пока слёзы не закончились и лицо не высохло. Небо за окном светлело, значит, рассвет уже близко. Скоро я услышу трубящий рог, или что там за страшный музыкальный инструмент будит город по утрам, и день начнется сначала.

С этими мыслями я встала, свернула одеяло и положила на него подушку. Поправила платье и растрепавшиеся волосы и тихо, крайне осторожно вышла из гостиной. В прихожей я остановилась, и, чуть подумав, вышла на улицу – входная дверь, так же, как и предыдущей ночью, снова не заперта. Дышалось здесь гораздо легче, но было прохладно, как бывает только в предрассветный летний час. Я опустилась на ступени и посмотрела на небо. Ждала ли я первого солнечного луча или надеялась увидеть пролетающую птицу? Не знаю. Голова была пуста. Казалось тишина, царящая вокруг, проникла и в мой мозг. Ещё несколько дней. А потом – дом.

13.

За моей спиной открылась дверь. Тот, кто её открывал, явно хотел сделать это как можно тише, но я всё равно поняла, что уже не одна здесь.

– Доброе утро, – сказала я тихо, не оборачиваясь.

– Доброе утро и вам, – голос Рея. Он прошёл вперед и сел на пару ступенек ниже меня, – как чувствуете себя? Вы вчера так неожиданно уснули, что мы сначала подумали, что это обморок.

– Просто я очень устала. Да и неожиданное перемещение в ваш мир видимо не очень хорошо отразилось на моём здоровье, – я старалась не смотреть на него, чтобы не выдавать себя. Наверняка мои глаза были красными и опухшими. – Но спасибо за заботу.

– Вы про подушку и одеяло? Это Франц... Мы с капитаном собирались отнести вас в комнату, но этот мальчишка решил, что мы можем разбудить вас.

– Он очень добрый. Мне кажется, что он никогда бы не смог убить человека. Поэтому Франц работает в штабе?

– Отчасти так. У него светлая голова и отличный ум. Он бесценный стратег, но совершенно не опытный. Если отправить его в самое пекло, то через пять минут мы лишимся такого чудесного товарища, – Рей помолчал немного, кутаясь в свой длинный вязаный кардиган. Мне вдруг показалось, что

каждый день он надевает новый, настолько чистым и аккуратным был его вид. – Рина?

– Что? – я напряглась. О чем он хочет спросить меня? Зачем вообще вышел сюда, неужели боится, что я снова уйду, и меня придётся искать?

– Если хотите, то можете погулять сегодня вокруг города. Только не отходите далеко. Пусть река будет вашей границей. Дальше действительно очень опасно. Я вас уже спас однажды, боюсь, что во второй раз такого может не случиться. У нас будет очень важный и сложный день, вы не можете рассчитывать на нашу поддержку, – он поправил распушенные волосы, убрав их от лица, и поднял на меня взгляд. Огромные черные глаза. И ещё страшнее и чернее они выглядели в предраассветной дымке среди белого города.

– Поддержку? – не знаю, что меня так насторожило в этих словах, но от них веяло чем-то не хорошим.

– Да. Вы же понимаете, что ваше появление здесь не осталось незамеченным. Вас видели. Да и вообще, такие ситуации с перемещением людей из других миров всегда отслеживаются.

– А... Франц говорил, что это ваша шалость, и ничего серьезного в этом нет.

– Шалость? – Рей удивился, но мгновенно овладел собой и продолжил, – до тех пор, пока вы просто находитесь в моем доме, даже гуляете по городу и не совершаете ничего опасного, то ваше пребывание здесь можно считать моей шало-

стью. Но стоит совершить один неверный шаг, и всё обернется не самым лучшим образом. Моей репутации может не хватить, чтобы уберечь всех нас от...

– От чего, Рей? Говорите прямо. Мне уже ничего не страшно, я просто хочу поскорее вернуться домой.

– От руки правосудия. Знаете, Гальер, Линкок и я... Мы давно под особым наблюдением. Потому что долго живём здесь, потому что слишком много знаем и думаем. Потеря хладнокровности и слепой веры в наше дело – уже приговор. Я думаю, что произошедшее с вами и мной, это не случайность.

– Как не случайность? Вы думаете, что это подстроили? – я ужасно испугалась. Этот мир враждебен ко всем и каждому. Да, именно так. Скорей, скорей бежать отсюда!

– Предполагаю. Пока никаких доказательств нет, да их и не будет. Здесь все умеют замечать следы. Пока я отлично делаю своё дело – а я всегда его делаю безупречно – вы можете быть спокойны, – Рей поднялся, чтобы уйти.

– И вы так легко говорите об этом? И отпускаете меня одну на прогулку? – наверное, моё лицо было искажено страхом, потому что Рей бегло взглянул на меня и повернулся к светлеющему небу.

– Просто верьте мне, Рина. Верьте, – с этими словами он развернулся, прошёл мимо меня и вернулся в дом. А я всё продолжала сидеть на холодных ступеньках, смотреть прямо перед собой и вдыхать сложный аромат травы и древесной

коры, который оставил Рей после себя.

Показался первый луч солнца, и раздался сигнал к подъёму. Я встала и тоже пошла в дом, поднялась на свой этаж и сразу направилась в ванную. Горячий душ – это всё, что было нужно мне в эту минуту. Скинув платье, я включила воду и встала под струи воды. Сложный, опасный мир. Непонятный и пугающий. Слишком правильный, слишком неправильный. На первый взгляд во всём здесь есть смысл и идея, даже соглашаешься с тем, что они нашли идеальный выход. Но по сути люди всё те же, что и в нашем мире – жестокие, скрытные, лицемерные. Можно ли кому-нибудь доверять здесь? Можно ли верить? Рей говорит, чтобы я верила ему, но как? Как доверять человеку, который убивает других людей просто потому, что так надо. И ведь он понимает, что делает. И продолжает, безупречно продолжает. Франц, светлый добрый мальчик, – все знают это. И, тем не менее, заставляют его верить в то, что он нужен городу, что он отличный винтик в системе бесконечной войны. Они делают из него монстра, такого же пустого и обреченного, как они сами. Линкок шутит и шутит, курит и курит. А больше ничего. Хотя бы раз в своей жизни он отказался от своих привычек? Наверняка, нет. Потому что – рука правосудия. Они красуются перед врагами, меняя мундиры: сегодня мы в синем, значит, готовы растоптать вас, порвать в клочья, и никого не оставить в живых. Смотрите и бойтесь, бегите! Сегодня мы победители! А после, умыв руки, испачканные по локоть в

крови, они пройдут по девственно чистым, белым улицам, и сядут пить чай, вино и есть свежую дичь, неизвестно кем добытую и приготовленную.

Потоки воды лились с меня, а я смотрела на них и видела льющуюся кровь, то красную, то белую. Сквозь шум душа мне слышался вой, грохот орудий, человеческие крики и стоны. Это было невыносимо. Мне хватило пары мгновений на поле боя, чтобы навсегда запомнить этот ужас. Животный ужас, приближающийся со всех сторон, диктующий только одно – бежать или защищаться. Мне хотелось смыть с себя и этот ужас, и чувство отвращения к самой себе за то, что приветливо болтала с этими людьми, за то, что пила их вино и спала на их постелях. Я намыливала тело, волосы и смывала пену, снова и снова до тех пор, пока моя кожа совсем не сморщилась. Тогда я выключила воду и вышла из душа. На противоположной стене висело большое зеркало в человеческий рост. Из него на меня смотрела мокрая, злая девушка. Зубы крепко сжаты, плечи напряжены, с мокрых длинных волос капает вода. Волосы. Длинные волосы. Я собрала их в хвост. Рей тоже собирает свои волосы в хвост. Длинный черный хвост. Черный.

На полке около зеркала я увидела ножницы. Схватив их, я перекинула одной рукой волосы вперед, а другой отрезала всё, что было ниже кулака. Пряди падали на мокрый пол одна за другой, я смотрела на них и не испытывала жалости. Да и злости уже тоже. Будто очнувшись ото сна, не могла понять,

зачем сделала это. Нетвердой рукой я вернула ножницы на место, собрала остриженные волосы и выбросила в ведро, завернувшись в полотенце, взяла платье и вышла из ванной.

Сразу за дверью стояла старушка-служанка. Она пристально смотрела на меня, изучала недобрым взглядом:

– А я говорила вам. Вы убиваете себя. Зачем так с волосами?

– Я не хочу вам этого объяснять, позвольте я пройду, – ну почему она здесь? Зачем говорит все эти слова, задает вопросы?

– Проходите, никто не мешает вам. Но не думайте, что женщины здесь такие же, как вы – грубые и гордые. Вам никогда не стать такой, как мы.

– Да с чего вы взяли, что я хочу быть как вы? Мне надо просто дождаться, когда меня вернут обратно и всё. Мне не нравится ваш мир! Он ужасен, он пугает меня! – я чувствовала, что ещё немного и со мной случится истерика, от моей устойчивой нервной системы и выдержки почему-то ничего не осталось.

– Никто не вернет вас обратно. Вы слишком много видели и слышали. Смиритесь. У вас нет выхода, – голос её был бесцветным, холодным.

– Не видела я ничего. Уйдите же! – я попыталась отстранить её, но это было непросто. – Пустите, я вам говорю!

– Я вас предупредила, – старушка наконец-то отошла в сторону.

– Скажите это Рею! Или я скажу сама, – я почти бежала к своей комнате.

– Он и сам всё знает. Даже лучше меня.

Я вбежала в комнату и, закрыв дверь, прислонилась к ней спиной. Вот же противная старуха! Зачем она давит на меня, запугивает? Через четыре дня, максимум – через пять, я буду дома, и все забудут о моем присутствии здесь. Неужели нельзя потерпеть? Что такого я могла увидеть или услышать, чего нельзя? Кому я могу рассказать об этом, чтобы мне поверили? Да я никогда бы не стала никому рассказывать о путешествии в другой мир. Это же так очевидно! Любой нормальный человек, услышав такую историю, посчитал бы меня сумасшедшей или выдумщицей. Да даже если бы и поверил мне хоть кто-нибудь? Какой смысл нашему миру соревноваться с этим, нападать на него? Скорее наоборот, этот мир опасен для моего. В любой момент эти люди могут вторгнуться к нам, чтобы расширить территории для своих игрушечных войн или устроить подобие курорта. Да я скорее сойду с ума от этих мыслей здесь, чем начну их обсуждать с кем-то. За что эта старуха так относится ко мне, я ничего плохого не сделала. Ничего.

Как же я была зла и напугана. Зла на себя и на всех вокруг. На эти белые стены, пустое небо, тишину раннего утра. Не знаю, сколько времени я провела в душе, Рей уже ушел или ещё нет? Что мне делать? От безвыходности моего положения и от бредовых мыслей снова разболелась голова. Я чув-

ствовала себя зверем в клетке. Сорвав с себя полотенце, я с остервенением запустила им в кровать, промахнулась и мокрый комок, пролетев над подушкой, угодил в кувшин, стоявший на прикроватном столике. Звон разбитого стекла ещё больше разозлил меня. Быстро накинув на ещё мокрое тело новое голубое платье, заботливо оставленное на кровати кем-то неизвестным, я подошла к разбитому кувшину, стала собирать осколки. Один из них впился мне в ладонь, стекло было тонким, а неровные края осколка – очень острыми. От боли я озверела окончательно, по-другому сказать невозможно – неистовая злоба проснулась в самом сердце. Чертов белый город! Я пнула тумбочку, смахнула с неё блюдо с фруктами, и они яркими прыгающими точками разбежались по комнате. Торжество цвета, торжество жизни. Победа над блеклым белым миром, торжество эмоций!

Из ладони лилась кровь, я пыталась замотать её полотенцем, но ничего не выходило. Мне вдруг стало ужасно обидно, снова, в который раз за эти пару дней. Я ведь просто обычный человек, мне не под силу справиться с такими событиями. Как только я начинаю верить в эту реальность, то схожу с ума. Меня будто стало две – одна спокойная, тихая девушка, проживающая простую жизнь, незаметная и оттого счастливая. А другая – гордая, свободолюбивая, неуравновешенная, прямолинейная натура. Мне никак не удавалось привести себя в равновесие. Я смотрела на капли крови на полу, яркие, растекающиеся как яд по белым венам. Мой взгляд

зацепился за ещё одно цветное пятно в комнате – букет голубых незабудок, неизменно стоящий на круглом столике в низкой вазочке. Я ненавидела эти цветы, это напоминание о том, какой огромный и разноцветный мир, о том, какой он красивый и свободный. Этим цветам всё равно, что происходит вокруг. Они просто растут. Красивые. Яркие. Синие. Как синие мундиры.

Я подошла к столу, рывком схватила вазу и зашвырнула её в стену. Белыми осколками рассыпалась она по полу и сверху, как опавшие осенние листья, легли незабудки. Дверь неожиданно распахнулась, на пороге стоял Рей. Всё тот же длинный вязаный кардиган распахнут, кипенно-белая рубашка застегнута на все пуговицы, волосы собраны в хвост, черные глаза смотрят на меня. Он сделал шаг вперед и прикрыл дверь, под его ботинками хрустнули осколки и смялись цветы.

– Что здесь случилось? – ровный спокойный голос. Он когда-нибудь вообще проявляет эмоции, как можно задавать абсолютно любые вопросы с такой интонацией, будто спрашиваешь о том, какая сегодня погода?

– Не ваше дело! Почему вы вообще здесь?

– Уходить ещё рано, у меня есть пять минут до выхода. Но это не важно. Что с вами? – он смотрел на меня, испытывал своим взглядом. В его черных глазах не было видно зрачков, теперь я убедилась в этом окончательно. Ужас, холодный ужас бездны я видела в них. Больше нескольких се-

кунд выдержать невозможно. Тут он увидел мои волосы и подошёл ближе, – Рина, что с вашими волосами? Всего час назад всё было хорошо.

– Ничего не было хорошо! Вы держите меня тут как животное в зоопарке, вы не говорите, когда я вернусь домой. Моя надежда – только слова Франца о том, что через неделю или две после первого перемещения возможно следующее. И больше ничего! Вы мне подарили эти платья, чтобы я могла выходить на улицу спокойно, но я не хочу туда идти! Там пусто, там нет никакой жизни. Мне больно слышать пение детей за стенами, жутко оставаться в этом доме наедине с противной старухой, которая говорит непонятные вещи. Я просто хочу домой! – мой голос сорвался на крик, рука уже онемела от кровотечения и пока мы с Реем стояли друг напротив друга, на полу образовалась небольшая красная лужица.

– У вас кровь. Дайте посмотреть, – Рей шагнул в мою сторону, приблизившись ещё немного.

– Не подходите! Кто знает, друг вы мне или враг, – я выставила вперед здоровую руку, предостерегая его. Но это было ошибкой. Рей схватил меня за запястье, выкрутил руку за спину и крепко обхватил. Я отчаянно сопротивлялась, стараясь вложить все силы в свои движения, чтобы вырваться, – отпустите!

– Прекратите истерику и сопротивление, вашу рану надо осмотреть. Да и комнату стоит привести в порядок, – я

слышала его тяжелое дыхание, чувствовала мертвую хватку сильных рук и поняла, что долго не смогу сопротивляться. Он сильнее меня в несколько раз, тем более, наверняка знает разные боевые приемы. Но сдаваться не позволяла гордость. Вывернув голову в бок, я попыталась укусить его за плечо. Со стороны это, наверняка, выглядело глупо и смешно, но я уже не помнила себя от злости. И тут вся комната перевернулась в моих глазах – Рей поднял меня, донес до кровати и практически швырнул на неё, всё так же закрутив руки за спину. – Если вы сейчас же не прекратите это безумие, я буду вынужден связать вас.

– Оставьте меня в покое, – я рыдала в подушку, задыхаясь и захлебываясь злостью, стыдом и обидой.

– Чтобы вы разрушили мой дом? – за окном раздался протяжный гудок, и послышались голоса, стук дверей. – Вот видите, все отправляются на фронт, а я воюю тут с вами, вместо того, чтобы выполнять свои прямые обязанности и обеспечивать быструю и безоговорочную победу. Я сейчас отпущу вас и осмотрю рану, – с этими словами он ослабил захват, подождал немного – я не сопротивлялась больше, смысла и сил не было.

– Где-то здесь валяется полотенце, можете воспользоваться им, – я всё ещё не поднимала головы.

– Боюсь, оно нам ничем не поможет. Если только использовать его как половую тряпку. Как вы умудрились так сильно рассечь ладонь? – он чем-то крепко замотал мою руку. –

Рану надо промыть и обработать, кровь практически не останавливается. Если вы спокойно дождетесь меня здесь, я принесу всё необходимое.

Я махнула рукой в ответ, потому что стыдилась поднять лицо от подушки. Рей подождал ещё немного, а потом я услышала его ровные четкие шаги, вот у двери он снова хрустнул осколками и вышел. Пока его не было, я села и посмотрела на ладонь, она перевязана носовым платком в месте раны, крепко и умело. Но это не сильно помогало, сквозь белую ткань проступало красное пятно, росло и росло. Я огляделась вокруг. В комнате царил бардак: осколки около двери и кровати, рассыпанные цветы, фрукты, валяющиеся хаотично на полу, капли крови. От обилия цвета рябило в глазах. Зачем я сделала всё это? Выплеснула всю злость, всё напряжение последних дней. Ужас, который копился у меня внутри, вырвался наружу. Свободной рукой я провела по своим волосам, они были непривычно короткими.

– Сумасшедшая, – прошептала я себе.

– Вовсе нет, – ответил Рей от двери. Он уже вернулся с водой, полотенцами и какими-то баночками, видимо, с лекарствами. В свободной руке нёс чистое голубое платье.

– Простите, мне ужасно стыдно, – я опустила голову.

– За что? Это я у вас должен просить прощения. Хотя не привык извиняться ни перед кем. Дайте вашу руку, попробуем что-нибудь сделать, – он подложил полотенце под мою ладонь и развязал платок, к этому времени он практически

полностью пропитался кровью. Рей аккуратно, как хороший опытный медик, промыл рану, обработал чем-то из большого флакона, потом из флакона поменьше. Рану жгло, щипало, но кровь постепенно останавливалась. Сверху Рей наложил повязку с мазью и забинтовал ладонь так, чтобы бинты не спадали. – Ну, вот и всё. Надеюсь, больше моя медицинская помощь вам не понадобится. Теперь можете переодеться, позавтракать и я провожу вас до реки, чтобы показать, где можно спокойно гулять и как вернуться в город.

– Так вы серьезно про прогулку? Я думала, это просто слова.

– Совершенно серьезно. И попрошу вас поторопиться, я и так сильно задержался.

Рей вышел, а я быстро переоделась в принесенное им новое платье. Причесала свои теперь уже короткие волосы и спустилась вниз. Наскоро перекусив, вышла из дома. Рей сидел на ступенях и ждал меня. За это время он успел сменить рубашку, потому что предыдущая испачкалась моей кровью. Он кивком пригласил меня спуститься, поднялся со ступеней и мы пошли вниз по улице. Молча. Я не знала, о чем можно спросить, поэтому просто смотрела вперед. Рей тоже ничего не говорил, думал, наверное, о предстоящей битве или о чем-то ещё, – его лицо вновь было непроницаемым.

14.

Спустя полчаса пути город кончился. Дорога шла дальше, уже не окруженная домами. Резко оборвалась городская граница, как будто мы вышли за дверь, хотя никаких ворот не было. С улицы не просматривалось ни зеленое поле, ни мелкие кусты и деревья, растущие вдоль дороги, ни белеющий вдали мост, перекинутый через реку. Как мне не удалось рассмотреть такие яркие краски? Я обернулась и не увидела ничего, кроме моря зеленой травы. Город исчез.

– Рей... А где город? – я не могла отвести взгляда от далеких просторов – совершенно пустых.

– Его не видно отсюда, это маскировка. Чтобы попасть в город, нужно просто идти по дороге в обратную сторону, и всё. Вы можете гулять везде, где захотите в пределах реки, переходить через мост нельзя. Там начинается прифронтальная зона, и может быть опасно. Помните, что рядом нет ни меня, ни Франца, ни даже Линкока с Гальером, чтобы спасти вас снова.

– Я поняла. Скажите... Вы не вернете меня обратно никогда? – мне важно было услышать ответ именно сейчас. Ведь ни разу за эти дни Рей не дал прямого ответа на вопрос о возвращении.

– Не могу знать, – он странно повел головой из стороны в сторону, будто говорят «нет». С этими словами Рей мах-

нул мне рукой и пошёл вперед по дороге к мосту. Я стояла и смотрела ему вслед, и мне показалось, что ближе к реке он перешёл на быстрый бег, и вот уже скрылся из виду.

Постояв ещё какое-то время, я свернула с дороги и пошла прямо по полю, сняла обувь, которую, как и обещал, принес мне утром Рей, и ощутила прохладу травы. Ветер играл моими волосами, раздувал платье. Пели птицы, и пахло так сладко и вкусно, будто я находилась не среди поля, а в огромном букете цветов. Изголодавшись по ярким краскам, по свободе и легкости, я не могла остановить свой путь. Всё шла и шла вперед, пока не устала. В голове царил пустота, мысли отсутствовали, только ощущения наполняли меня. Солнце припекает, цветы пахнут, трава щекочет ноги. Я легла в траву и закрыла глаза, подставив лицо солнцу. Меня окутывали ароматы сочной зелени, полевых цветов, кажется, я слышала даже жужжание пчёл. Этот мир – живой и настоящий. Зачем отгораживаться от него разными бессмысленными аллегориями и бесчеловечными идеями? Мир так прекрасен. Ему не нужна война, ему не нужны белые каменные города. Ему нужна свобода – свобода дышать, радоваться, жить. Зачем убивать всё это игрой в войну, зачем осваивать космос и возвращаться на Землю, если не любоваться ею? Зачем узнавать тайны и тут же забывать о них?

Мне захотелось пить. Я поднялась и направилась к реке. Берег был песчаным и пологим, вода – кристально чистой и холодной. Умывшись и напившись досыта, я побрела даль-

ше по берегу в сторону моста. День близился к полудню, становилось жарко, но не настолько невыносимо, как в городе. Вода в реке бежала вперед, легкий ветер играл с платьем, и я даже немного забылась. День погожий, а значит, вечер обещает быть тёплым, и, возможно, получится уговорить Рея позволить мне остаться здесь до темноты.

Я всё время поворачивала голову в сторону противоположного берега, очень уж хотелось увидеть, что там. Оттуда никаких звуков не доносилось. Видимо, боевые действия идут где-то очень далеко, или есть ещё один купол, такой же, как над городом. Если бы фронт находился на приличном расстоянии от города, вряд ли военные ходили бы туда пешком. Хотя с чего я взяла, что они ходят именно так. Может быть там, за рекой, их ждёт какой-то транспорт. Почему бы не попробовать зайти на мост? Просто пройтись по нему до другого берега и посмотреть, а потом вернуться обратно? Здесь нет никакой охраны и вообще никого, кроме меня. Никто ничего не увидит и не узнает. Я почти дошла до моста и остановилась в раздумьях.

Откуда-то сверху до меня донесся едва слышный гул, будто самолет пролетал высоко в облаках. А потом раздался глухой звук, совершенно не похожий на взрыв, скорее на удар по железной бочке. Его эхо разлеталось вокруг, усиливалось и скоро всё пространство наполнилось монотонным низким гудением, от которого закладывало уши. Я подняла голову вверх и увидела, как по голубому небу расходятся едва

различимые белые трещины. Словно миллионы пауков плели свои паутины. Невозможно было отвести взгляд от этого страшного, но красивого зрелища. До меня никак не доходила мысль о том, что послужило причиной разрушения неба. И только когда прозрачные куски какого-то материала, похожего на стекло или пластик, начали отваливаться от небосвода, открывая за собой небо настоящее, я поняла, что случилось.

Пока осколки летели вниз с огромной высоты, я успела сообразить, что разрушался второй купол, действительно окружавший город и поля вокруг него. Мои предположения были верны. Купол здесь такой же, как и в городе – прозрачный, невидимый.

Надо бежать! Иначе меня засыплет обломками, а я ведь даже не знаю, насколько они опасны. Моментажно обувшись, я ещё раз взглянула на небо и кинулась к мосту, первые куски купола уже достигли земли. Одни взрывали воду реки мириадами брызг, другие взрывали почву, белую каменную дорогу за моей спиной. Бежать в сторону города было бы самоубийством. Осколки сыпались и сыпались. Мелкая колючая крошка падала мне на голову, плечи и руки, но ни один крупный осколок не попал в меня. Не знаю, откуда во мне такая проворность и быстрота, но я успевала увернуться или вовремя притормозить, смотрела и вперед, и наверх. Вот и мост. Я с быстротой молнии вбежала на него и, поняв, что нахожусь практически в безопасности – сюда падали только

мелкие части купола, – бросилась бежать дальше, на другой берег реки. Надо обязательно добраться до штаба или до запасных частей и сообщить о том, что случилось!

Я бежала через мост, не оглядываясь, грохот и вой нарастал, и мне было страшно посмотреть на то, что происходит за спиной. Спустившись на противоположный берег, я пробежала ещё некоторое расстояние и только тогда остановилась. Дышалось тяжело, в боку колело, пот лился со лба ручьями. Я оперлась руками на колени и пыталась восстановить дыхание, глотала слюну, чтобы смочить пересохшее горло. Впереди ничего нет, кроме гряды холмов. Но то, что я увидела, когда обернулась, заставило меня позабыть вообще обо всём на свете.

Казалось, что передо мной огромный снежный шар, и кто-то перевернул его, поэтому внутри идёт снег. Только снежинки размером с человека, и при падении рассыпаются на сотни осколков, особенно если падают на камни. А когда они ударяются об зеленую, покрытую травой землю, то оставляют на ней глубокие коричневые раны, и земля расплескивается вокруг, словно капли крови. Снежинки падают и на город, покрытый вторым куполом, а оттого невидимый, ударяются о прозрачную преграду, и по ней расходятся лучи трещин, как на стекле, в которое попал камень. Я вижу, как рассыпается этот мир будто в замедленной съемке, будто великан уронил тонкий стеклянный бокал и теперь осколки от него разлетаются по всей Вселенной. Гул постепенно стихает.

ет, и я слышу только треск и глухие удары. Не хочу видеть, что произойдет дальше. А поэтому разворачиваюсь и, набрав в легкие побольше воздуха, снова бегу. Дорога уходит к холмам и мне придётся подняться на них. Сил бежать нет, но я должна. Подгоняемая страхом, я взбираюсь на холм то пешком, то быстрым шагом, то снова бегом. Голова начинает кружиться от недостатка кислорода. Я прислоняюсь к первому попавшемуся дереву и дышу, дышу глубоко, медленно. Через минуту, может быть две, мой пульс приходит в норму, голова больше не кружится, но в ушах ужасно шумит. Дикий вой доносится до меня от подножья холма. Фронт! Я слышала этот звук в самый первый день, а вон те серебристые облачка – наверняка шары, которые и издают его.

Дальше вершины холма дорога не шла, и мне пришлось спускаться по одной из тропинок, ведущих вниз. Чем ниже я оказывалась, тем сильнее чувствовала в воздухе запах дыма, серы и – тревогу. Иногда сюда доносились звуки страшных взрывов, и от этого по коже у меня бежали мурашки. Зачем я иду сюда, у меня нет оружия, нет защиты, и я толком не знаю, куда нужно идти. Несколько раз я хотела вернуться обратно, сесть рядом с мостом и ждать. Но потом вспоминала, что даже в городе теперь не безопасно.

Спустившись с холма, я перемещалась небольшими перебежками между деревьями и кустами, боясь выходить на открытую местность. Вой, гул и взрывы становились всё громче. Мне попадались воронки в земле и выжженные участки

поля. Двигаться вперед было не просто страшно, на меня накатывала паника при каждом взрыве, а когда ноги ощущали дрожь земли, то первым желанием было – спрятаться. Но я упорно шла вперед, перебарывая чувство ужаса и страха. Если я доберусь до Рея, Франца, Линкока, то у меня будет шанс выжить.

Неожиданно всё прекратилось – и вой, и взрывы. От тишины у меня зазвенело в ушах. Что это? Неужели всё закончилось? Нет... Издалека послышался свист, он становился всё сильнее, и я увидела, как невысоко над землей летит огромное серебристое копьё, такое же, как тогда в парке, но в десятки раз больше. Оно двигалось прямо в мою сторону, я задрала голову, чтобы проследить его путь. Копьё перелетело через холмы, и я поняла, что его цель – город. Не дожидаясь удара, я кинулась вперед бегом, настолько быстро, как только могла. Подгоняла себя мыслями о скорой смерти, об ужасающем проигрыше всех, кто мог мне помочь. Только бы добраться до Рея, пусть он перенесет меня отсюда обратно в мой мир. Мне всё равно, что будет с моим организмом, я вылечусь. А если останусь здесь, то либо погибну под градом орудий, либо буду взята в плен вместе с проигравшими. Кто знает, какие у противников правила обращения с проигравшими.

Чуть левее я увидела ещё один холм и дерево на его вершине. Это он. Тот самый холм, с которого началось моё знакомство с этим миром. Я направилась туда, потому что под

ним белел лагерь – десяток палаток, вокруг которых сутились люди.

15.

Несколько человек выбежали мне навстречу. Я помахала им руками, давая понять, что не враг. Но, судя по всему, они были в курсе, кто я. Мужчины слегка кивнули в знак приветствия и сопроводили до лагеря. Мне стало гораздо спокойнее – вокруг военные, опытные люди. И, скорее всего, здесь безопасно, не стали бы они разбивать лагерь там, где враг сможет застать их врасплох. Из большой центральной вышел Франц:

– Рина, на вас лица нет. Что случилось, как вы добрались сюда? – он явно был обеспокоен, но не более чем обычно.

– Я бежала изо всех сил... Дайте воды, пожалуйста... – в этот момент мне ничего не хотелось говорить, только пить.

– Франц, проводи Рину сюда, – Линкок выглянул из палатки и помахал нам. Франц взял меня под руку, кивнул сопровождавшим солдатам, и мы скрылись в палатке. Там царил полумрак, посередине стоял огромный стол, на нём хаотично раскиданы карты, карандаши, какие-то приборы, стояли кружки, – всё как в лучших фильмах про войну. Гальер стоял у стены с другими картами и вертел в руках нож. Линкок поставил передо мной стул и налил воды в кружку. Я с облегчением села и принялась жадно пить. Все молчали и смотрели на меня. Рей, стоявший у окна, переместился к столу и бросил на него карандаш.

– Что случилось, Рина? Почему вы здесь?

– Я гуляла вдоль реки, там, где мы расстались с вами утром. А потом купол над полем стал разрушаться, что-то ударило в него. Бежать в город не было возможности, поэтому мне пришлось перебраться через мост. Я подумала, что вы должны знать о случившемся.

– Мы знаем, что город атакован, – Рей сверлил меня своими черными глазами. На секунду мне показалось, что он не верит ни одному сказанному слову.

– Рей! Осколки повредили купол города, а вторая стрела летела в том же направлении! Город наверняка разрушен. Я не могла там оставаться, у меня не было выбора, – голос мой срывался на крик, слёзы сами собой полились из глаз. – Почему вы ничего не сделали? Вы же сказали, что до конца войны остался день или два?!

– Успокойтесь. В любой битве бывают непредсказуемые ситуации.

– Вот что значит женщина! Город пуст, все его жители на поле боя. А те, кто остался в центре, надежно защищены. Этими копьями им нельзя навредить, – Гальер повернулся ко мне и зло посмотрел. – Вы прибежали сюда сеять панику? Среди кого? Запугали себя до полусмерти, а нам теперь с вами нянчиться.

– Я вам не ребенок, со мной не надо нянчиться! – от обиды я вскочила и выронила кружку.

– Ну конечно, все мы знаем, как с вами надо, а как нет, –

старик кивнул на мою забинтованную руку, и я поняла, что все в курсе утреннее происшествие. Рефлекторно я убрала руку за спину, но спустя секунду вернула обратно. Мне нечего стыдиться. Вытерев слезы, я сказала:

– Вы старый, гадкий вояка. Вы потеряли своё сердце на поле боя и не понимаете, как страшна война!

– Рина, успокойтесь. Война страшна для тех, кто здесь впервые. Для нас это обычное дело, мы же говорили вам, помните? – Франц умоляюще посмотрел на меня, и я замолчала, забрала стул поближе к окну и села там, отвернувшись ото всех.

– Если позволите, я побуду здесь немного, отдохну, а после вы вернете меня домой. И больше никаких отговорок.

– Рина, – начал Рей, но полотняная дверь палатки распахнулась, и внутрь вошёл пыльный, грязный солдат.

– Срочное донесение!

– Говорите, – капитан Линкок обошёл солдата сзади и выглянул наружу.

– Город практически полностью разрушен, башни не тронуты. По двум фронтам из трёх отступаем, потеряли реку, заводь и порт. Три четверти солдат убиты.

– Как? – на два голоса воскликнули Франц и Рей.

– Не могу знать, впервые столкнулись с таким оружием. Химия, скорее всего. Подробности здесь, – с этими словами он положил на стол письмо. Все мужчины собрались в круг, открыли письмо и принялись читать, комментируя и обсуж-

дая поступившую информацию. Я не понимала ни слова, да и не хотела прислушиваться, чтобы разобраться. Главное – выбраться отсюда и никогда больше не возвращаться. За окном бродили солдаты, кто-то приводил себя в порядок, кто-то набирал воду из огромных бочек, привозили раненых и на носилках разносили по белым палаткам. Я просто следила за этими движениями, как за муравьями в муравейнике. И не заметила, что в палатке воцарилась тишина.

Обернувшись, я увидела Франца, сидевшего на стуле, обхватив голову руками. Линкок пытался набить трубку, но у него ничего не выходило – табак сыпался на пол. Рей стоял ко мне спиной, держа руки в карманах. Он раскачивался на пятках вперед и назад, спина была напряжена. Только Гальер водил пальцем по карте и что-то беззвучно шептал одними губами.

– Это конец. Они загнали нас в угол, – проговорил, наконец, Франц. И я услышала в его голосе отчаяние.

– Да, конец, – Линкок отбросил трубку в сторону, она глухо ударилась об угол стола и упала.

– Значит, надо принять этот последний бой с достоинством. Не мы первые, не мы последние, – голос Рея был как всегда спокоен.

– Командующий! Двести лет! Ни одного поражения! – Франц выдернул из уха серьгу и сжал в кулаке. – У нас самая лучшая система подготовки, лучшая научная база! Никто и не сражался с нами всерьез, потому что боялись. Мы умеем

то, что не умеет никто в мире!

– Ты мальчишка ещё, не понимаешь очевидного, – Гальер взглянул на Франца с пренебрежением. – Мы стали слишком стары духом, а потому слишком слабы. Ты по утрам смотришь на небо, вместо того, чтобы просчитывать ходы соперника, рассуждаешь о жизни. Капитан заботливо раскуривает трубку и за обедом не только ест, но и думает, рассказывает истории из прошлого. Мы стали слабы, да. Превратились в обычных людей. Рей вообще жалеет о том, что ещё жив!

– Гальер! Не забывайся. Я жив и всё ещё твой командир, – Рей как-то странно дернул плечами, вытащил руки из карманов и твёрдо сказал, – выступаем через час. Действуем по запасному плану. Сдаваться нельзя, значит, надо принять бой и будь, что будет. Франц – на тебе левое крыло, Линкок – ты по центру, Гальер и я пойдем с правым. А вы, Рина, – он даже не повернулся ко мне, – останетесь в лагере и будете помогать раненым.

С этими словами все быстро вышли, и я осталась одна. Через окно видно, как забегали солдаты. Каждый четко выполнял свою роль. А я была просто сторонним наблюдателем. Нет, сидеть здесь нельзя. Меня явно не собираются возвращать, да и вообще непонятно, чем закончится этот день. Я уже так устала от того, что со мной происходит здесь, в этом странном мире, что голова отказывается думать. Почему я не остановила Рея и не потребовала вернуть меня обратно сейчас же? Почему я даю им шанс, даже пытаюсь предполо-

жить, выиграет или проиграет белый город? Они ведь вместе со своими жизнями распоряжаются и моей тоже.

Я встала и вышла из палатки, никто даже не обратил на меня внимания. Поднявшись на холм, я осмотрелась. Впереди лежала река, через которую перекинут один единственный мост. Меньше километра до линии фронта. Бой так близко. Это центр, здесь будет капитан Линкок. Слева и справа, практически в поле, поведут бой остальные. Мне не видно, что там находится, но судя по дыму и серому небу, – только выжженная земля.

Из-за холма раздался выстрел и прямо надо мной, высоко в небе, взорвалась сигнальная ракета. Желтый дым рассеялся туманом и снова послышался нарастающий вой, поплыли серебряные шары, но залпа орудия не дали. Обе стороны выжидали. Я увидела, как на центральном фланге разворачивают какие-то установки, они поблескивали в туманном солнечном свете. Сейчас начнется. Последняя битва этого дня.

16.

Нет! Так не может больше продолжаться. Что-то внутри меня протестовало, рвалось наружу дикими эмоциями. Мне хотелось взять всех этих людей в руки и сжать так сильно, чтобы им стало трудно дышать. Встряхнуть их всех! Чтобы они прекратили воевать, чтобы прекратили разрушать жизнь. И неожиданно для самой себя я кинулась вниз с холма, прямо к линии окопов, где стояли орудия. Моей целью был мост. Как только я достигла подножия холма, с обеих сторон слышались выстрелы.

В этот момент я видела себя будто со стороны – вокруг дым, стрельба, летят копья, взрываются снаряды, стелется ядовитый туман, вода в реке вскипает, и сквозь всё это бежит девушка в легком голубом платье, с неровно остриженными волосами. Бежит так быстро, как только может. Уклоняется от летящих пуль, перепрыгивает через тела убитых солдат, падает. Но поднимается и бежит дальше.

Что я делаю? Зачем я несусь сломя голову в самое пекло? Не знаю, заметили меня на том берегу или нет, но на этом – да. Слышу окрики, кто-то даже бежит за мной. Но угнаться невозможно. Мне совсем не страшно, а просто всё равно, – я хочу только одного, чтобы прекратился этот вой и война. Чтобы снова стало тихо, чтобы все были живы, и я была дома, может, в маленьком гостиничном номере, а на столе сто-

яла бы кружка кофе, и лежало вкусное свежее пирожное из ближайшей булочной.

Выстрелы становятся чаще, я уже не понимаю, откуда стреляют – кажется со всех сторон. Передо мной возникает небольшая траншея, она пуста, солдаты отступили. Я бросаюсь в неё и падаю на сырую землю. Надо отдышаться. До моста рукой подать, мне хватит полминуты. Главное – выжить. Слева слышу крики, среди них выделяется голос Франца. Он зовёт меня. Догнали всё-таки. Начинаю отползать правее, я ещё не успела отдохнуть. Дыхание никак не восстанавливается, ноги оцарапаны, раны горят. За правым поворотом траншеи взглядом сталкиваюсь с Гальером:

– Рина! Стоять, сумасшедшая! Хочешь, чтобы тебя убили?! Ты же испортишь весь наш план! – он орёт так, что заглушает даже вой шаров.

– Я прекращу это! – мне ничего не остается, как бежать дальше. Иначе Гальер и Франц схватят меня, и тогда ничего не получится.

Пытаюсь вылезти из траншеи, рукам и ногам не за что уцепиться, я соскальзываю. Платье мешается. Кто придумал платья для женщин и эти неудобные полутуфли? Если бы я была сейчас в своих кроссовках и джинсах, то вылезла бы моментально. Наконец-то мне удастся нащупать ногой каменный выступ и кустик травы наверху. С усилием выталкиваю себя наверх и стартую сразу же. Никогда в жизни не бегала так, как сейчас.

И только в этот момент я ощутила страх. От собственно-го безрассудства, от смелости, от безысходности. Пути назад нет. Неожиданно выстрелы прекращаются. Теперь слышен только вой, холодный дикий вой, как у голодного зверя в ночи. Он охотится за всеми нами, этот зверь и есть мы. Я не ошиблась – до моста добежала в полминуты. И весь мир будто замер. Сердце билось у меня в висках, дыхание перехватило. Я раскинула руки в сторону – знак безоружности. И крикнула, что было сил. По воде мой голос разнесся далеко-далеко:

– Остановите войну! Она ужасна и беспощадна! Ваш мир прекрасен! Просто живите! – я хотела сказать столько всего, но слова пропали. Был только страх, ужас, жалость к самой себе. В ушах звучала песня детей о ярком солнце, о радости и счастье. Слезы лились из глаз. Это конец, Рей. Да. Никому не убедить этих людей в бессмысленности их жизни. Тем более мне – маленькой женщине из другого мира, по глупости своей оказавшейся на мосту между двумя армиями с неизвестным оружием.

С противоположного берега раздался оглушительный выстрел, и сквозь дым я увидела уже знакомое серебряное копье, снова летящее на меня. В этот раз никто не оттолкнет меня, никто не спасет. Потому что я так решила. Зачем?

– Рина! – голос Франца за спиной. Обернувшись, я увидела, как он поднимается с земли и бежит ко мне.

– Нет! Уходи! – он же ещё так молод, ему надо жить. Я

разворачиваюсь и бегу навстречу копьё. Почему же оно так долго летит?

Франц хватается меня за плечо и закидывает за свою спину, я слышу свист ледяного металлического оружия, несущего смерть любому, кто встанет у него на пути. Руками пытаюсь ухватить Франца за спину, но раненая ладонь не позволяет захватить его как следует. Ещё мгновение, и он погибнет, этот замечательный мальчишка с пшеничными волосами. Я зажмуриваю глаза, не хочу видеть смерть. Нет. В следующую секунду слышу мягкий удар, сдавленный крик и что-то ударяет меня по ногам, я теряю равновесие и падаю на спину, больно ударяюсь головой.

В панике открываю глаза и приподнимаюсь через бок, невысоко над землей. Передо мной лежит Франц, а на нём Гальер. Они пригвождены друг к другу копьём. Я боюсь смотреть на Франца, боюсь увидеть смертельную рану и всё же приподнимаю голову выше. Глаза Гальера открыты, но в них нет жизни. Копьё пронзило его грудь. Синяя форма и серый плащ мокрые от крови. Я не могу оторвать взгляда от копьё и старика. Из живота поднимается волна тошноты, ладонями я закрываю лицо и падаю на землю. Он спас меня. Вместо него вот так могла бы лежать я. Или... Или Франц!

– Франц! – я кричу изо всех сил, стараясь перекричать свой страх. Он слабо шевелит рукой. Жив.

Я подползаю к мальчишке, глаза его открыты, и он что-то говорит, но из-за шума выстрелов и криков вокруг, из-за

воя, я ничего не могу разобрать. Звуки обрушились на нас неожиданно, сразу со всех сторон. Наклонившись к его лицу, пытаюсь услышать слова, но он говорит слишком тихо. Надо снять с него Гальера, но как? Я не знаю, задело ли копьё Франца или нет. Он показывает мне рукой на копьё и на себя, значит, всё же задело. Мне надо вытащить его, пока нас не подстрелили снова. Но снаряды летят больше с нашей стороны, поэтому пока что мы в некоторой безопасности. Почему же никто не приходит к нам на помощь?

Встаю на колени и, стараясь не смотреть на лицо Гальера и его рану, хватаюсь за копьё. Оно никак не хочет двигаться. Лицо Франца искажается от боли, в ужасе убираю руки от копья и падаю на землю.

– Что мне делать? Я не смогу протащить вас даже пару метров. Я не могу вытащить это проклятое копьё, – мой шепот никто не слышит, но я продолжаю говорить. – Зачем я сделала это? Из-за меня погиб Гальер и ранен Франц. Рей и Линкок наверняка думают, что мы убиты, и не придут на помощь, вокруг полно огня и дыма, нас просто-напросто не видно.

Подползаю поближе Францу, опускаюсь к его лицу: глаза закрыты, но он дышит. Одной рукой вытираю свои слезы, другой глажу его по густым пшеничным волосам. Как же не хочется, чтобы этот чудесный юноша умирал. Он приоткрывает глаза и пытается улыбнуться мне, и от этого становится ещё хуже, я не могу сдержать рыданий. Казалось, что прошла

целая вечность. Но я собрала все силы в кулак, сквозь боль в руке подцепила Франца подмышки и попыталась оттащить его в сторону нашего берега. Он сдвинулся на пару сантиметров. Я тащила снова и снова, упираясь коленями в землю, сдирая их в кровь. Тащить двоих человек, один из которых – мертв, было мне не по силам, но я кричала, рычала и пыталась. По капле. Я не имею права оставить их здесь. Если я могу что-то сделать для них, то сделаю. Франц больше не открывал глаза, я останавливалась и проверяла, дышит ли он. Дыхание было совсем слабым. Мной овладевало отчаяние.

– Ну же! Ты должна это сделать! – крикнула я себе, – давай!

Кто-то тронул меня за плечи, и чьи-то тяжелые руки опустились на них. Я вздрогнула и увидела, как мимо меня пробегают сотни людей, одетых в синее. Солдаты! Они прорвались. Я сидела на коленях и, не отрываясь, смотрела, как они бегут с чем-то светящимся в руках и не могла пошевелиться.

– Рина... – голос Рея прозвучал рядом с моим ухом, я снова вздрогнула и повернула голову. Он стоял на коленях рядом со мной и держал за плечи. – Вы в порядке?

Я помотала головой. Я не в порядке. Теперь уже никогда не буду. Невозможно забыть всего того, что я натворила. Только бы Франц выжил, я готова остаться здесь навсегда, чтобы искупить свою вину перед ним, ещё одной смерти моя совесть не выдержит. Рей махнул рукой кому-то, и к Галлеру с Францем подбежали четверо солдат. Они схватили

тело старика и сняли его с мальчишки. Оказалось, что копьё прошло сквозь грудь Гальера и вонзилось во Франца. Не так глубоко, как могло бы, но рана серьезная. Солдаты развернули носилки, переложили на них юношу и, придерживая копьё, унесли. Гальер остался лежать на мосту. Одинокий, окровавленный. Я не отрываясь смотрела на него, на его усталое лицо, растрепанные волосы. О чём он думал, когда в последний момент встал между Францем и смертью? Хотел ли он быть убитым или просто спасал молодого паренька? Чего он хотел на самом деле? Остановить эту войну прежде всего для себя или проявил благородство?

Рей встал, подошёл к Гальеру и закрыл ему глаза, а затем вернулся, пытаясь помочь мне встать, но мои ноги не слушались. Колени и стопы были сбиты в кровь, каждое движение причиняло боль. Как я не замечала этого, когда тащила Франца? Повязка на ладони еле держалась, и из раны сочилась кровь, голова гудела. Платье порвано, испачкано. Единственным желанием было лечь и лежать. Какое-то помутнение наступило в голове – всё вокруг кружилось и сверкало, слышались крики и никакого воя. Рей сидел передо мной и говорил что-то, но я не понимала слов. Глаза закрывались, руки холодели. Ещё мгновение – и я отключусь. Рей тряхнул меня за плечи, я через силу подняла веки, чёрные глаза смотрели на меня в упор, а огромные руки держали за голову.

– Рина, у вас голова разбита... Держитесь, – он говорил что-то ещё, но я уже ничего не слышала. Главное, что Фран-

ца унесли с поля боя. Вдруг меня тоже подняли с земли и понесли куда-то, спокойно и легко... А дальше – темнота, снова темнота.

17.

Меня разбудил легкий ветерок, дувший в лицо, и тихие голоса. Я лежала на довольно жесткой постели, укрытая одеялом. Глаза открывать не хотелось. Всё тело ломило, шевелиться явно будет неприятно. Голова ныла и была туго забинтована, повязка давила на затылок, и мешала лежать. Я попробовала подвигать пальцами на ногах, чуть согнуть колени – всё тело отозвалось тупой болью. Голоса затихли. Я услышала легкие шаги и немного приоткрыла веки. Лучи света ворвались в темноту и глаза заслезились, я стала быстро-быстро моргать, чтобы побыстрее привыкнуть к освещению.

– Рина... – снова голос Рея, точно он, только непривычно тихий, чуть хриплый. – Наконец-то вы очнулись.

– От такого количества снотворного она могла и неделю проспять, а то и больше, – Линкок. Я даже немного обрадовалась, услышав знакомые голоса. Никакого постороннего шума не было, только два тихих голоса. Глаза привыкли к свету, и я открыла их шире. Белый потолок, стены. Уже привычно. Я чуть повернула голову и увидела Рея, а позади него у окна – капитана. Мы были в городе, сомнений нет. Но комната гораздо меньше, чем у Рея дома.

– Где мы? – этот вопрос тревожил меня больше всего, пока я не вспомнила про случившееся, – Франц жив?

– Да, Франц жив. Сейчас его жизни ничего не угрожает, но ранен он крайне тяжело. Если бы Гальер не оказался перед ним, то... Мгновенная смерть. Доставили вы нам хлопот, конечно, – Рей посмотрел своими черными глазами на меня так пристально, что по коже мурашки побежали. – Что вас заставило совершить такое безумство?

– Вы не ответили на мой вопрос, Рей.

– Похоже, наша дорогая гостя совсем пришла в себя, – Линкок коротко рассмеялся. Но я не услышала того задора, который был в его шутках раньше. Он весь как-то осунулся и резко постарел лет на десять, выглядел уставшим и побитым, как бродячая собака.

– Где мы? В одной из башен, – Рей неопределенно кивнул головой в сторону, – город практически полностью разрушен, если вы помните, да и лечением занимаются только здесь. Можете считать, что мы в больнице. Вы сильно ударились головой, рана неглубокая, но подлечить вас пришлось. Первые сутки вы бредили, постоянно кричали и плакали, поэтому вам ввели успокоительное и снотворное.

– Сколько я проспала?

– Несколько дней, а если быть точнее – четыре, с учетом первых суток. Мы думали, что вы будете без сознания гораздо дольше. Но, похоже, что ваш организм достаточно крепкий и быстро восстанавливается. Это хорошо.

– Мы проиграли? – натворила я дел, конечно. Теперь надо прояснить ситуацию, понять в каком я положении нахожусь.

– Нет, – Рей взял стул и присел рядом с моей кроватью. Удивительно как он держался – прямая спина, аккуратный хвост. Будто и не было никакой войны, будто вообще ничего не было. Та же белая, выглаженная рубашка, застегнутая до самой последней пуговицы, длинный вязаный кардиган, ни одной зацепки, идеально. – Ваш поступок в итоге сыграл нам на руку. Используя замешательство противника, мы провели контрнаступление. Но победить всё равно не смогли бы... По непонятным причинам, соперник предложил остановиться, закончить битву и объявить ничью. После мы узнали, почему. И эта причина совершенно не радует, особенно нас с Линкоком.

– Что же это за причина? – я попыталась приподняться в кровати и сесть, но боль в затекшей спине не позволила мне этого сделать, поэтому пришлось остаться лежать, повернувшись на бок. Так лучше видно Рея, Линкока и окно. Я всё пыталась разглядеть, что там, снаружи.

– Вы, Рина, – Линкок тихо и четко произнес это чужое для меня имя так, что я вздрогнула. Оба мужчины смотрели на меня.

– Вы обнаружили своё присутствие на поле боя и тем самым вызвали уйму вопросов. С обеих сторон, – Рей откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и говорил устало и монотонно. Похоже было, что он уже тысячу раз рассказывал это. – Как вы попали сюда, с какой целью, как оказались на линии фронта, опять же – зачем? Противники убеждены, что

это нечестный ход, ведь убивать женщин и детей запрещено. Но во время боя доказательств того, что вы действительно настоящая женщина у них не было, поэтому пришлось стрелять из-за опасений. Вы же могли быть оружием. Впрочем, – Рей вздохнул, – им и стали. Конечно, нам пришлось рассказать правду, её все равно бы узнали. Противнику это объяснение подошло. А нас устроила ничья.

– И дальше началось самое интересное. Пока вы тут мирно спали, а Франца спасали, – в разговор вмешался Линкок, – нас с Реем замучили расспросами. И нашему нынешнему положению не позавидуешь. Такую кашу вы заварили. Но мы сами виноваты...

Я молчала. Мне нечего было сказать. Да я и себе не могла бы толком объяснить, зачем выбежала на тот мост. Груз вины опускался на мои плечи. Бедный Франц, Линкок... А Рея жалеть не хотелось. Он виноват больше, чем я. Именно это и надо было сказать, но я не успела оправдаться, Рей повернулся ко мне и продолжил тихо говорить:

– Главный Совет, который руководит нашим городом, считает, что я специально перенес вас сюда и подговорил совершить этот поступок. Чтобы прекратить войну, чтобы дискредитировать власть и весь установившийся порядок. А всё почему? Потому что я слишком долго руковожу военными операциями, потому что слишком долго живу и имею огромные привилегии. Потому что могу перемещаться между мирами. Они не хотят принимать во внимание то, что кто-то

оставил открытое окно после перемещения, и я был вынужден спасать вас и закрывать его. Скорее всего, это было спланировано заранее, именно против меня. А вы просто удачно попались под руку. Они правы. И Гальер был прав. Мы слишком стары, слишком много думаем и чувствуем. Я перестал думать системно и поэтому совершил ошибку, переместив вас сюда. А потом ещё одну – оставив вас здесь. И снова – позволив вам выйти за пределы города.

– Да-да. И следом Франц... Это мы воспитали его таким, переделали под себя, в обычного человека, а не воина, поэтому он решил защитить вас. А теперь ранен, и долго не сможет выполнять свои военные функции, – Линкок вздохнул. – Мальчишка был прав. Это – конец.

– Нет! Это не конец. Мы не дадим растоптать наше доброе имя только лишь потому, что произошел ряд случайностей, – Рей говорил жестко, почему-то всё ещё смотря на меня. – Наша жизнь давно потеряла смысл и превратилась в череду одинаковых дней. Я сбегал от неё в другие миры, Гальер не врал. Когда я сидел на берегу реки, в тишине, а позади меня шумело поле, то чувствовал, что живу по-настоящему. И не хочу отказываться от этого. Такая жизнь доступна каждому. А наш мир просто не хочет проблем, связанных с этой жизнью. Гораздо проще управлять людьми, которые как дети играют в войну, которые никогда не задумываются о том, зачем им это всё.

– Рей, вы озвучиваете мои слова и мысли, – я всё же на-

шла в себе силы сесть. – Вам не кажется, что если мы будем говорить об одном и том же, то никто и никогда не поверит в то, что мы – не сообщники?

– Вы думаете, что нам вообще поверят? Два дня я и капитан по пять-шесть часов к ряду разговаривали с правителями. И, несмотря на нашу чистейшую репутацию среди военных и безоговорочную их поддержку, не заслужили веры. Этот мир только с виду – белый и чистый. А на самом деле – он совершенно гнилой и пустой.

Во что они пытаются меня втянуть? Прикрыть свои грехи моим необдуманном поступком? Освободиться от груза ответственности за мой счёт? Неужели всё настолько плохо, что даже невозмутимый Рей говорит такие слова?.. Мне сложно представить, что может последовать дальше, как устроена система управления государством, миром. Почему бы просто не перенестись отсюда, затеряться в других мирах и забыть о том, что было. Какой смысл в борьбе, если заранее известно, что это ни к чему не приведет?

– На самом деле, мы не просто так здесь находимся, – произнес Линкок. – После вчерашнего допроса – не могу назвать эту беседу иначе – мы с Реем решили не оставлять вас одну. Поступил приказ о том, что как только вы очнетесь, сразу же продолжить разбирательство. Мы должны были быть первыми, кто поговорит с вами.

– Послушайте, – мне оказалось сложно собрать мысли и рассуждать, – я не хочу в этом участвовать. Я просто жерт-

ва обстоятельств. И у меня нет никаких рациональных объяснений моему поступку, кроме огромного желания прекратить эту войну и вернуться домой. Мне непонятен ваш мир, правила, по которым вы живёте. Мне неприятно всё, что я вижу здесь.

– Рина, вы не понимаете...

– Может, и не понимаю! Из-за меня, а вернее из-за вас, – я ткнула пальцем в плечо Рея, – вся моя жизнь перевернулась, погиб Гальер и пострадал Франц. Давайте вы просто вернете меня обратно, в сотый раз вас прошу, а дальше разбирайтесь тут сами, как хотите. Я не ваш адвокат и не ваш союзник, чтобы помогать вам обретать свободу или чего вы там хотите добиться!

Рей вздрогнул от моего прикосновения и молча смотрел в пол, пока я говорила. Когда я закончила, никто не пророчил ни слова. Линкок отвернулся к окну и стал раскуривать трубку, а Рей устало опустил руку в карман, достал оттуда две серьги – одну в виде капли, другую в виде копья, повертел их в ладонях, а потом подошёл к окну и выбросил, легко замахнувшись. Затем вернулся ко мне и принялся снимать повязку с моей головы, всё так же молча. После чего принес со стола в углу поднос с едой, стул с платьем и отошёл к капитану. Они стояли и смотрели в окно. Линкок курил, я чувствовала терпкий запах табака и решила всё же поесть. Еда казалась безвкусной, но мне нужны силы, поэтому я довольно быстро опустошила тарелку. После этого встала, чувствуя

слабость в ногах, и переделалась. Рей и капитан действительно не собирались оставлять меня одну ни на минуту, поэтому выбора у меня не было. Да и чего стесняться или бояться? Всё страшное и неприятное, что могло произойти, уже случилось. Если бы какие-то человеческие чувства и мужские инстинкты, кроме инстинкта борьбы, у них сохранились, то они бы давно их проявили.

– Язык не поворачивается назвать вас людьми, – мне надо было сказать какую-нибудь гадость этим мужчинам. – Никогда не встречала таких неприятных... существ.

– Так уж и никогда? – хрипло, почти шёпотом спросил Рей. Никто так и не повернулся ко мне.

18.

Никогда... Я сидела на кровати, спиной к окну и думала. Обо всем, что случилось за прошедшие дни, а потом о том, как жила до этого. Много ли я думала о людях, обращала ли внимание на то, как они живут? Как я жила сама? Работа, дом. И постоянный бег от себя. Да, я просто прикрывалась красивыми историями о том, что люблю путешествия, новые города и виды, что мне нравится дорога, потому что можно ни о чем не думать, мечтать и отдыхать. От чего отдыхать? От бессмысленной и пустой работы? Которую я выбрала сама. Моя жизнь не была обременена ничем особенным, даже вопросы выживания сводились к обычному труду. Отношения, друзья? Остались ли ещё в моей жизни настоящие друзья? Те, которые готовы прийти на помощь, с которыми можно и посмеяться, и поплакать. Нет, не осталось. Просто потому, что никому не нужна ничья помощь, никто не хочет ничем делиться. Да в этом и нет нужды, – бери телефон в руки и смотри, как смеются твои друзья, и смейся с ними, смотри, как они плачут, и пиши им сочувственные слова. Я уже и не помню, когда в последний раз встречи проходили весело, живо, когда мы обсуждали не рабочие и семейные вопросы, а просто болтали обо всём на свете. Каждый занят своей жизнью, создает видимость успеха и радости. И никто не хочет говорить о том, что ему трудно и сложно. Мы загна-

ны в капкан успешности. Иногда эти улыбающиеся лица на работе настолько начинают меня раздражать, что я не хочу даже здороваться с ними.

Любовь, отношения? Ну да, было и это в моей жизни. Но и там я не нашла ничего такого, что могло бы меня удержать. Ощущение пустоты – вот от чего я бежала каждый день, каждый год. Люди жестоки, они хотят использовать тебя, но не хотят ничего давать взамен. Давно, очень давно я не встречала искренних, добрых людей. Это не значит, что их нет. Но они скрывают своё лицо, как изуродованную личину, потому что доброта вдруг стала синонимом слабости. И когда мой мир стал таким? В тот день, когда Рей перенес меня сюда, я бродила по старинной усадьбе. А люди вокруг, что делали они? Организовывали фотосессии. Для чего? Чтобы показать всем вокруг, какие они красивые и счастливые. Но зачем это показывать, ведь если ты счастлив, то это видно сразу. Да и личное счастье каждого касается только его. Разве нужно доказывать, что ты счастлив? А ещё, я помню, в тот день люди катались на лошадях, чтобы развлечься и вряд ли кто-то задумывался, каково животным в этот момент. Они – вольные создания, рожденные в степях и прериях. А мы используем их как игрушку.

Было ли что-нибудь хорошее в моем мире, что я так стремлюсь туда вернуться?.. Наверное, было. Там у меня была свобода быть собой. Воспоминания, теплая летняя трава, шум реки и уютный гостиничный номер. Миллионы воз-

можных путей. А здесь – только один путь. Попытайтесь помочь этим людям. Почему? Потому что наши миры отличаются только внешне, содержание одинаково. Они ушли чуть дальше нас в гонке за пустоту существования, не более. Они отвергли всё, что делает человека человеком. Но даже среди них есть те, кто пытается бороться. Кто не позволяет себе стать просто вещью, пустой заводной игрушкой. Неужели они больше или меньше люди, чем я? Мы все делаем то, что должны. То, что привыкли делать. А чего мы хотим на самом деле? К чему стремимся?

Мысли путались. Слишком сложно давалось принятие нынешнего моего положения. Отказаться от придуманной судьбы путешественницы, ищущей смысл? Я так держалась за свой образ – одинокой женщины, самодостаточной настолько, что нет нужды и необходимости иметь кого-либо рядом, кроме самой себя. Я с гордостью считала и говорила всем – что добилась того уровня свободы, что иду, куда хочу. Умалчивая о том, что на самом бегу и боюсь быть с кем-то, боюсь потерять свою свободу и волю. И каждый день хожу на работу, чтобы обеспечить себе тот самый уровень свободы. Глупо. Всё это очень глупо. А в этом мире, не смотря на его абсурдность и странность, мне удалось встретить добрых людей, как бы я не злилась на них. Людей искренних, свободных до такой степени, что они открыто признают, что не свободны. Здесь я имею смысл. И теперь могу не бежать.

Страшно принимать свою судьбу в свои руки. Страшно

поверить Рею. Страшно остаться здесь навсегда и принять наказание.

С этими мыслями я встала и медленно ступая на израненных ногах, путаясь в платье, подошла сначала к двери, потом к столу, к окну. Вместе со мной Рей тоже начал движение – он отошел от окна, расставил стулья по местам, застелил постель и неожиданно лёг на белое одеяло, закинув ноги в высоких черных ботинках на кровать. Руки заложил за голову и закрыл глаза. Линкок удивленно смотрел на него, я подошла к окну, прислонилась к подоконнику и выглянула наружу. От высоты закружилась голова. Сложно представить на каком этаже мы находились, но сбежать отсюда через окно точно не получится. Напротив нашей башни была ещё одна, справа и слева тоже. Везде они – белые, стеклянные гиганты. Где-то среди этих башен решится наша судьба. Во всяком случае, это необычно, хоть и рассказать некому. Но окончательное решение я принять никак не могла.

– Если я останусь здесь или меня казнят, в моем мире никто не узнает... – вырвалось у меня. – Интересно, что там сейчас происходит?

– Кто знает, – Линкок посмотрел на меня как-то по-отечески и пожал плечами. Трубка его давно погасла, и он бесцельно крутил её в руках. Неожиданно Рей начал говорить, мы с капитаном повернулись к нему – он лежал всё так же: одна рука за головой, другая на белом одеяле, глаза закрыты.

– Рина, а ведь я знаю ваше настоящее имя. Всё знаю про

вас, – я вздрогнула, дыхание перехватило. К чему это, неужели опять какие-то сюрпризы. Сердце колотилось бешено. Кто этот человек на самом деле? – Когда вы мне встретились впервые, а это было очень давно, я понял, что вы тот самый человек, который поможет мне. Но потом я почувствовал жалость. Вы же были довольны своей жизнью, и врыватья в неё я не смел, просто наблюдал, пока всё не начало рушиться. Вы разрушали свою жизнь, медленно, но верно. Постоянно сбегали, чаще уезжали. И часами могли сидеть и смотреть на мир вокруг: как садится солнце, как льется дождь, как сыпется снег. Так же, как и я, вы сбегали от своего мира, потому что потеряли смысл. Ваш мир больше не мог дать вам ничего стоящего, хотя все возможности у вас были. Но здесь, у нас, всё гораздо хуже. Вершины достигнуты, история придумана и игра запущена. Для меня ваш мир стал отдушиной, глотком свежего воздуха. Хотя бы потому, что там я не должен воевать. На какое-то время я даже бросил наблюдения за вами и свои путешествия. Решил не искушать судьбу, меня могли заподозрить в чём угодно. Да и сбежать навсегда нельзя, самым разумным мне казалось попробовать смириться со своей участью, снова стать как все. Но именно тогда в наших рядах появился Франц. Удивительно открытый, наивный и добрый парень, практически как вы в его возрасте, Рина, – Рей сделал такой упор на это имя, что у меня сердце остановилось на секунду, – несмотря на строгое воспитание в догматах нашего мира, он не вырос таким как

все. Живой, подвижный ум, эмоции, стремление познавать и размышлять. Наверное, я стал слишком стар, сентиментален даже. Но мне не хотелось, чтобы у него была такая же судьба, как у Гальера, Линкока и у меня. Франц заслуживает другой жизни, понимаете? Он заслуживает выбора. Я долго вынашивал план, продумал всё до мелочей. Но, увы, ошибся только в вас. Вы ещё более странная и непредсказуемая, чем я предполагал.

– Так это ты специально её похитил? – Линкок был удивлен не меньше, чем я. – Рей, да ты сошел с ума! Не узнаю тебя. Лучший стратег за последнюю пару сотен лет. Про тебя детям в школе рассказывают. У тебя миллион привилегий за отличную службу и безупречная репутация. Каждый скажет, что ты немного странный, но никто и никогда не поверит, что ты готов пойти против системы, против мира!

– Капитан, вы не настолько плохо меня знаете, чтобы верить в эту чушь с моей приверженностью системе и этому миру. Я давно утратил в него веру и просто хорошо маскировался. Не глумитесь, в глубине души вы знаете, что всё именно так, как я говорю. Вы же знаете, кто я на самом деле. Давайте не будем больше играть?

Рей всё ещё лежал с закрытыми глазами. Четкий, сильный профиль, безупречный внешний вид. Но что этот человек скрывает, какие страшные тайны прячутся за красивым фасадом... Он продолжал.

– Наша встреча вечером у реки действительно была слу-

чайной. Снова, после очередной изнуряющей битвы, я решил переместиться. Чтобы забыться хоть на мгновение, не слышать шума битвы, криков раненых. И если честно, совсем не хотел возвращаться обратно. Чем бы мне это ни грозило. А вы оказались в том же месте и в тот же час. И я понял, что надо что-то делать. Вот вы – остаетесь верной себе, хоть и бежите от себя. У вас был такой взгляд, когда вы смотрели вдаль. Как будто вы смотрите сквозь время, сквозь все миры и пытаетесь найти что-то важное. Мы с вами, наши миры – очень похожи. У нас гораздо больше точек соприкосновения, чем можно представить. В тот момент я и решил, что пора. Пора что-то менять. Да, я специально оставил открытым окно после перемещения в том месте, где вы гуляли. А потом спас вас. И перенес сюда.

– Не понимаю, чем моё присутствие могло вам помочь, – его слова казались мне бредом. Он втянул меня в свою игру, сделал инструментом. Нет. Игрушкой. Я медленно двинулась в сторону кровати, но Рей продолжал:

– Вы помогли просто тем, чтобы были здесь и были собой. Вам интересно узнавать этот мир, у вас – искренние, неприкрытые эмоции, вы умеете чувствовать и говорите об этом. Вы своим присутствием оживили нас и показали, что внутри каждого из нас есть человеческое начало. Что мы – не роботы и не пешки в чьих-то руках. Вспомните, как заботился о вас Франц. А если бы вы слышали споры по поводу платьев и обсуждение сладостей, которые вы ели с большим

аппетитом. Вот эти взрослые, бывалые вояки, как дети радовались тому, что вы тоже радуетесь. Вы показали нам всем другую сторону жизни, приоткрыли дверь в ваш мир. Именно поэтому Франц защитил вас, и именно поэтому Гальер не позволил ему умереть. Сейчас нам предстоит рассказать всё Совету, поэтому я хочу попросить вас, чтобы вы рассказали правду. Вашу правду. Всё остальное я скажу сам.

Он открыл глаза и посмотрел на меня, я замерла в полуметре от кровати, мне очень хотелось ударить Рея или задушить, – сделать ему больно. Так же больно, как он сделал мне. Именно из-за него я стала невольной виновницей смерти человека. Именно из-за его бредовых идей мой мир рухнул раз и навсегда.

– Можете ударить, если хотите. Вы же для этого идёте сюда? – Рей совершенно серьёзно говорил, без тени насмешки или улыбки, и всё так же не шевелился. Я продолжала смотреть в его черные глаза и не отводила взгляда, надо выдержать и это испытание. Испытание бездной, которая находится внутри у этого человека. Неожиданно он отвернулся от меня и посмотрел в потолок, продолжая говорить. – Подумайте, Рина, прежде чем сделать что-либо. Если я вас сейчас верну обратно, сможете ли вы жить прежней жизнью? Чем вы там занимались – работали, путешествовали? Надолго ли вас хватит, не захотите ли вы снова вернуться сюда, ну или побывать где-нибудь ещё? Вы уверены, что найдете в своем мире то, что так отчаянно ищете?

– Я не уверена ни в чем. Даже в том, что хочу вас ударить, – я спокойно дошла до кровати и присела рядом с Реєм, он не шелохнулся. Чувства бушевали – я могу вернуться домой прямо сейчас и забыть всё как страшный сон. Но теперь, зная многое, я уже не могу вернуться. Отчего-то мне казалось, что я не имею права бросить этих людей здесь – Франц, Линкок, – они замечательные, даже хорошие, и ни в чем не виноваты. В отличие от меня и Рея. – Конечно, я хочу вернуться домой. Но и не могу оставить вас всех здесь. Особенно после того, что случилось. Я должна ответить за то, что сделала. Да, Рей, вы специально перенесли меня сюда, но не могли знать, чем это обернется. А я ведь такая, как и вы, – не знаю, чего хочу и просто играю свою роль, чтобы никто не догадался о моей сущности.

Я взглянула на Рея – на его лице появилась улыбка, едва различимая. И почему-то от этой улыбки у меня появилась надежда. Значит, у него есть план, а у нас всех – шанс на спасение! Если он такой отличный стратег и тактик, как все говорят, то догадка верна. Рей сжал мою руку, от чего я вздрогнула. Ладонь его была теплой, а пожатие – сильным.

– Спасибо. Но вы гораздо лучше меня, не стоит нас сравнивать.

– Ну и что мы теперь будем делать? – Линкок подошел к нам и серьезно посмотрел на каждого.

19.

Когда мы закончили обсуждать дальнейшие действия, в дверь кто-то постучал. Внутрь зашли двое военных, одетых в черную форму, а за ними ещё один – в такой же форме и плаще. В его ухе красовалась длинная золотая серьга с солнцем на конце цепочки.

– Раз ваша гостья пришла в себя, – он посмотрел на меня строго и холодно, – то нет смысла тянуть с разбирательством. Совет ждёт вас.

С этими словами он развернулся, и нам не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Я окинула прощальным взглядом эту белую комнату и пошла за остальными. Дверь за нами закрыли военные и встали в конец строя. Так мы и двигались – впереди человек в плаще, за ним Рей, дальше я и Линкок чуть поодаль, а завершали процессию солдаты. Коридор был полностью белым, вымощенным огромными каменными плитами. По стенам располагались одинаковые двери с серебряными ручками. Мы дошли до конца коридора и свернули налево – там неожиданно я увидела лифт. Хотя, чему удивляться? Они же могут совершать космические полеты. Конечно, обстановка внутри домов и на улицах заставляет забыть о технических возможностях их мира, но не отменяет всех достижений этой цивилизации. Мы зашли внутрь лифта и поехали вниз, он спускался так быстро, что

у меня заложило уши, и ощущение было, будто я катаюсь на огромных американских горках, – все внутренности поднялись вверх к горлу. Вид у меня, скорее всего, был соответствующий, потому что Рей, обернувшись, сделал пару шагов назад и оказался рядом со мной, незаметно и легко взял меня под локоть. Линкок тоже встал чуть ближе. Наконец-то лифт остановился, и мне стало легче.

Мы вышли в полутемный коридор со сводчатым потолком. Рей всё ещё поддерживал меня, уверенности в своих силах не было, поэтому я не сопротивлялась. Стены и потолок здесь не были белыми, старый камень пожелтел и в некоторых местах его рассекал серый рисунок. Мне такой природный узор всегда напоминал реки, нарисованные на картах местности. Я шла и смотрела на эти стены и думала о том, насколько правильно поступаю. Стоило ли жертвовать всей своей привычной и стабильной жизнью ради всего этого? Ради этих малознакомых людей. Я посмотрела на Рея, он перехватил мой взгляд и чуть кивнул – будто согласился с моими мыслями.

Наши шаги эхом разносились по длинному помещению. Шли мы долго, как в нескончаемом переходе подземки. И когда это сравнение пришло мне в голову, я ощутила сначала острую тоску по своей прежней жизни, а потом щемящую радость от того, что я решила бросить вызов самой себе и просто выкинула прошлое, встала на краю бездны вместе с такими же людьми, готовыми на что угодно ради надежды.

Коридор закончился широкой полукруглой лестницей, мы поднялись по ней и оказались в большом холле с лифтами. Два из них были совсем маленькими – на пару человек, и располагались по краям от огромных серебряных дверей третьего лифта. По размерам он скорее напоминал комнату, одна стена которой полностью застеклена. Поэтому, когда мы начали подниматься, я увидела перед собой весь город и другие небоскребы. Этот лифт двигался медленно, и мне удалось рассмотреть всё. С той стороны, в которую был обращен лифт, город разрушен. Вместо домов – руины, среди которых возятся люди в синей форме. Наверняка военным теперь поставили новую задачу – восстановить город. И наверняка, ничего не объясняли в подробностях. Купол, скорее всего, был уже на месте и полностью восстановлен, потому что с высоты не видно ничего зеленого вдалеке. Хотя, может, я и ошибалась, потому что всё моё внимание было приковано к соседним небоскрегам. Мне, жителю большого современного города, вовсе не удивительно видеть высотки. Но с такими огромными не приходилось сталкиваться никогда. Мы поднялись уже больше чем на сотню этажей и продолжали двигаться вверх, соседние строения тоже не заканчивались. Они были белыми, чистейшего белого цвета, отражали солнечные лучи и самих себя, как столпы света. Красиво и страшно одновременно. Их величие говорило только об одном – их построили не простые люди. Люди с огромными запасами знаний, умений и потрясающими технологи-

ями. Они, наверняка, настолько умны и проницательны, что разговаривать с ними всё равно, что разговаривать с мифическими существами. Тайны мира, тайны космоса и человека постигнуты ими. Они настолько приблизились к ответам на вечные вопросы, что решили вернуть человечество к истокам и озаботить его простыми насущными проблемами. И мы пытаемся противостоять им? Разве это не глупо? Я посмотрела вниз, отвлекшись от размышлений и созерцания белых зданий, – голова тут же закружилась. Лифт увез нас так высоко, что невозможно без ужаса смотреть вниз. Я отвернулась от стеклянной стены и закрыла глаза. Мне надо собраться с мыслями, убедить себя ещё раз, что мои решения верные.

Движение прекратилось, двери открылись, и мы вышли из лифта. В этом холле было прохладно, пахло жасмином. Чуть впереди стояли военные в белой форме – они занимали пост около высоких двустворчатых дверей, которые распахнулись, приглашая нас войти, как только мы подошли к ним. Человек в черном плаще зашел вместе с нами, а пара военных осталась снаружи. Мы стояли посреди большого круглого зала с выступающими окнами. Окна располагались с пяти сторон и были застеклены от пола до потолка – сквозь них сюда проникал солнечный свет. Конечно, всё вокруг было белым. Никаких цветовых пятен, кроме людей. Напротив нас, чуть дальше от середины помещения, сидели в простых белых креслах пятеро: две женщины, один старик и ещё двое

мужчин неопределенного возраста. Все одеты в белое, но с разными поясами – у женщин они были голубого и розового цвета, у старика серым, а у двоих других мужчин – золотой и серебряный. Присмотревшись, я заметила, что у каждого из них есть серьги в виде птиц. Конечно, сидя на такой высоте, можно только птицами и называться. Мне вдруг стало ужасно противно лицезреть эти спокойные лица. Они считают, что делают всё правильно, на благо людей. И не видят, как страшно те погибают, как вообще живут – в пустоте белых стен и дорог.

– Командующий Рей, капитан Линкок, прошу вас выйти вперед. Мы с вами уже беседовали много раз, но я бы хотел, чтобы и другие члены Совета выслушали ваши рассказы, – старик с серым поясом поднялся из кресла и приветственно кивнул всем собравшимся. На мне его взгляд задержался дольше остальных, но я старалась не выдавать своего волнения и просто смотрела ему в глаза. Такие же черные, как у Рея. В какой-то момент мне показалось, что они удивительно похожи, только волосы у старика седые и спина не такая ровная. Но я быстро отбросила эти ненужные мысли и приготовилась слушать дальше.

– Мы готовы рассказать всё снова, – Рей сделал шаг вперед.

Выглядел он браво – военная выправка, безэмоциональное лицо, даже дыхание не заметно. Старик кивнул ему и вернулся в кресло. Рей начал говорить. Практически слово

в слово он поведал весь тот рассказ про свою задумку, который только что слышала я. Иногда старик останавливал его и задавал уточняющие вопросы. Бывало, что он обращался и к Линкоку, тогда тот вставлял несколько фраз, подтверждая, что они с Францем знали об увлечении Рея перемещениями, но не были в курсе его сумасшедшего плана. Остальные члены Совета молча слушали, но лица у них были суровые, и мне стало понятно, что нам не избежать наказания. Страшного и безапелляционного. Никому на самом деле неинтересно узнать, почему так всё произошло. Скорее всего, наша беседа чистая формальность, может быть, даже своего рода развлечение для этих скучающих людей. В мире, где кроме войны ничего не происходит, такая выходка, действительно, целое событие. Но и оно должно оставаться тайной. А, значит, все свидетели будут убраны. Из задумчивости меня вывел строгий голос старика:

– Теперь расскажите вы нам свою историю.

– Не думаю, что мой рассказ может что-то изменить, но, если вы так хотите его услышать... – я судорожно глотнула, обещала ведь Рею не разговаривать в таком тоне с этими людьми, да и Линкок подавал мне знаки глазами, чтобы была вежлива. Ну, нет! С чего я вообще должна подчиняться и быть добренькой с этими людьми. Они даже не представились мне, я знаю о них только то, что рассказал Рей. Те две женщины заведуют детьми и бытовой частью, строгие, беспринципные создания. Знающие, как вырастить из

детей воинов и как распределять ресурсы. Именно они контролируют численность населения. Одна мысль об этом была мне противна. Женщины, матери... И готовы отсеивать детей по половой принадлежности, коверкать им психику ради надуманной идеи. Старик – главный военный стратег и хранитель законов и норм морали этого общества. Верховный судья, если можно так выразиться. А по сути – пёс, закапывающий трупы неугодных людей. Он вызывал у меня жалость. В его почтенном возрасте надо читать книжки правнукам и покуривать трубку в саду под старыми яблонями. И два самых главных человека – мужчины в серебряном и золотом поясах. Они фактические руководители города, определяют стратегию развития, поддерживают внешние контакты, определяют цели и порядок боевых действий. В общем – идеальные управленцы в рамках извращенной идеи этого мира о бесконечной войне и прекращении развития всего остального. Холодные циники, а внутри наверняка гаденькие душонки, боящиеся восстаний и нового мира, который должен появиться. Потому что всегда появлялся.

– Не стоит смотреть на нас так, будто мы вам противны. Ведь вы не у себя дома, а в наших владениях, – сухо произнес блондин с золотым поясом. – Говорите!

– Что поделатъ, если вы и правда мне неприятны, – я прикусила себе язык. Остановись! Ты же всё испортишь. Я вдохнула поглубже, выдохнула. Постаралась сделать лицо попроще и начала, – наша первая встреча с Реем состоялась со-

вершенно случайно, на окраине одного маленького городка в моем мире. Я путешествовала. Наш разговор был коротким. Если честно, он напугал меня и сильно вывел из равновесия. Не каждый день встречаешь человека, который исчезает мгновенно в неизвестном направлении. Но я постаралась выкинуть из головы это неприятное знакомство. На следующий совершила ещё одну поездку, и вот тогда из ниоткуда на меня вылетело копье. Я уже была готова прощаться с жизнью, как появился Рей и спас меня. А после этого зачем-то переместил меня сюда. На холм за городом, под которым разбит ваш военный лагерь. Поскольку после перемещения мне было плохо, то меня перенесли в дом к Рею, где я и жила несколько дней.

– Да-да, всё это мы уже знаем. Расскажите лучше о том, зачем вы выбежали на поле боя. Зачем ввязались в военную операцию, в которой никогда не участвуют женщины? – старик пристально смотрел на меня, и я понимала, что он не верит ни единому моему слову. Что бы я ни сказала, всё будет в его глазах враньем. Значит, я могу говорить всё, что угодно.

– Потому что устала. Устала от ваших белых стен. От бредовой идеи воевать, воевать каждый день. Этот дикий вой, разрушение города, – всего этого можно было бы избежать, измени вы своё отношение к миру. Но вы упорно продолжаете уродовать всё вокруг, разрушая себя изнутри!

– И вы всё это увидели за пару дней?

– Да, за пару дней. Это же сразу понятно, особенно, если

вам есть с чем сравнить, как мне. Мой мир совсем другой. Люди имеют право выбора, они вольны делать то, что хотят. А не стремятся закончить свою жизнь на поле боя из-за пустоты собственной жизни.

– Вы просто попали не в то общество. Наши солдаты, наши жители – довольны тем, как живут. У них есть всё, что нужно и нет тех проблем, с которыми сталкиваются люди в вашем мире каждый день.

– Вот именно поэтому ваша жизнь – пуста! Я не могла смотреть, как добрый, открытый парень, Франц, будет жертвовать собой просто потому, что ему так сказали! А старик Гальер? Разве война – это то, что нужно человеку в его возрасте? Вы должны остановить это всё и дать людям возможность самим выбирать свой путь. Имея такое огромное влияние и силу, как говорят, – двести лет без проигрыша, уровень науки и техники, – вы можете изменить вообще весь мир. Но предпочитаете сидеть здесь и допрашивать нас, людей, которые не совершили ничего особенного.

– Как же ничего особенного? – в разговор вступила женщина с розовым поясом. – Вы бродили по городу, наблюдали за нашими детьми – зачем? Ради простого интереса? А потом помешали нашим войскам совершить контрнаступление и поспособствовали проигрышу.

– Ничья – это не проигрыш! Именно потому, что я отвлекла атаку на себя, ваши войска смогли перейти через мост! Рей, Линкок, скажите им! – я умоляюще смотрела на муж-

чин, но они молчали.

– Мы знали, что именно эту версию расскажут вам. Вы верите этим людям, а почему? – женщина сверлила меня взглядом. Чего она хочет добиться? Чтобы я начала сомневаться? А ведь в её словах есть разумное зерно, я знаю о ситуации только со слов Рея. Никто и ничто не могло помешать ему обмануть меня.

– Рей? – я обернулась к нему, неужели он и, правда, лгал. Зачем, почему так? Не может этого быть.

– Рина, ваше право верить или не верить мне. Я не буду приводить никаких аргументов, – он внимательно посмотрел на меня, спокойно, уверенно. Так могу я верить ему или нет? До этого момента у меня не было никаких сомнений в его правдивости. Его уважают солдаты, друзья. Рей не похож на лжеца. Но, тем не менее, он спланировал моё похищение. А после честно рассказал об этом. Не понимаю, что делать, как реагировать. – Выбор за вами.

Я понимала, что наш дальнейший план, наши действия теперь зависят только от меня. Мы обсудили все возможные варианты, но решать буду я. За себя. Рей и Линкок уверены в своих решениях и ни капли не сомневаются. А потому, сделают задуманное, даже если я откажусь от участия.

– Мы понимаем, что вас ввели в заблуждение, но и верить нам вы не готовы. Скажу только одно, – женщина продолжала говорить с молчаливого согласия остальных, – наказание будет жестоким. Никому и никогда выступление против Со-

вета, против жителей нашего города, против нашего общего пути не сходило с рук. Вы останетесь живы, если поймете, что командующий Рей был не прав и обманывал вас, но вернуться домой не сможете уже никогда. Впрочем, и в обратной ситуации вы всё равно не вернетесь, а разделите наказание с ним. Потому что у нас нет уверенности в том, что вы говорите правду и не вступили в сговор с этим человеком. Рей потерял наше доверие и уважение очень давно. Но он был полезен для нашей главной цели. Когда мы посчитали бы его слишком опасным, то он просто исчез бы. Например, погиб на поле боя. Либо не вернулся после перемещения.

– Да что уж врать! – её перебил мужчина с серебряным поясом. – Вся эта история с грядущим поражением и была организована для того, чтобы он погиб. Но вы испортили всё, – он указал рукой на меня, в глазах его горела злость.

– Спокойнее, давайте не будем обсуждать это сейчас, – старик снова встал, и все замолчали. – Рина, мы предлагаем вам выбор – сохранить жизнь, но остаться здесь навсегда и жить так, как мы вам скажем. Либо остаться верной своим словам и убеждениям, верной командующему Рею, человеку, который похитил вас и втянул в свою грязную игру.

– Я не верю никому из вас, – в моей голове сложилась картинка происходящего и возможного будущего. Мне не хотелось вникать в междоусобные противостояния этого мира, не хотелось проживать жизнь в белых стенах, но и умирать я тоже не хотела. – Но с ним, – я подошла к Рею и взяла его

за руку, от чего он вздрогнул и напрягся, – у меня есть шанс вернуться домой. Рей! Пора!

Мой голос разнесся по залу, члены Совета удивленно посмотрели на моё взволнованное лицо. Рей среагировал ментально, пожалуй, никто не успел даже понять, что произошло. Держа меня за руку, он бросился бежать к окну, я еле успевала переставлять ноги, путаясь в платье. Я знала, что будет дальше, но не боялась. Впервые мне не было страшно – исход в случае неудачи будет не настолько ужасным, чтобы бояться, да и я уже настолько запуталась в самой себе и двух мирах, что потеряла способность к пониманию реальности, – всё походило на сон. Мы подбежали к окну, Рей притянул меня к себе, прижал крепко, развернулся спиной к стеклу и с разбега навалился на него. Стекло треснуло и полетело вниз вместе с нами, засыпая осколками. И только когда я увидела над собой удаляющееся небо, то испугалась. Испугалась настолько сильно, что не могла даже кричать, хотя очень хотела. Пыталась закрыть глаза, чтобы не видеть этого прекрасного неба, убегающего от меня, и не могла. Вокруг свистели потоки воздуха, сквозь которые мы падали, было холодно, полы платья развевались. Рей крепко держал меня, я в свою очередь мертвой хваткой вцепилась в его руки. Только бы успеть до земли. Пожалуйста.

20.

Секунда. Две. Три.

– Рей! Пожалуйста! – я закричала что было сил, мне казалось, что мы падаем слишком долго.

Резкая вспышка – отблеск от белого города, и всё закружилось с такой скоростью, что я перестала соображать. Глаза не успевали фиксировать картинку. А потом легкий удар, и руки Рея разжались, я упала на что-то мягкое. В ушах стоял дикий звон, я зажала их руками и зажмурилась. Это было невыносимо. Встав на колени, я уткнулась головой в землю. Да, это была земля, покрытая травой, я чувствовала её руками. Звон в ушах стихал, но всё тело будто прокалывало сотнями игл. Так вот оно какое – перемещение. В прошлый раз я потеряла сознание из-за боли и не помнила всех этих ощущений.

– Рина, вставайте, надо уходить отсюда, – Рей подошёл ко мне и попытался помочь встать. Кое-как я поднялась на ноги. – Конечно, они не могут знать, куда мы переместились, но след от окна остается какое-то время, так что они вполне могут вычислить наше положение.

– Я думала, что мы разобьемся. Почему так долго?

– Надо было выбрать удобный момент, чтобы след остался в не самом удобном месте, ну и чтобы здесь мы не рухнули с большой высоты. Всякое бывало с такими экспериментами.

Я наконец-то осмотрелась – мы стояли на поляне, окруженной темным лесом. Где-то далеко отсюда заходило солнце, царил полумрак. Пели вечерние птицы! Я снова слышу их, и вокруг нет ненавистного белого цвета. Уже ради этого стоило поверить Рею.

– Идёмте, надо уйти как можно дальше от этого места, пока не стало совсем темно, и найти место для ночлега. Следующее перемещение будет завтра, иначе, боюсь, что вы не выдержите. А таскать вас по мирам в бессознательном состоянии я не решусь, – Рей повернул налево и зашагал сквозь траву в лесную чашу.

Я отправилась за ним. Тело ещё болело, голова тоже. Но с каждым шагом, с каждым вдохом мне становилось лучше и лучше. Смущало только одно – у нас не было оружия, еды и одета я более чем странно. Да и неудобно. Если нас будут преследовать, в темноте моё голубое, почти белое платье, можно увидеть издалека. Я сказала об этом Рею, на что он спокойно ответил:

– Не переживайте, какое-то время они потратят на поиски следа, а может быть и вообще не станут нас искать. И тем более без подготовки не полезут в неизвестные миры толпой. Это может быть опасно и нарушит пару статей общеземных законов.

Мы шли молча сквозь лес пока совсем не стемнело. Рей посчитал, что мы ушли довольно далеко и пора устроить привал. Я настолько устала, что без сил опустилась рядом с

каким-то деревом прямо на землю, прислонилась к теплому стволу и готова была уснуть. Лес наполнялся ночными звуками, и мне так радостно было слышать эту тайную жизнь, что я уже ни о чем не могла жалеть. Даже смерть Гальера не казалась мне теперь такой ужасной. Я закрыла глаза и глубоко дышала. Главное – успеть убежать подальше, всё остальное решится позже. Что-то тяжелое и тёплое опустилось на меня сверху, я открыла глаза и различила Рея, стоявшего передо мной. Он укрыл меня своим вязаным кардиганом, и его белая рубашка выделялась ярким пятном на фоне чернеющего леса.

– Отдыхайте, Рина. А я буду наблюдать за лесом. И в случае опасности разбуду вас.

– Спасибо... – я снова закрыла глаза, но уснуть никак не получалось. Минут через пятнадцать безуспешных попыток, я решила задать вопрос, не дающий мне покоя. – Рей?

– Да.

– Как думаете, правильно ли то, что я поверила вам?

– После того, как вы взяли меня за руку, я ни минуты не сомневался в правильности нашего выбора. И вашего тоже. Хотя бы потому, что мы – живы, мы не среди белых стен. И наш путь продолжается.

Да, конечно, он прав. Даже если и обманывает меня. Но теперь я свободна. Мне нет нужды объяснять свои поступки незнакомым людям, я смогла покинуть этот странный, бессмысленный мир. Всё остальное не должно меня волновать.

А сейчас нужно попытаться отдохнуть. Нам предстоит долгая дорога, и для меня она будет не самой простой. Я пыталась придумать тот мир, в котором мы находимся сейчас. Это не мой дом, мы не могли рисковать и сразу перемещаться туда, но он настолько похож на него, что я чувствую себя в безопасности, как там, дома. За этими мыслями я уснула. Не знаю, сколько часов прошло, но проснулась я от того, что кто-то легко трясет меня за плечи. Ну, сколько можно меня будить?

– Что?..

– Нам пора, скоро рассвет. И с другой стороны леса слышится странный шум, – снова Рей, я была рада слышать его голос, но и не хотела слышать его. Мысли о новом путешествии заставляли меня тревожиться. Снова испытывать боль не хотелось.

– Неужели нас нашли? – я испугалась и вскочила на ноги, кардиган упал на землю, и мне резко стало холодно, до дрожи. Всё вокруг покрыла предрассветная роса, дул холодный ветер.

– Не думаю. Но я не знаю, кто живет и водится в этих диких местах, – Рей поднял кардиган и отдал мне, – наденьте. Не хватало ещё, чтобы вы простудились. Тогда точно никаких перемещений не произойдет.

И мы снова отправились в путь. Лес потихоньку просыпался, слышались шорохи, светлело. Идти было трудно и мокро, но я молчала. Не хотела показаться слабой. Через ка-

кое-то время перед нами оказался глубокий овраг, перейти через него не было возможности, и нам пришлось спуститься на дно. Там было сыро и полно валежника. Рей откидывал крупные ветки в сторону и помогал мне пробираться сквозь заросли. Выглядели мы оба неважно. Белая рубашка Рея быстро испачкалась, волосы, гладко зачесанные в хвост днём ранее, растрепались. Подол моего платья промок и стал грязным, кое-где порвался. Но мы упорно шли вперед, пока лес не расступился, и овраг не вывел нас на равнину. Солнце только что бросило первые лучи на пустую землю. Ветер принес издалека звук топота копыт, выкрики людей, а значит – пора. Мы взялись за руки, и снова всё закружилось, пропал и этот лес, и пустая равнина, и даже солнце. Через мгновение мы оказались уже совсем в другом месте. На этот раз я отделалась только звоном в ушах и легким головокружением, и даже смогла устоять на ногах.

Рей специально выбирал для перемещений пустынные места, где вероятность встретить кого-нибудь была минимальной. Мы бежали, запутывая следы. За этот день пришлось сменить три разных мира, не считая самого первого, с лесом. Дальше были пустынные степи с резвыми свободными лошадьми, скачущими среди сухой травы; после них – холмистая местность, покрытая кустарником, похожим на вереск, здесь мы нашли ручей с чистой водой, напились и умылись; я долго лежала и приходила в себя, так как после этого перемещения моё тело отказывалось двигаться, болела каждая

косточка, и открылись некоторые раны, чтобы перевязать их пришлось оторвать часть подола от платья. С Реем мы практически не разговаривали. Да и о чем говорить? Сколько ещё придётся бежать? Наверное, до тех пор, пока я смогу выдержать. Мне не хотелось знать точный ответ на этот вопрос. Ближе к ночи мы совершили ещё один переход. Он был самым быстрым, и я сразу ощутила запах моря, а когда в ушах перестало звенеть – услышала шум прибоя.

– Неужели море? – я смотрела на Рея и не верила своим словам и ушам. Он кивнул.

Быстрым шагом, на который только мои больные ноги были способны, я бросилась в сторону шума прибоя. Обогнула каменную насыпь и увидела его – огромное, тёмное море. Солнце практически опустилось за горизонт, но ещё освещало водную поверхность. Дул тёплый ветер. Я добралась до берега и осторожно зашла в воду. Ноги обожгло соленой водой, но я готова была упасть туда всем телом и просто качаться на волнах. Осторожно опустившись на колени, я набрала в ладони тёплую воду и просто смотрела на неё. Из глаз катились слезы. Море прекрасно, весь мир прекрасен. Я тысячу раз была права, когда вырвалась из мира Рея. Даже если я никогда не вернусь домой, я готова остаться где угодно, где буду свободной.

– Ночь проведем здесь, а завтра можно попробовать добраться до вашего дома. Судя по всему, никто нас не преследует. Но именно в вашем мире могут ждать. Вы готовы

рискнуть?

– Не знаю, Рей. Давайте поговорим об этом завтра? – я умоляюще смотрела на него, и он кивнул мне в ответ.

Я не стала снимать платье – неизвестно, что может случиться в следующий момент – и прямо так, в одежде, стала дальше заходить в воду. Мягкое песчаное дно, теплая вода, последние лучи солнца – не помню, когда я была так спокойна и счастлива, полностью удовлетворена моментом. Рей сидел на берегу, сложив руки на коленях и засучив рукава рубашки, и смотрел на меня.

– Идите сюда, Рей! – я помахала ему рукой, – вода чудесная!

– Я подожду вас здесь.

Ну и ладно, мне настолько хорошо, что всё остальное не важно. Скоро я перестала ощущать покалывания в ранах и царапинах и просто наслаждалась. Нырять опасно в моем состоянии, да и ночь опускалась быстро, поэтому я просто качалась на волнах и смотрела в небо. После того, как солнце скрылось за горизонтом, появились звезды, одна за другой. Сначала я считала их, потом перестала. В голове было пусто, никаких мыслей, только спокойствие, которое навевало мне покачивание моря.

Спустя какое-то время я решила вернуться на берег и отдохнуть как следует перед завтрашним днём. Рей всё так же сидел на песке.

– Теперь вы вся мокрая, хоть и чистая, – он снова улыб-

нулся. Второй раз за последнее время.

– Да какая разница, кроме вас меня никто не видит. И тем более, когда человеку хорошо, ему всё равно как он выглядит, – с этими словами я растянулась на песке и снова подняла глаза к небу. Песок прилип к мокрому платью, но мне было тепло и удивительно спокойно, почти радостно. Рей тоже лег:

– Что вы пытаетесь увидеть? Я наблюдал за вами, вы и в море смотрели на небо.

– Как что? Звезды, конечно.

– Просто звёзды?

– Да. Помните, вы же сами говорили про далекие космические миры? Может быть, где-то там тоже кто-то лежит на берегу моря и смотрит на нас с вами. И не видит. И даже не знает, что мы существуем.

– Рина, там никого нет. Поверьте.

– Не хочу. Мне нравится верить в эту сказку. Мне всю жизнь говорят, что других миров тоже нет, а вы всё равно есть и лежите здесь рядом, настоящий. Ваши властители и ваш мир – не всемогущий. У Вселенной ещё миллионы тайн и загадок и они прекрасны тем, что не разгаданы.

– Всё же не зря я выбрал вас...

– Кто знает. Мне больше интересно, не зря ли я выбрала вас?

Мы полежали ещё молча, каждый думая о своём. А потом Рей поднялся и пошёл искать место для ночлега. Я села,

отряхнулась и ждала. Стоит ли нам возвращаться в мой мир так скоро? Ищут ли нас? Что стало с Линкоком и Францем? Будут ли их судить или оставят в покое?

Вернулся Рей. Он нашёл тихое место за прибрежной скалой, там можно было укрыться и не опасаться, что нас увидят. В эту ночь я спала крепко, без тревожных мыслей. Организм привыкал к перемещениям и восстанавливался гораздо быстрее.

Утром мы не вышли к морю, как я надеялась. Рей сказал, что с рассветом сюда пришли какие-то люди и обыскивали берег. До нас они не добрались и возможно искали кого-то другого, но рисковать не стоит.

– Ещё два-три перемещения и можем попробовать вернуться в ваш мир, – сказал Рей, когда я полностью пришла в себя после сна.

– Вы считаете, что уже можно?

– Мы можем попробовать. Два дня прошло, если бы они искали нас тщательно, то нашли бы. Те люди, которые были здесь на рассвете – вряд ли приходили за нами. Я бы узнал своих.

– Давайте рискнем. Тем более мне давно нужно переодеться во что-то удобное, да и нормально поесть не мешало бы.

– Тогда вперед. К вечеру мы должны быть на месте.

И снова всё кружилось и вертелось, краски смешивались и расплывались. От голода и усталости, я не замечала по-

дробностей перемещений. Всё те же безлюдные места, зелень природы, шум дождя. Да, в одном из миров мы попали под дождь, промокли до нитки и сушились под каким-то огромным деревом. К вечеру, когда непогода успокоилась, и мы высохли, Рей ещё раз внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Вы точно готовы? Мы можем подождать до завтра и попробовать с утра. Ваш вид оставляет желать лучшего, боюсь, что такое количество перемещений уже нанесло вашему организму непоправимый вред.

– Готова. Мы должны сделать это сегодня. Иначе всё было зря.

– Они поймут, Рина.

– Почему вы не зовёте меня настоящим именем? – я давно хотела спросить и подумала, что сейчас самое время. После перемещения всё может измениться в любую сторону, и я не смогу задать этот вопрос.

– Вы не представлялись мне им, – Рей пожал плечами. Мы стояли друг напротив друга и смотрели в глаза. Черные, абсолютно черные глаза Рея не показались мне в этот раз страшными, скорее тоскливыми, они были похожи на ту самую бескрайнюю темноту холодного космического пространства, в которой, с его слов, никого нет. Но я же знала, что это не так. Там – целый далекий мир.

– Рина, – я протянула ему руку с улыбкой, и он улыбнулся в ответ, крепко сжав мою ладонь. Снова краски потускнели,

исчезло огромное дерево, ещё пара секунд и я окажусь дома.

21.

В этот раз снова вернулась боль, в груди что-то горело. Дыхание перехватывало. В глазах было темно, и я не сразу поняла, где мы оказались. Рей терпеливо ждал, пока я приду в себя. Отдышавшись, я встала в полный рост и огляделась. Солнце уже садилось, но было достаточно высоко, чтобы освещать всё вокруг. Мы стояли посреди яблоневого сада, пахло полевыми цветами. Это же сады вокруг того самого городка, в который я приехала чуть больше недели назад! Ошибки быть не может.

– Ну, вот вы и дома... – Рей вдохнул полной грудью, – это самое лучшее место из всех, где я бывал. Эти сады, поле и река. Тихий, уютный мирок. Только мой.

– И мой.

– И ваш, – мы помолчали немного, Рей двинулся вперед, – идём?

Я кивнула, и мы пошли по тропинке сквозь старые корявые деревья, и мне казалось, что я здесь впервые. Всё такое теплое, яркое. Настоящее. Рей шел так быстро, что я еле успевала за ним и он, заметив это, замедлил свой шаг.

– Вам не страшно, Рей?

– Почему мне должно быть страшно? – он подставил мне свою руку, и я взяла его под локоть, потому что идти было тяжело.

– Если нас здесь ждут ваши военные, то это не сулит ничего хорошего. Вас казнят теперь наверняка.

– И вас тоже... Но их не будет здесь, верьте мне, в который раз вам говорю.

– Снова поверить?

– Да. В первый раз вы же не ошиблись?..

Я замолчала. Этот человек действительно не обманул меня. Никто не преследовал нас эти дни, сбежать получилось. Ему можно верить, несмотря ни на что. Во всяком случае, пока. Да и теперь я дома, а дома всегда чувствуешь себя увереннее. Солнце практически село, когда мы вышли из сада и пошли по пояс в высокой полевой траве. Мне казалось, что всё это уже было. И этот вечер, и эта дорога. Только тогда я была одна и совсем другой. Мы уже почти дошли до реки, как я заметила две фигуры, сидящие перед обрывом спиной к нам. Неужели нас нашли? Я остановилась.

– Рина?..

– Рей, вы видите, там сидят двое... Неужели?..

– Давайте просто пойдём и посмотрим. Если что – успеем убежать.

Мы прошли немного вперед и ещё, люди не оборачивались. Когда мы оказались совсем близко, я различила синие мундиры, и у того человека, который сидел справа были густые пшеничные волосы, забранные в хвост, а над другим клубился дымок, как от трубки капитана Линкока.

– Франц! – я сама не ожидала этого крика. Парень обер-

нулся и, увидев меня, улыбнулся широко и радостно. К моему горлу подкатил ком слез, я бросилась ему навстречу и обняла, с такой силой, что он тихонько охнул, и я вспомнила, что он сильно ранен. – Франц... Простите меня! Умоляю! Вы чуть не погибли из-за моей глупости... Но как же я рада, что вы живы.

– Рина, милая Рина... Ну что же вы так убиваетесь. Вы сделали меня самым счастливым человеком – я здесь, вижу то, о чем так давно мечтал. И вы все тоже рядом. И командующий, и капитан.

Я отпустила Франца и подошла к Линкоку, который терпеливо ждал, когда я успокоюсь и протянул мне руку. Я пожала её.

– Вот и заварили вы кашу с этим прыжком. Не думал, что вы решитесь. Вы бы видели глаза членов Совета! Конечно, они поняли, что вы сбежали. Но решили не преследовать вас. Понятно же, что вы не станете возвращаться – это было бы самоубийством. Да и вход для Рея туда теперь закрыт, как и для нас с Францем. Так что это – победа!

– Победа! – воскликнул Франц.

Я оглянулась на Рея. Он стоял и с улыбкой смотрел на своих друзей, держа в одной руке кардиган, довольно потрепанный после стольких путешествий.

– Если бы вы знали, как я рад видеть вас здесь.

– Да неужели?! Он улыбается! По-настоящему, – Франц практически кричал, Линкок тихонько посмеивался в сторо-

не. – Выглядите вы, я вам скажу, отвратно. Зато живые!

– Да, видок у них тот ещё, даже похуже твоего. Хотя в них никто не стрелял копьями. А летели-то как красиво...

– Линкок с наслаждением закрыл глаза. – Все думали, что разобьются. И я тоже. В эффективности вам не откажешь, умеете уходить красиво, командующий. Снимаю шляпу, – и он шуточно отвесил полупоклон Рею.

– Давайте об этом потом. Сейчас весь мир – наш. И я хочу напиться этим моментом досыта, – с этими словами Рей прошёл вперед и сел на траву перед самым обрывом. Рядом с ним опустилась я, Франц и Линкок.

Рей протянул мне свой кардиган, я укуталась в него и смотрела, как солнце бросило последний луч на землю. Закатное небо догорало. А мы – четверо странных людей, соединенных причудливыми переплетениями путей, сидели рядом, плечом к плечу и просто любовались этим миром. Дышали сладким летним воздухом. И да, впервые мы были счастливы, ничего особенного так и не найдя. Нам были доступны сотни миров, но мы выбрали этот. И никто из нас не предпочел бы никакие далекие галактики, белые чистые стены или победу надо всеми людьми на свете этому моменту. Я взяла за руку Франца, сидевшего рядом, а чуть подумав и Рея тоже. Он едва обернулся ко мне и не стал отбирать руки. Франц светился от счастья, а Линкок успевал покуривать трубку. И я поняла – мы дома. Наш дом там, где мы не одни, где мы спокойны, и там, где наше будущее.

Часть вторая. Море.

1.

Мы сидели на берегу довольно долго, пока не стемнело и с воды не потянуло прохладой. Мужчины завели неспешный разговор о том, что делать дальше. Я слушала вполуха, всё же такое количество перемещений за несколько дней – это очень тяжело для неподготовленного организма. Меня начало клонить в сон, я отчаянно боролась с этим чувством, пыталась как-то взбодриться, прислушаться к разговору, ухватить его нить и вставить своё веское слово, ведь я знаю этот мир лучше, чем все остальные. Но никак не могла побороть сонливость, то и дело проваливалась в сон, и моя голова падала вниз, от чего я просыпалась. В какой-то момент я уснула настолько крепко, что даже резкий кивок падающей головы не смог заставить меня открыть глаза. Чья-то заботливая рука положила мою голову кому-то на плечо, а другая сильная рука держала меня за спину. Можно успокоиться и просто поспать. Эти смелые люди позаботятся обо мне, я могу им доверять.

Проснулась я от того, что вокруг всё пришло в движение. Линкок сидел на корточках чуть впереди нас всех, спиной к реке, Франц отошёл в сторону, тоже пригнувшись, и подавал

непонятные сигналы руками капитану. Рей сидел рядом со мной и пытался осторожно уложить на траву, от этого я и очнулась.

– Что случилось? – шепотом спросила я, чувствовалось напряжение.

– Кто-то совершил перемещение недалеко отсюда, скорее всего это за нами. Мы пытаемся понять кто они и сколько их.

– Неужели они решили преследовать нас? Зачем? – меня пробрала дрожь. Мы всё же ошиблись. Конечно, глупо было думать, что нас отпустят просто так. Хотя зачем Совету это нужно, зачем раскрывать суть случившегося перед населением, если можно оставить всё в тайне и просто забыть о нас?

– Сложно сказать зачем. Если они нас обнаружат или поймут, тогда мы и узнаем зачем. А пока наша задача – избежать встречи. Но вокруг темно, а наши военные мастера маскировки.

– Почему вы не разбудили меня раньше? – мне стало очень неудобно в темноте, ведь я даже не знала, чего ожидать от этих военных или кого там послали за нами. А вдруг это вообще люди из какого-нибудь другого мира?

– Вы так крепко спали, что мы не решились. Вам нужно было отдохнуть, мы не знаем, что произойдет через минуту. Силы могут пригодиться.

Я вглядывалась в темноту – Линкок, Франц, поле, вдалеке чернеют яблоневые сады. Никаких признаков того, что

здесь есть ещё кто-то кроме нас. Иногда вскрикивали птицы, и плескалась вода в реке.

– Рей, как вы вообще поняли, что кто-то сюда переместился? Я никого не вижу и не слышу.

– Почувствовал. Если переход совершен где-то рядом, я ощущаю это. Других признаков мы не смогли бы увидеть, так как сидели спиной к полю. Скорее всего, они прячутся в садах, за деревьями, и возможно уже пробираются к нам по траве.

– Давайте просто уйдем отсюда? Разве мы не можем переместиться снова?

– Нет. Всех четверых я не смогу перенести. И нас обязательно заметят, последуют за нами. А перемещаться несколько раз подряд нет никакой возможности. Только кто-то один сможет это сделать. Но я не оставлю всех вас здесь или где-то в другом месте. Либо мы уходим вместе, либо нет.

Я промолчала. Ситуация и, правда, безвыходная. А ведь мы только-только почувствовали спокойствие и счастье. Я думала, что все ужасы закончились. Что не придется больше бояться и убегать, что можно начать новую, другую жизнь. Но прошлое не хочет нас отпускать, несмотря на то, что мы имели смелость выкинуть его за борт. Как же мне не хотелось, чтобы всё снова вернулось. Дикая злость, даже ненависть к этим жестоким людям из Совета накрыла меня с головой. Я вцепилась в плечо Рея и горячо зашептала:

– Надо срочно уходить! Мы не имеем никакого права по-

пасться им в руки! Я не хочу обратно, не хочу умирать или терять кого-то из вас. Вы подарили мне надежду, и что теперь? Вы, Рей, лучший стратег. Сделайте же что-нибудь!

– Тише... – он закрыл мне рот рукой и кивнул головой вперед. Линкок возвращался к нам, следом за ним и Франц повернул к реке. Капитан подавал знаки руками, я смогла разобрать, что в поле десять человек и ещё пять позади, остальные знаки мне были непонятны.

Все собрались рядом и тихо, почти беззвучно, Рей отдавал команды – капитану было приказано прикрывать нас, Франц первым должен спуститься к реке, несмотря на практически вертикальный обрыв, следом за ним – я. Мне хотелось возразить, что это безумие – спуститься там невозможно, если только прыгнуть вниз. Но взглянув на Рея, поняла, что надо просто молча выполнять его приказы. Тем временем Франц уже начал спуск и его голову не было видно из-за края обрыва. Я подползла к берегу и заглянула вниз. Высота небольшая, особенно если сравнивать с небоскребами, так что не страшно. А вот уцепиться не за что, если только за редкие кустики травы. И опять я пожалела о том, что на мне нет кроссовок. В порванном платье и туфлях пробираться здесь совершенно невозможно. Я скинула обувь, уж лучше тогда передвигаться босиком, ещё немного оборвала подол платья, чтобы оно стало короче и не мешалось под ногами, и перевалялась через край. В темноте сложно было искать руками, за что зацепиться, ноги постоянно соскальзывали, и я боялась

упасть вниз. Ну почему это происходит, почему, как только всё вроде бы закончилось так хорошо, нам снова нужно бежать? А если убежать придется всю жизнь? Правильный ли выбор я сделала?.. Снова и снова в голове прокручивались события последних нескольких дней, и я понимала, что мой выбор – самый разумный, самый верный и даже логичный. Мне есть за что бороться – за себя, свою волю и свободу, за этих людей, которые не побоялись, так же, как и я, обрести новую жизнь. Но никто не говорил, что это будет легко.

Наверху послышалась какая-то возня, сдавленный возглас и кто-то спрыгнул. В полете он зацепил меня рукой и я, не удержавшись, сорвалась вниз. Благо берег был песчаный и кое-где покрытый травой, да и я успела спуститься на достаточное расстояние. Но падение всё равно оказалось неприятным. Кроме того, что всё тело и так болело после перемещений и ран, теперь к ним добавилась пара ушибов и царапин. В темноте сложно понять, что происходит. Недалеко на ноги поднимался Франц, кто-то схватил меня и потащил вдоль берега, я обернулась и поняла, что это Рей. Именно он спрыгнул сверху и утащил меня за собой.

– Скорей, они совсем близко. Линкок не сможет долго их сдерживать! – мы побежали налево вдоль берега, следом за нами торопился Франц, держась рукой за грудь. С едва зажившей раной ему было тяжелее всех. Бежать по песку неудобно, ноги то и дело проскальзывали или зарывались в песок. Позади я слышала крики, потом раздался глухой удар.

Я обернулась – это капитан прыгнул с обрыва и упал на песок, но тут же поднялся и побежал за нами.

Линкок!

– Он догонит нас, не отвлекайтесь! – Рей уверенно двигался вперед, будто знал, что там впереди – спасение.

И действительно, спустя несколько минут, когда я уже совсем выбилась из сил и не могла бежать, мы добрались до густых зарослей камыша. Ноги сразу промокли. Болотистая заводь укрыла нас от погони, но мы не останавливались. Пробираясь сквозь высокие стволы камыша, мы шли вперед. Получилось немного отдышаться, но не расслабиться – идти по топкому месту очень тяжело, ноги вязли в иле. Но Рей, крепко держа меня за руку, продолжал продираться дальше. Франц нагнал нас и тяжело дышал рядом.

– Как вы, Франц? – я очень беспокоилась за него.

– Жив и здоров! Вы же видите, – мне даже показалось по его голосу, что он улыбается. Неутомимый мальчишка, угораздило же его связаться с нами.

Мы вышли из зарослей на пологий берег, впереди темнел лес. Туда мы и направились, бежали, чуть пригнувшись, стараясь не шуметь. В лесу было темно и тихо, мы не стали уходить далеко в чащу, чтобы лучше видеть берег и заросли. Франц опустился на землю и прислонился к дереву, шумно дыша и закрыв глаза. Я решила осмотреть его – синий мундир промок от крови – рана явно открылась. Чем можно помочь? Он поймал мою руку и отвел её в сторону.

– Рина, всё нормально. Да, я знаю, что рана открылась, но это пройдет, если я немного отдохну. Надеюсь, что мы оторвались. Командующий?

– Пока не могу сказать точно. Надо подождать немного.

От реки раздался шум, и из зарослей выбрался Линкок, небо понемногу светлело, и все силуэты стали хорошо различимы. Капитан бежал, прихрамывая, и скоро был рядом с нами.

– Надо уходить, они проплутают в камышах, но не долго. Мне удалось подбить парочку преследователей, но это – ничто. Рей, их там человек тридцать, не меньше. Как они решились на такое массовое перемещение?

– Нарушение общеземных законов... – Рей задумался, – у них есть оружие?

– Да.

– Тогда всё ещё хуже, чем я думал. Если они решились на переход с оружием, ещё и такими силами... Значит мы для них важнее, чем законы. И они готовы попасть под мировой трибунал, но вернуть нас.

– В таком случае, у нас нет шансов сбежать, – прошептал Франц.

– Если мы побежим прямо сейчас, то есть сможем затеряться в этом лесу, – Линкок говорил бодро и смело.

– Франц не сможет бежать, – Рей посмотрел на своих товарищей, – оставить здесь мы его не имеем права. Единственный выход – кому-то остаться, чтобы отвлекать воен-

ных, другому – взять Франца и уходить в противоположную сторону так быстро, как это будет возможно, а Рине бежать. Бежать вперед, до города и дальше.

– Нет! – я не могла даже представить себе, что побегу одна по темному лесу, когда за моей спиной будет происходить что-то страшное. – А если они догонят меня? Что я буду делать? Без вас я не смогу.

– Вы должны, Рина. Мы, родившиеся и выросшие в тех законах, примем их спокойно. В общем-то, как нарушители, мы обязаны их принять. Но вы – нет. Вы из другого мира и ничего не нарушали. Вы не преступница и не должны быть наказаны. Поэтому будете спасаться. Если они догонят нас, то, возможно, не станут преследовать вас.

– Рей прав, Рина, – Линкок кивнул и оглянулся, – бегите скорее, пока окончательно не рассвело. Я останусь тут и буду понемногу отходить, а командующий возьмет Франца и попыбует скрыться.

– Да не могу я вас здесь оставить! Вы же не бросили меня, никто из вас! Пожалуйста, – мне было невероятно жаль капитана, я успела проникнуться к нему странным добрым чувством, он напоминал мне отца. Такой же простой и строгий, честный. От него так уютно пахло табаком, а глаза смеялись вместе со всем лицом, когда он шутил.

– Уходите, я вам сказал! Идите все трое! Быстрее, иначе нам всем придет конец.

Франц со стоном поднялся и молча поплелся вглубь леса.

А я всё ещё стояла и смотрела на капитана. Нет, мы не можем оставить его тут и просто уйти, мы не должны так поступать. Никогда, никогда в своей жизни я никого не бросаю. И теперь не брошу.

– Пойдемте, – Рей развернулся. – Рина, надо уходить, скорее.

– Я не оставлю здесь капитана. Вы меня не заставите.

– Хватит упрямяться, сейчас не время. Дайте уже мне возможность искупить свою вину перед вами и спасти вас! – Рей говорил твёрдо, горячо, как никогда прежде. Я обернулась к нему.

– Спасите нас всех, тогда и искупите свою вину.

– Линкок сможет уйти, он опытный военный. А вот Францу кто-то должен помочь. Да и вам тоже! Но вы не ранены и можете бежать, поэтому не заставляйте меня быть виноватым ещё и в том, что вы упрямы!

Капитан улыбнулся мне, крепко сжал мои руки и, легко направился к самой опушке, начав устраиваться поудобнее за деревьями. Рей взял меня за плечи, развернул и подтолкнул вперед. Я никак не могла отделаться от мысли, что мы оставляем Линкока погибать, перед глазами возник убитый Гальер, лежащий в луже крови... Я шагала как робот, автоматически, и потихоньку впадала в паническое состояние. Почему все должны погибать? Как так вышло, что мир Рея принес свою войну сюда, в мой спокойный и уютный мирок. Зачем всё это?

– Мы оставили его погибать. Почему из-за меня снова кто-то должен умереть? – я не могла молчать.

– Перестаньте страдать, Рина. Это жизнь. И она жестока, – Рей поддерживал Франца, чтобы тому было легче шагать, и мы могли идти быстрее.

– Может быть, вам и всё равно, что капитана могут убить. Вы ведь каждый день своей жизни посылали сотни, если не тысячи солдат на верную смерть. Для вас жизнь – это ничто. И люди тоже! А я так не могу. Я чувствую свою вину, мне страшно. Мне жаль их. Почему нельзя не воевать? Почему нельзя не убивать? – руки у меня тряслись, дыхание постоянно сбивалось. Я без конца оборачивалась, надеясь увидеть хоть что-нибудь.

– Рина, пожалуйста, мне очень нужна ваша помощь, – Рей остановился и посмотрел на меня, – нам надо уйти как можно дальше. Францу совсем худо, если ещё и вы расклеитесь, то мы точно пропадем. Я же видел, какая вы решительная и смелая, отбросьте всё и просто идите вперед, а ещё лучше – бегите.

– Нет. Я буду помогать вам. Из-за меня этот чудесный мальчишка пострадал, и я не могу его бросить на вас, – я подошла к Францу с другой стороны, и мы с Реем, взяв его под обе руки, повели вперёд.

Не знаю, долго ли мы шли или нет, но мне казалось, что прошёл час, не больше. Когда ветви деревьев над нами сходились не так сильно, я видела, что небо бледно-голубое,

рассветное, да в лесу мы уже хорошо всё могли рассмотреть. Ночь не желала нам помогать, и скоро снимет своё покрывало, а мы ещё не настолько далеко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Неожиданно издалека до нас донеслось эхо выстрела. Потом ещё одного и ещё. Стреляли на опушке. Всё, капитан Линкок был побежден, это точно.

– Больше времени нет, капитан сделал всё, что мог, – Рей усадил Франца под дерево, он был практически без сознания, бледный.

– Что нам теперь делать? – я никак не могла унять дрожь. Страшно, ужасно страшно. Даже когда мы летели вниз из окна небоскреба, я не испытывала такого ужаса.

– Я останусь тут с Францем и попробую что-нибудь сделать, а вы бегите. Одной вам будет проще затеряться в лесу, может быть, получится найти какое-то укрытие и переждать там.

– Нет. Я не могу. Мне страшно, Рей. Я не могу бежать одна, – ноги стали ватными, и я опустилась на колени. Под ногами была редкая зеленая трава, сухие листья. Я смотрела на свои израненные руки, грязный подол платья и чувствовала, что всё было зря.

– Рина, посмотрите на меня, – Рей опустил голову передо мной, взял мою голову в свои руки и поднял её. Я снова увидела этот холодный черный взгляд, пугающий, как бездна. – Если вы думаете, что мы с друзьями делали всё это для себя, то вы ошибаетесь. Всё это из-за вас, Рина. Для вас. Вы первопри-

чина всего, что мы совершили. Если бы вы не показали нам, что такое настоящий человек, мы никогда бы не решились идти до конца. Я видел вас в обычной жизни, вы – чудесная, добрая, а теперь ещё и смелая, решительная. Именно для таких, как вы и создан этот мир – вы способны познать его почти полностью, бесстрашно, с любовью. Вы должны жить. А нам уже всё равно, правда, – я слушала его и не могла поверить, что эти слова говорит именно этот человек. Откуда в нём всё это. Я взялась за его руки и никак не могла найти в себе силы встать и уйти. Я не хотела бросать ни Рея, ни Франца. Моё сердце разрывалось от боли, от страха, слёзы душили меня. Наконец, я сделала вдох и, не контролируя себя, дико разрыдалась, чуть ли не в голос, все переживания последних дней рвались наружу со страшной силой.

Я ничего не могла сказать и сделать. Рей отпустил мою голову и крепко прижал к себе. А я продолжала рыдать, уткнувшись в его некогда белую, а теперь совершенно грязную рубашку. Надо было остановиться, заставить себя встать и идти, но я не могла представить, что дальше. Куда я пойду, что вообще буду делать. Даже если мне удастся сбежать, то смогу ли я продолжать жить спокойно, не будут ли меня искать? Ведь я обычный человек. Обратиться в полицию? Да кто мне поверит? Скорее запрут в психиатрической клинике и будут всю жизнь лечить непонятно от чего. Но это всё равно не гарантирует мне безопасности. Никак мне не удавалось выйти из этого бессильного состояния. Рей оторвал меня от

себя, поставил на ноги, развернул и подтолкнул в спину:

– Беги! Ну же! Иначе всё действительно было зря!

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Я слышала, как Рей отошел, поднял Франца и двинулся с ним в другую сторону. Сначала медленно, а потом всё быстрее я удалялась от них, не оборачиваясь, глотая слезы и смахивая их на ходу. В лесу стало настолько светло, что мне не приходилось выбирать дорогу. Я старалась думать только о том, что бегу, не вспоминать ни о чем и ни о ком. Мне надо выбраться отсюда, нельзя, чтобы меня догнали. Я поторапливала себя и не могла бежать быстрее, дышать становилось труднее, колело в боку, раны на ногах ныли. Моих сил хватило всего лишь на небольшое расстояние, дальше я замедлила шаг, но продолжала идти. Лес кончился неожиданно – передо мной возникла широкая асфальтированная дорога. Что делать теперь? Из глубины леса снова послышались звуки выстрелов: раз, два, спустя десять секунд ещё два. Моё сердце перестало биться, кажется, я даже не дышала. Нет, не думать, не предполагать. Это просто предупредительные выстрелы. Я перешла на другую сторону дороги, села на обочину и стала ждать – сама не знаю чего.

2.

Мимо меня проехала машина, посигналила, но не остановилась. Я встала и пошла за ней – может быть кто-то ехал в город на работу, если сегодня рабочий день. Тогда и мне надо двигаться в ту же сторону. Босые ноги были сбиты в кровь, тело плохо слушалось, но я брела вдоль дороги. Позади снова раздались сигналы автомобиля, я не останавливалась. Мне посигналили снова, и рядом затормозил маленький грузовичок. Из окна выглянул водитель – мужчина средних лет:

– Девушка! Вас до города, может, подбросить?

– Подбросьте, если не боитесь, – я взглянула на него своими, наверняка, красными, опухшими от слез глазами.

– Да чего вас бояться? Прыгайте! – он открыл дверь, и я забралась в кабину, стыдливо пряча босые ноги под сиденье. Но как же приятно ехать, а не идти.

– Вы откуда в таком виде? Напал на вас кто, может? Так надо сразу в полицию!

– Заблудилась в лесу. Страшно там ночью.

– Ого! Вот бедняга. Опасно одной-то по лесу гулять, дураков хватает всяких. Есть хочешь? У меня вот бутерброды есть, жена на перекус собрала, – он достал пакет и протянул мне. Я взяла один бутерброд и с удовольствием съела: не помню, когда последний раз вообще видела еду.

– Спасибо вам огромное, вы просто спасли меня, – он да-

же не мог представить, насколько я ему благодарна. – А до города далеко?

– Нет, не больше получаса езды. Вас где посадить-то? Я еду через центр, мне надо в булочную заказ доставить, а потом дальше.

– Вот там и оставьте меня, у булочной. Я в гостинице живу. Вы не переживайте, я отблагодарю вас обязательно!

– Да ну, зачем? Людям надо помогать, в сложные времена живём, – он приветливо улыбнулся и включил какую-то радиостанцию. Меня немного укачало, и я задремала. Проснулась, когда машина остановилась.

– Мы уже приехали? Спасибо ещё раз.

Я выбралась из кабины на тротуар, и водитель махнул мне рукой на прощание. Я ответила ему тем же и, обойдя машину, постаралась запомнить номер. Теперь надо попытаться зайти в гостиницу и доказать, что я это я, и получить запасные ключи от номера.

В городе было пустынно в столь ранний час, поэтому я спокойно, не опасаясь косых взглядов и ненужных вопросов, добралась до гостиницы и зашла внутрь. Девушка-администратор встала мне навстречу и с ужасом осматривала. Ну да, вид у меня, наверняка, не самый лучший. Я успела разглядеть в зеркале заднего вида, пока ехала, своё лицо – спутанные остриженные волосы, заплаканные глаза, царапины. Добавить к этому босые израненные ноги, платье с оторванным подолом, грязное, местами в крови, – идеальный бомж.

– Доброе утро. Мой номер на третьем этаже, меня не было неделю, но проживание оплачено вперед. К сожалению, мои документы утеряны, скорее всего. Но я готова подтвердить личность другими способами, – я старалась говорить спокойно и твёрдо.

– Здравствуйте. Мы хотели уже вас разыскивать, если это действительно вы. Завтра заканчивается срок аренды. Как вы можете подтвердить свою личность?

– Не знаю. Если только... В номере есть медицинская страховка на моё имя, банковские карты и личные вещи. Если хотите, я назову всё, что там есть.

– К сожалению, я не могу войти в номер и просматривать ваши личные вещи.

– Да говорю же! Это мои вещи, и я вам разрешаю это сделать. Ну, давайте пойдём вместе, – я начинала злиться. Почему же всё так!

– Я вас прекрасно понимаю, но не могу так рисковать. Простите.

– Нет. Вы не понимаете! Я неделю находилась неизвестно где, и бежала ночью по лесу, у меня изранены ноги и руки, я не ела несколько дней! Я просто хочу вернуться в свой оплаченный номер, принять душ, выспаться и уехать отсюда! – я перешла практически на крик, – в лесу, рядом с городом, орудует банда диких бандитов, и я еле сбежала от них. Они придут сюда и тогда... Дайте мне просто отдохнуть и уйти!

Девушка испуганно посмотрела на меня, потом на дверь,

и снова на меня. Возможно, она подумала, что я ненормальная, но взяла запасной ключ, и мы поднялись на третий этаж.

– Моя дверь третья. Открывайте.

Девушка послушно отперла дверь ключом, и мы зашли в номер. Там всё было так же, как в тот день, когда я уехала на прогулку. Перечислив все свои вещи, назвав номера карт, я убедила девушку в том, что действительно владею этим номером. Она пообещала заполнить необходимые документы без паспорта и оставила меня одну. Я заперла дверь, подставила к ней стул и прошла в ванную. В зеркале я внимательно рассмотрела исхудавшее своё лицо, красные глаза, белые губы. Испуганный взгляд, как у загнанного зверька. Никогда его не забуду.

Я сняла платье, оно теперь годилось только в половые тряпки, и бросила его в корзину с мусором. Включила воду и забралась под душ. Горячее и горячее делала я воду, а меня всё продолжало трясти, то ли от холода, то ли от страха, то ли от рыданий. Что теперь со мной будет? Можно ли без страха выходить на улицу? А вдруг сейчас кто-нибудь ворвется в гостиничный номер? Что стало с капитаном, Реем и раненым Францем? Перед глазами снова всплывало видение убитого Гальера и меня начинало тошнить, выворачивать наизнанку. Я пыталась успокоиться, дышала глубоко и ровно, и спустя какое-то время мне удалось взять себя в руки. Я вымылась, переделалась в свою привычную одежду – джинсы и футболку – и легла на кровать.

Может быть, обратиться в полицию и отправиться в лес на поиски?.. Нет, это бред. Как я объясню кто все эти люди? Пойти туда одной?.. Тоже нет. Сначала мне надо отдохнуть, вот так сразу в довольно большом городе меня не смогут найти. Значит, есть время всё обдумать, но позже. Когда голова прояснится. Я закрыла глаза и моментально уснула.

Кто-то стучал в дверь, а я никак не могла очнуться. В окно ярко светило солнце, часы на стене показывали полдень. Я села в кровати и прислушалась – за дверью была девушка-администратор.

– Вы здесь? – она постучала снова.

– Да! Что вы хотите? – крикнула я ей в ответ, не вставая с постели.

– Напоминаю, что вы должны вывезти вещи и сдать ключи от номера до вечера.

– Хорошо! Спасибо!

Значит, пора собираться. Я уложила вещи в чемодан, самое необходимое поместила в рюкзак. Ещё раз оглядела номер и вышла, заперев дверь. На стойке администратора сдала ключи, оставила чаевые и вышла на улицу. Так непривычно снова видеть мир в цвете, всё двигалось и шумело – деревья, люди, машины. Вот здесь точно понимаешь, что ты живой человек. Мне вспомнился тот самый вечер, когда Рей с Линкоком принесли мне платья, и мы пили чай, вино и ели сладости, почти совсем как друзья, как обычные люди. Сердце

ёкнуло. Нет, не думать о них. Я прошла несколько домов и остановилась рядом с булочной, зашла внутрь и попросила передать небольшой конверт водителю, который утром привозил им заказ. Этому мужчине надо отблагодарить. Деньги мне не так уж и нужны, а если учесть, что я не могу знать, что со мной произойдет в следующую минуту, – то самое разумное оставить их тому, кому они смогут принести пользу. После булочной я добралась до почты и отправила чемодан с вещами к себе домой, в родной город. Девушка-почтальон очень странно смотрела на меня – кто же отправляет чемоданы? Но мне было всё равно. В голове уже сложился план, и ничто не должно мне помешать.

На улице всё ещё стояла жара, хоть полдень и миновал. Я зашла в первое попавшееся кафе и поела, после забежала в магазин, купила еды и воды с собой в дорогу. Сегодняшнюю ночь я собиралась провести на вокзале, а завтра утром сходить к реке, пройти тем же путем, что и мы с Реем и Францем этой ночью. Вдруг найдутся какие-то следы, и я пойму, что случилось. Глупо, конечно, надо, наверное, сразу садиться в автобус и уезжать, но я не могла заставить себя это сделать. Побродив по городу какое-то время, я села на лавочку в сквере, чтобы отдохнуть. Ноги ужасно болели, да и общее состояние было крайне подавленным. Одна часть меня хотела бежать, а другая хотела остаться и всё выяснить. Кто мне эти люди? Я знаю их неделю, почему же готова пожертвовать своей жизнью только ради того, чтобы узнать хоть что-то о

том, что произошло с ними? Почему не могу просто выкинуть их из головы и затеряться среди миллиардов людей на этой планете?

3.

Пока я размышляла и боролась с собой, рядом со мной на скамейку присел старик. Я не обращала на него никакого внимания, пока он не заговорил.

– Вот мы и встретились снова. Почему же вы не уехали?

Я обернулась на звук его голоса – обычный старик, в старом потертом пиджаке и серых брюках, несмотря на жару. Серые волосы выбиваются из-под шляпы, лица в её тени не видно. И только когда он посмотрел на меня, я поняла, кто это. Черные глаза. Да. Это точно был он – Судья.

– Вы собираетесь похитить меня среди бела дня?

– Ну почему же? Мы очень надеемся, что вы пойдете с нами по своей воле.

– Я никуда не пойду. Вы прекрасно это знаете. А если попробуете утащить меня силой, то я буду кричать и сопротивляться.

– Не смешите меня. Перемещение совершается за доли секунды, никто не успеет даже понять, что с вами что-то произошло.

– Так почему же вы медлите?

– Интересно наблюдать за вами, за тем, как вы держитесь за слова и надежды, которые внушил вам Рей. Конечно, мы могли бы оставить вас в покое. На самом деле – для нас вы не представляете никакой ценности. Но чтобы развязать язык

Рею и всей компании, нам необходима приманка. Что-нибудь или кто-нибудь, кто очень важен для них. А этим кем-нибудь, увы, являетесь именно вы, Рина. Или как там вас зовут на самом деле.

– Вы преувеличиваете мое значение, – после его слов мне стало страшно и радостно одновременно. С одной стороны, Судья подтвердил, что все живы, а с другой – что положение хуже некуда. И главное, мне непонятна суть происходящего.

– Отнюдь. Вы – важная часть их плана, их истории. Если вы будете в наших руках, то они станут, как послушные марионетки, плясать под нашу дудку.

– Зачем вам это нужно? Насколько мне известно, ваш город один из самых сильных.

– На любую силу всегда найдется другая сила, более мощная. А поскольку мы не готовы сдаваться, то нужно искать другие пути, ведущие к победе. Если бы не это обстоятельство, то мы бы и не стали за вами бегать.

– То есть вы хотите прикрыться Реем и его товарищами? Вам не кажется, что это как-то подло?

– А вы не думаете, что подло предавать своё государство? Которое воспитало и вырастило тебя, которое дало тебе всё! Включая такие привилегии, которые никогда не смогут получить обычные солдаты? Вы скорее всего не знаете, но я вам расскажу, – он сел чуть ближе, и я напряглась, – капитан Линкок ещё в молодости был пойман на отношениях с женщиной, что само по себе отвратительно. Но самое ужасное

– он утверждал, что в этом нет ничего предосудительного: она красивая и по дому работу выполняет не хуже служанки. Конечно. Сначала они болтают по вечерам, спят в одной постели, а потом захотят иметь детей, он привяжется к ней и будет бояться погибнуть на поле боя. Ладно, капитан, один из сотен тысяч, но за ним потянутся другие. Сначала ради интереса, а затем и потому, что им понравится. Что мы получим в итоге? Неустойчивое общество. Миллионы проблем. А враги тем временем не дремлют. Тогда, много лет назад, в эту историю вмешался Рей, уговорил капитана оставить эту женщину, – а на самом деле просто убил её и взял Линкока под своё командование, ручался за него. И мы уступили. Совершенно зря, нашёлся бы ещё более лучший подрывник, чем капитан. Даже если нет – не страшно. А командующий Рей? Вы что-нибудь знаете о нем?

– Он ваш сын? – я сама испугалась своих слов. Это ведь была мимолетная догадка, даже скорее предположение. Просто у них одинаковые глаза и профили очень похожи. Старик вздрогнул и посмотрел на меня настолько злым взглядом, что я готова была провалиться сквозь землю.

– Вы либо пойдете с нами по своей воле, либо нет. Предлагаю решить этот вопрос по-хорошему.

– Зачем мне идти с вами? Какая мне разница, что происходит в вашем мире? Рей и его команда – ваши проблемы, не мои. Кто знает, что вы собираетесь сделать со мной. Извините, но мне дорога моя жизнь, – я решила сыграть на без-

различии. Откуда ему знать, как я отношусь к этим людям. Логично полагать, что я ненавижу их или злюсь.

– Если бы вам они все были безразличны, то вас бы сейчас не было здесь. Вы глупы, как и большинство людей. Цепляетесь за эмоции, чувства, жалеете Франца, добры к Линкоку, – он протянул мне свою морщинистую руку.

– Я не пойду с вами. Оставьте меня в покое, – к моей шее сзади прислонилось что-то холодное, я замерла в страхе.

– Это не смертельное оружие, не переживайте. Нам нет смысла вас убивать. Но мы можем обездвижить вас, чтобы вы не сопротивлялись.

– Вы не посмеете!

– Ну отчего же? – старик ухмыльнулся и кивнул кому-то, кто стоял за моей спиной. Я ощутила легкое покалывание в шее, которое расплзлось по всему телу, и в следующие несколько секунд потеряла способность к движению, даже не могла глотать и дышать. Холодный предмет убрали от моей шеи, и способность к движению вернулась, я еле отдышалась. Что это за оружие? – Теперь вы понимаете, с кем имеете дело?

Я не нашлась, что ответить, и просто кивнула. Бежать не было смысла. Я попалась, ужасно глупо попалась. Старик сел ещё ближе, схватил меня за руку, а к дальнейшему я уже была готова. Краски города снова померкли, всё закружилось. Я закрыла глаза и провалилась в тот самый белый мир. Всё тот же звон в ушах, боль как от сотен игл по всему телу.

Когда под собой я ощутила холодный каменный пол, то даже не пыталась скорее открыть глаза и подняться. Мне было горько и обидно от своего промаха, страшно за себя и за всех остальных. Пожалуй, мы связались с крайне опасными людьми. Да, где-то в глубине души я жалела, что не уехала сразу из того маленького городка. Я сжала руки в кулаки и стукнула ими по полу. Откуда-то из-за моей спины раздался смех, трескучий и надрывный. Поднявшись, я увидела, что нахожусь посреди полутемной белой комнаты, а за мной стоит судья и смеется. Упивается моей беспомощностью.

– Добро пожаловать обратно! И теперь можете не надеяться на гостеприимство.

– За что вы так со мной? Я не виновата ни в чем, – мне с трудом удалось подняться на ноги и выпрямиться. Снова эта боль, я уже даже начала привыкать к тому, что у меня постоянно что-то болит.

– Вы просто связались не с теми людьми. Но, учитывая, что выбора у вас не было, то считайте, что вы просто случайная жертва, – старик пожал плечами без тени сожаления на лице.

В дверь вошли двое военных в черной форме, подошли ко мне и связали руки за спиной, больно перетянув запястья.

– Какие-то у вас средневековые методы, – я даже усмехнулась. И откуда во мне столько смелости, столько резкости – этот мир удивительным образом изменил меня.

– Не знаю, о чем вы говорите. Но если вы думаете, что мы

не умеем пытаться пленников или добиваться своего силой, то очень сильно ошибаетесь. И да, веревки мне нравятся больше, чем всё остальное.

Я не стала ничего отвечать этому ненормальному старику. Они что, действительно собираются меня пытаться? Эта мысль никак не укладывалась в голове. О пытках я читала в книгах, смотрела в фильмах, да иногда проскакивали какие-то новости – но это всё не про мою жизнь. Нет. Старик прошёл вперед, и солдаты повели меня следом за ним. Мы шли по длинному сырому коридору, похожему на тот, который пролегал под главной башней, со сводчатым потолком. Но этот коридор гораздо уже и более тёмный, совсем как настоящее подземелье. Да уж, антураж, похоже, соответствует стилю жизни. Я не испытывала страха, скорее недоумение, удивление, – всё что угодно, но не страх. Не могут быть эти люди такими дикарями, чтобы использовать пытки и изощренные допросы. Да и зачем?

Пол заметно уходил под уклон, значит, мы спускались всё ниже и ниже. Скоро перед нами показалась огромная дверь, тяжелая, кованая. Рядом с ней стояли двое солдат в такой же черной форме, как и те, что вели меня. Судья кивнул, и один из них открыл дверь. За ней оказалось небольшое помещение, предбанник, и заканчивался он решеткой, которую с другой стороны охраняла так же пара военных. Тюрьма. Конечно же, куда ещё они могли меня вести? Мы прошли вперед, по обе стороны от прохода располагались камеры, за

решетками не было видно людей. Камеры были разными – одни большими, другие маленькими. Я смотрела по сторонам и ждала, когда мы остановимся. Но мы всё шли и шли.

– Рина! – я услышала голос Линкока, он доносился из камеры чуть впереди по правую руку от меня. Сквозь решетку, плотно прислонившись к ней, на меня смотрел капитан. Это действительно был он. Когда мы поравнялись с его камерой, я успела увидеть, что у него забинтована рука и нога, здоровой рукой он опирался на костыль. В углу камеры стояла кровать, и на ней лежал бледный Франц.

– Капитан! – шепотом воскликнула я. Но где же Рей?.. Линкок поняв мой немой вопрос, едва заметно кивнул вперед, на противоположную камеру.

Я повернула голову и успела заметить силуэт Рея. Он не подошёл к решетке, стоял в тени. Живы. Все они живы. Теперь мне будет легче, моя совесть перестанет мучить меня за то, что я бросила их в беде. Хотя и спаситель из меня никакой. Меня саму снова нужно спасти, если это вообще возможно.

4.

Мы дошли до конца помещения, и вышли через противоположную дверь в очередной коридор.

– Разве вы вели меня не в тюрьму?

– Нет. Мы не можем допустить, чтобы вы успели поговорить с Реем и компанией раньше, чем с нами. Да и им надо показать нашу добычу. Теперь руки у них связаны, почти как у вас, – судья улыбнулся отвратительной улыбкой, от которой мне захотелось плюнуть ему в лицо.

Коридор кончился раньше, чем предыдущий, мы снова прошли сквозь тяжелые двери и оказались в полукруглом помещении абсолютно белого цвета. Меня провели в первую дверь слева. За ней оказалась комната без окон, всё в ней было белым – стены, пол, потолок, кровать, стол и стул. Ярko горели лампы, усиливая белый цвет. Я зажмурилась – опять этот ненавистный цвет, сколько же можно.

– Это ваша комната, дорогая гостья. Переоденьтесь, – старик указал на кровать – там лежала совершенно белая одежда, какой-то балахон с длинными рукавами.

– Может быть, вы выйдете хотя бы?

– Чтобы вы сделали что-нибудь? Спрятали одежду, например, или то, что может быть в ней? Развяжите ей руки! – солдаты развязали веревки и встали к двери, преграждая мне путь. Старик пристально смотрел на меня, не давая возмож-

ности переодеться спокойно. Как же это противно – снимать одежду под насмешливым взглядом гадкого старика. Я быстро переделалась, стараясь не оголять своё тело полностью, чувство брезгливости не покидало меня ни на секунду, казалось, что я раздеваюсь перед половиной города.

– Довольны? – белый балахон был длиной до пят и почти полностью скрывал даже ладони.

– Вполне, – он забрал мои вещи, – до скорой встречи. Отдыхайте.

С этими словами Судья и солдаты вышли, а я осталась одна. Похоже, что эта комната – карцер. Ну что же, здесь хотя бы не сыро и вполне сносная кровать. Я легла, надеясь отдохнуть, но заснуть мешал белый свет. Я пыталась прикрыть глаза ладонями, локтем, потом укрылась одеялом с головой, но это мало помогало. Через какое-то время мне удалось задремать. Пока я спала, мне принесли еду – и она тоже была белой! Молоко в белом стакане, белый рис на белой тарелке. Они что, издеваются? Кое-как проглотив обед (если только это был именно он), я стала ходить по комнате. Белый цвет раздражал, балахон мешал двигаться. Я не знала, куда себя деть, и снова забралась под одеяло. Надо придумать что-то, какую-то стратегию спасения. Но я не могла даже предположить, о чем члены Совета хотят со мной поговорить. Что они уже знают и что рассказали им капитан, Рей и Франц? Какую цель преследуют правители?

Долго думать не получалось, я всё время открывала глаза

и снова видела белый цвет вокруг. Глаза начинали болеть от света, но его не выключали. Стоит дожидаться ночи, и тогда соображать. Но и ночь никак не наступала. Бесконечный белый день. Я сидела на стуле, лежала на кровати, ходила, стояла, снова лежала, только на полу, и опять стояла, упершись лбом в стену. Но время шло и шло, а свет никак не гас. И тут я поняла – они не будут выключать свет, они будут сводить меня с ума белым цветом. Это же так логично! Дверь открылась, и внутрь зашли Судья вместе с блондином с золотым поясом – ещё одним членом Совета.

– Доброй ночи, Рина.

– И вам, – я не собиралась разговаривать с ними, поэтому всем своим видом старалась показать безразличие.

– Давайте обсудим ваше положение? – блондин говорил тихо, видимо справился со своими эмоциями и злостью и решил играть в хорошего парня, – вы полностью в нашей власти и ваши друзья тоже. От вас требуется только одно – убедить Рея в том, что он должен выполнить наши условия, и более ничего. В таком случае, мы сможем отпустить вас навсегда.

– Почему бы вам не убедить его самостоятельно?

– Вы же прекрасно понимаете, что он не станет нас слушать. Он пошёл против нас.

– Рей сделал это ради себя, ему плевать на ваши проблемы.

– Он не самостоятельная единица, поэтому связан долгом

службы с Советом и не имеет никакого права делать что-то для себя. Из-за вашего поступка на поле боя, а потом и исчезновения, весь мир обратился к нам с вопросами, на которые мы не можем дать ответы. На нас направлены сотни глаз и дул орудий. Если Рей не объяснит лично сложившуюся ситуацию перед всеми Советами, то наш город погибнет. Кроме того, военные отказываются воевать без командующего. Такое происходит впервые.

– Это ваше нытье оставьте для кого-нибудь другого. Мне вообще всё равно, что у вас тут происходит. Ясно вам? – как же мне были противны эти люди. Они боятся за свою шкуру и даже не могут объяснить военным, что происходит. Боятся запачкаться.

– То есть, вы попали к нам случайно, потом нарушили ход привычных событий – тоже случайно? Утащили за собой в другой мир командующего и его помощников и говорите, что вам всё равно?

– Я никого никуда не утаскивала. Это было их решение, – я никак не понимала, к чему он клонит.

– Мы не можем вам поверить. Я знаю, насколько женщины не из нашего мира могут быть коварными, – он так посмотрел на меня, что сразу стало понятно – что бы я им не говорила, они мне не поверят, как и в прошлый раз. У них вообще нет цели узнать правду. Они следуют своему плану и хотят, чтобы я делала и говорила только то, что требуется.

– Я не буду убеждать Рея ни в чем. У меня нет никакого

влияния на него.

– Будете, Рина. Будете, – блондин встал и вышел. Следом за ним молча ушел и Судья.

Я снова осталась одна. Будущее начинало меня страшить. Дверь открылась, зашли военные и вынесли стол и стул, за ними показались ещё двое – они забрали кровать. Комната теперь была совершенно пуста. Я легла на пол ничком, чтобы как можно меньше света попадало в глаза, и попыталась уснуть. Раз они решили взять меня измором, надо попытаться поспать, сделать хоть что-то полезное.

Еду перестали приносить, только воду периодически оставляли около двери. Свет так и не выключали, я сидела, забившись в угол и считала – доходила до тысячи, сбивалась и начинала заново. Сколько времени прошло – не знала. Периодически во мне просыпалась слепая ярость, и я начинала бить стены, сбивала руки в кровь, и тогда ко мне заходили военные и женщина в белом. Солдаты скручивали руки за спиной, женщина обрабатывала и бинтовала раны, убирала следы крови, и всё повторялось сначала. Я чувствовала, что начинаю сходить с ума. Мне хотелось кричать, крушить всё вокруг. Всё белое. Всё. Никуда нельзя деться от этого белого цвета. Я готова была рвать на себе волосы от отчаяния.

– Выключите свет! – кричала я во всё горло. – Я хочу спать! Уберите этот свет!

Стучала в дверь, пинала её ногами, – всё бесполезно. Воду перестали приносить после того, как пятый раз обработа-

ли мне руки. Сколько я уже здесь? Сутки, двое – счёт дням потерян.

– Дайте воды! И свет, выключите свет, – шептала я, сил кричать больше не было. Ужасно хотелось спать, но я не могла уснуть из-за белого света.

Дальше память мне стала отказывать. Вот я опять бью стену руками, но никто не приходит, а я продолжаю бить – руки все в крови, я что-то пишу этой кровью на стенах и снова бью, теперь уже дверь, ногами тоже. Ударяю настолько сильно, что мне кажется, будто кисть сломана, падаю без чувств. Открываю глаза – потолок светится белым, от жажды высохли губы, руки горят огнем, левая распухла. Пытаюсь осмотреть руку, глаза слезятся от света, их жжет. Рука не шевелится, от злости встаю и снова бреду к двери, стучу здоровой рукой, сил не хватает, сползаю по двери и задеваю за неё раненой рукой. От боли снова теряю сознание. Прихожу в себя, но не открываю глаза – какая разница, вокруг всё равно белый свет, хоть закрой глаза, хоть открой. Меня тошнит от голода, желудок сводит, я не чувствую рук, даже слез уже нет, и я плачу беззвучно, сухо. «Кто-нибудь, пожалуйста...» – шепчу я себе в голове, прошу неизвестно кого помочь мне и не верю, что спасение придёт. Опять проваливаюсь в забытьё. И это повторяется бесконечно. Где-то в голове нащупываю мысль о том, что не могу так больше, что готова умереть, только бы эти мучения закончились. Невыносимое бессилие, отчаянное желание и одновременно невозможность прекра-

тить страдания. Мне кажется, что я забываю себя. Иногда в сознании проскальзывает вопрос «почему?», но мне непонятен даже его смысл.

Снова прихожу в себя – рядом стоят люди, рука перевязана, свет не такой яркий, и лежу я на чем-то довольно мягком, в руке чувствую иглу, поднимаю глаза наверх – капельница. Меня спасли!

– Сколько вы держали её там? – женский голос.

– Чуть больше трёх дней... Почти четыре, – тихо отвечает мужчина, тембр приятный, но чуть глухой.

– Быстро же она сдалась.

– После стольких перемещений без подготовки странно, что она вообще выдержала. Судья давал ей сутки, не больше.

– Ну, ничего. На ноги мы её поставим быстро.

– Только не переусердствуйте. Она нам нужна для затравки, – теперь я узнала голос блондина. Точно.

– Обижаете, уж я-то знаю, что нужно делать, – и этот голос вдруг показался знакомым, но я никак не могла вспомнить, где слышала его, и снова забылась.

Когда я очнулась в следующий раз, то чувствовала себя гораздо лучше. Всё тело продолжало болеть, но голод отступил, да и резкого света вокруг не наблюдалось. Я села в кровати и осмотрелась – белая комната без окон, тусклое освещение. Обстановка всё та же, что и в прошлый раз, когда Судья только перенес меня сюда. Дверь открылась, и в комнату зашла та самая старушка-служанка, которую я видела в

доме у Рея. Как?

– Одевайтесь, вам пора, – с этими словами она бросила мне на кровать одежду – очередной белый балахон. И я узнала голос. Это она разговаривала с блондином.

– Что вы здесь делаете?

– Привожу вас в порядок, – голос её был холоден, и в нём я четко услышала нотки презрения, – одевайтесь быстро, у вас не больше минуты.

Я решила не спорить, всё равно сейчас мне не удастся ничего сделать. После мучений, пережитых в белой комнате, я боялась этих людей. Руки плохо слушались меня, одна из них была забинтована – на неё наложили шину, всё же мне не показалось, что я повредила её. Кое-как накинув балахон, я встала с постели. Еле держась на ногах, подошла к двери – за ней меня уже ждали трое солдат в черном.

5.

Меня снова вели по коридорам. Чтобы не видеть белых стен, я не поднимала головы и старалась идти как можно спокойнее, каждое движение отдавалось болью. Мне даже неважно было, куда меня ведут, главное, чтобы снова не в белую комнату, только не этот цвет. Хотелось лечь и не вставать, от слабости дрожали руки, всё тело покрывалось ледяным потом. Я услышала, как распахнулись тяжелые железные двери, потом ещё одни – похоже на решетку. И только теперь я подняла глаза – меня вели в тюрьму. Всё те же пустые камеры, и только в двух, я знала, были люди. Мы подошли к одной из камер, солдаты открыли дверь и втолкнули меня внутрь. Тут же кто-то подхватил мое обессиленное тело и проводил до кровати, молча. Я не могла решиться посмотреть на этого человека.

– Рина... Что они сделали с вами? – капитан Линкок. Как же я рада была слышать его голос, но так и не могла ничего сказать в ответ, – бедняга. Что с вашей рукой?

– Капитан, – прошептала я и едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. Медленно подняла на него глаза и встретила ужас во встречном взгляде.

– Ни слова больше, я всё понял. Ложитесь, вам нужно прийти в себя. У меня осталось немного еды и воды, сейчас!

– Не надо. Я просто хочу, чтобы вокруг не было белого.

И всё.

Капитан помог мне улечься в постель, укрыл одеялом и сел на край кровати. Потом встал и начал тревожно ходить туда-сюда.

– Капитан, что случилось с Риной? Что они сделали с ней? – слабый голос Франца из соседнего угла.

– Рей! – капитан неожиданно громко ударил в решетку и почти закричал, – посмотри, что с Риной! Это белый карцер! Бедная девочка, как она пережила всё это?

– Да за что?! – воскликнул Франц, Рей не отвечал. – Она же ни в чем не виновата.

– Командующий! Ваше молчание ничего не решит! Они чуть не убили Рину! – капитан продолжал бушевать. – Мы должны что-то сделать, если сидеть здесь сложа руки, то Совет замучает кого-нибудь из нас до смерти! А начнут именно с Рины.

– Они провоцируют меня, – спокойный тихий голос из другой камеры, – если я покажу свою слабость, то никому не спастись точно.

– Да прекратите! Какая слабость! Защитить нашу Рину это не слабость! Да что я говорю, вы же не видите её. По одним глазам понятно, каково ей пришлось. А она страдала за нас с вами! За сильных и смелых мужчин! У нее, похоже, сломана рука, она вся исхудала. Да и кто знает, что ещё...

– Капитан прав, мы должны что-то сделать, – опять Франц.

– Успокойтесь. Мы ничего не можем предпринять, пока находимся здесь. Если вы думаете, что я не представляю себе, что происходит в белом карцере, то ошибаетесь. Я сам лично отправил туда не один десяток людей. Но если мы будем убиваться мыслями о том, что случилось, то точно не найдем выход.

– Пожалуйста, не кричите... – я не хотела слушать все эти бессмысленные разговоры. Я закрывала глаза и перед глазами вставляли белые стены. Больше всего на свете мне нужно сейчас уснуть и не видеть никаких снов.

– Простите, Рина, – капитан снова вернулся к постели, – вам нужен покой. Отдыхайте. Все замолчали, я не слышала никакого движения и в скором времени уснула. По крайней мере, на какое-то время я в безопасности. Мне снились события прошедших дней, всё смешалось в моей голове – побег сквозь лес, смерть Гальера, умирающий Франц, черные глаза Рея, выстрелы, хромающий Линкок, всё время повторяющий «бедная девочка». Я просыпалась и проваливалась в сон вновь и вновь, пока меня не разбудил капитан. Принесли еду, обед. Я проспала почти сутки.

Мы едва успели доесть, как открылась дверь в конце коридора, и внутрь зашли Судья и женщина в белом платье с розовым поясом. Опять они что-то хотят от нас, от меня. Я сжалась и села на кровати как можно дальше, Линкок прикрыл меня, встав напротив.

– Ну что же, пришло время поговорить снова, – Судья

взял из открытой камеры стул и сел посреди коридора так, чтобы всем было его видно. Женщина заняла место у него за спиной.

– Мы пришли к вам с предложением, – её голос был звонким, как у молодой девочки, хоть по внешности ей нельзя было дать меньше пятидесяти.

– Совершенно верно. Командующий Рей, – старик обернулся к нему, но Рей сидел спиной к решетке, – мы вернули вам вашу подружку, живой. Считайте это нашим уступком. Мы никого больше не тронем, если вы согласитесь выйти к солдатам и сказать им то, что нужно.

– Нужно кому? Вам? – Рей всё так же не оборачивался и говорил спокойно. Франц сел в кровати и слушал, Линкок стоял, опершись на костыль и тоже напрягся, а я даже не шевелилась.

– В первую очередь вам. Если вы хотите сохранить жизни тем троим, в соседней камере.

– У меня нет никаких гарантий, что с ними ничего не случится.

– Рей! Не соглашайся ни на что! Они же просто используют тебя, чтобы прикрыть свои промахи! – Франц набрался сил и крикнул, но никто не отреагировал на его слова.

– Ваши гарантии в соседней камере, они все живы и практически здоровы, – старик усмехнулся.

– Ну да. Простреленные ноги и руки у капитана, отсутствие лечения у Франца. И белый карцер. Я не верю вам.

– А мы не верим вам, Рей, – снова в разговор вступила женщина. – Вы хитрый и продуманный солдат. И мы понимаем, что вы не станете с нами сотрудничать, даже если мы сохраним этим людям жизнь или убьем их. Поэтому нам проще избавиться от лишнего груза и поработать только с вами. Думаю, что солдаты скорее поверят, что вы убили своих товарищей и сбежали. Да и мировое сообщество устроит такая история.

– Так почему вы до сих пор не сделали этого? – голос Рея ничего не выражал, я испугалась. Он что, правда, готов принести всех нас в жертву? Ради чего?

– Мы надеялись на ваш разум, но раз так... – Судья встал и направился к выходу, потом оглянулся и добавил, обращаясь к женщине, – дальше твоя работа.

Судья вышел, и впустил троих солдат в черном. Женщина опустилась на стул и приказала:

– Давайте её сюда!

Я вздрогнула. Опять меня будут мучать. Что они собираются делать? Дверь камеры открылась, и двое солдат вошли внутрь. Линкок бросился к ним:

– Не позволю! С неё хватит!

Солдат отшвырнул его в сторону, капитан пытался подняться, но второй мужчина пнул его в прострелянную ногу, и Линкок скорчился от боли. Франц попытался подняться в кровати, но не решился – в его сторону двинулся солдат от капитана. Я сидела на кровати, всё так же забившись в угол.

Военные схватили меня и вытащили в коридор, дверь камеры заперли. Линкок продолжал лежать на полу, подползая к решетке, и отчаянно ругался, Франц с ужасом смотрел на меня. Рей не шелохнулся. Я видела его спину и больше ничего. Женщина кивнула солдатам, и один из них завернул мне руки за спину и держал так крепко, что я не могла шевелиться.

– Милочка, мы прекрасно знаем, что нужно делать с такими женщинами, как вы. Непокорными, гордыми, считающими, что они знают жизнь. Давайте мы вам покажем, что такое настоящая жизнь? Жестокая и беспощадная.

Два других солдата подошли ко мне и один из них стал задирать балахон. Я испугалась, дико испугалась. Начала извиваться и бить военных ногами, тогда второй схватил мои ноги и крепко зажал их. Я кричала и рыдала, понимая своё бессилие и беззащитность. Чтобы не видеть их лиц, зажмурила глаза. Противно, ужасно противно было чувствовать руки солдат на своём теле.

– Прекратите! Хватит! Я не такая! Я ни в чем не виновата, – я кричала до хрипоты, а женщина посмеивалась. Слышно было, как сыпет проклятьями капитан Линкок. Но разве это может мне помочь? Я знала, что будет дальше, и от понимания своей беспомощности впадала в панику. – Не трогайте меня! Нет! Уберите свои руки! Я не хочу!

– Оставьте её, – голос Рея раздался в тот момент, когда я уже потеряла всякую надежду. Солдаты остановились.

– Что вы сказали? – женщина явно была довольна.

– Я сказал, оставьте её.

– Почему мы должны сделать это? – она испытывала его, мучила, упивалась своей властью над нами всеми, я продолжала истошно рыдать, мне хотелось завернуться во все балахоны этого мира, не испытывать этого отвращения и стыда, страха.

– Она моя, – Рей помолчал, – и я готов сделать то, что вы скажете.

– Отпустите её, – скомандовала женщина солдатам, – хорошо, Рей. Я поверю вам. Но учтите, что мы не позволим вам схитрить.

Она встала и вышла, солдаты закинули меня в камеру к Рею, заперли нас и ушли. Меня всё ещё трясло от страха, паники, а вместе с тем – от ненависти к этим людям и злости. Мне казалось, что эти солдаты в черном всё ещё держат меня, хватают своими огромными противными руками. Рей осторожно подошёл ко мне, я вскочила на ноги и ударила его со всего размаху по щеке, мне надо было выместить на ком-то свою злость, свой ужас и обиду. Он даже не удивился, не отстранился, а продолжал стоять передо мной молча.

– Это вы виноваты во всем! – я кричала на него как ненормальная, ударила снова и ещё раз. Да я готова была убить его, если бы могла. Почему он ничего не делает, а стоит и просто смотрит, – из-за вас я чувствую себя вещью! Не человеком! Вы меня притащили сюда! Вы! Из-за вас всё это

происходит! Я ненавижу вас всех. Этот город, этих людей, солдат и вас тоже!

Но Рей молчал, он по-прежнему не сопротивлялся моим ударам, и это злило меня ещё больше. Чертов дурак! За что его сделали командующим? Да он просто трус! Разум начал отказывать мне от злости, от пережитых унижений. Я собрала все силы и ударила Рея так сильно, что он еле удержался на ногах, из его губы пошла кровь. И только увидев красные капли, я остановилась, будто все эмоции выключили, и почувствовала себя очень уставшей, вымотанной до предела. Что я творю? Рука отозвалась болью. Я смотрела на Рея, на то, как из его губы продолжает течь кровь и не до конца понимала, зачем я сделала это.

– Простите меня, – Рей с удивлением вытер кровь и посмотрел на свои пальцы, – я виноват перед вами, и, боюсь, мне никак не искупить свою вину.

Я не нашлась, что ответить. Мне и так всё было понятно. Мы никогда не выберемся отсюда живыми, а если и случится такое чудо – разве можно продолжать жить как прежде, после того, что со мной произошло? Как забыть весь этот ужас? Белый карцер с его невыносимыми условиями, смерть Гальера, бесконечный страх быть пойманной и убитой? Раньше я строила планы на следующий день, обдумывала свои поступки, а сейчас просто принимаю тот факт, что моя жизнь больше не принадлежит мне. Да мне даже не думается о завтрашнем дне, ведь его может не быть, и с этой мыслью при-

ходится жить. Нет больше сил. Я прошла к кровати Рея, легла и завернулась в одеяло. Не хочу, чтобы кто-то говорил со мной, не хочу, чтобы вообще кто-то был здесь кроме меня. Я прикрыла глаза и сделала вид, что сплю. Мне было слышно, как Рей прошёл к противоположному концу камеры и сел рядом с решеткой, сквозь приоткрытые глаза, я видела, как он устало прислонился спиной к стене и запрокинул голову, руки безвольно свисали с коленей. Тишина длилась долго: полчаса, может больше. А потом заговорил Франц.

– Это всё так ужасно. Я не думал, что кто-нибудь может так обращаться с женщинами... Не понимаю, как... Когда я был ещё в школе, рядом с моей группой часто гуляла группа девочек. Они все такие маленькие, хрупкие, похожи на ангелов с картинок в детских книжках. Как можно издеваться над ними? Мы, мужчины, ведь гораздо сильнее, чем они. И заведомо знаем, что будем победителями в схватке. Почему эта женщина так поступила с Риной? Это мерзко. Я не могу подобрать слова, чтобы назвать её поступок. Ни за что не поверю, что, вырастая, милые девочки становятся такими жестокими как эта дама из Совета, не хочу называть её по имени. Рина больше похожа на тех чудесных женщин, которые воспитывали нас, заботились о нас. Она не похожа на врага. Да, она немного странная, непонятная, но не злая и не опасная. Даже её порыв выбежать на поле боя – это же не более чем неконтролируемое желание остановить кровопролитие.

– Ты не понимаешь такого отношения, потому что ты –

добрый, а люди, не важно, женщины это или мужчины, могут быть разными, в том числе и жестокими. Ты ещё слишком молод и мало видел в этой жизни. Наш мир держится на жестокости, на власти, – Линкок говорил тихо и хрипло, – Рей! Почему ты вообще позволил всему этому случиться?

– Потому что я слаб, капитан.

– Это не правда, командующий! – Франц горячо возражал, и я могла себе представить его выражение лица, обеспокоенное и воодушевленное одновременно, – я видел, какие вы принимаете решения. Слабый человек никогда бы не повел себя так, как вы!

– Может быть он и прав, Франц, – продолжал Линкок, – я могу его понять. Мы давно знаем друг друга, с тех пор, как Рей вытащил меня из опаснейшей ситуации. Кто знает, чего ему это стоило. До сих пор думаю, смог ли бы я сделать что-то похожее для него. И не уверен в положительном ответе.

– Я не знал об этом... – Франц зашевелился, наверное, пытался сесть или встать. Я продолжала слушать и иногда приоткрывать глаза. Линкок наверняка имеет в виду историю с женщиной, про которую мне говорил Судья.

– Рей, ты же не просто так выбрал именно её? Рину. Я не могу ошибаться, – капитан перешел практически на шепот. Моё сердце билось всё сильнее, какие тайны эти люди готовы раскрыть друг перед другом, находясь на грани гибели. Не дождавшись ответа, капитан продолжал, обращаясь уже к Францу. – Дорогой Франсуа, когда-то очень давно, когда

вас ещё на свете не было, со мной приключилась очень интересная история. Я жил с женщиной, – Франц охнул, – да, это запрещено. Но, когда я смотрел на неё, мне так сильно хотелось жить – не так как мы живем, а по-другому, что я не мог отказаться от этого. Никак не мог. А всё началось с того, что я просто взглянул на неё, проходя мимо, когда попал в архивы. Удивительно, но она ответила мне тем же. Мы виделись несколько раз, после чего она попросилась перевестись в хозяйки, а поскольку моё положение позволяло держать в доме прислугу, то она без проблем попала ко мне на работу. Мы были счастливы, не побоюсь этого слова. Мы засыпали и просыпались вместе, она готовила для меня. Помню, как теплыми вечерами мы сидели у раскрытого окна и разговаривали не о войне, а обо всем на свете и о нас, о нашем будущем, – капитан умолк ненадолго, явно вспоминая те дни. И продолжил, – позже, когда всё открылось, Рей спас меня, заступился. Переместил её в другой мир и взял меня в свою команду, конечно с лишением всех привилегий, званий и заслуг. Мне пришлось даже сменить имя. Но моя история тут, в общем-то, не причем, просто мне видно то, что не заметно остальным – тем, кто не переживал подобное. Я понял, что с командующим дело плохо, когда его перемещения в другие миры стали настолько частыми, настолько долгими, что иногда штабные искали его часами. Да, он постарел и смотрел на этот мир иными глазами. Но это было не всё. Что-то в его взгляде заставило меня понять, что дело не только в

усталости от войны. А ведь я тогда был прав... Ты оказался на моем месте. Не так ли, Рей?

– Вы хотите сказать, что дело было в женщине, в Рине? – Франц не мог скрыть крайнего удивления.

– Линкок... – Рей вздохнул, – вы знаете кто я на самом деле? Да. А вот я не знаю теперь, кто я. Раньше думал, что знал – военный, не просто рядовой солдат, а человек, выполняющий специальные поручения, владеющий знаниями и силой, заслуживший великолепную репутацию и уважение. И вот я здесь, сижу за решеткой, как преступник. И совершенно не знаю, что делать дальше. Вы говорите, что всё дело в женщине. Возможно. Но я сам не готов ответить на этот вопрос. Когда-то, ещё до рождения Гальера, в нашем обществе были разрешены отношения с женщинами, поскольку считалось, что физиологические потребности необходимо удовлетворять полностью, чтобы сосредоточиться на более значимых целях. Но такой подход вносил хаос, потому что взаимодействие с женщинами не ограничивалось только физическим контактом. Было решено перестроить общество под нужны государства. Женщин понемногу убрали из обычной жизни, выстраивая образ матери-воспитательницы, заботливой и непорочной. Образ женщины как жены, подруги, любовницы, в конце концов, сводили на нет, создавая вокруг них атмосферу порочности, низости и пошлости. В еду солдатам стали добавлять разные препараты, чтобы заглушить влечение к женщинам, промывали мозги ещё маленьким де-

тям, внедряя мысль о том, что женщина существует лишь для того, чтобы воспитывать детей и заботиться о слабых. И как видите, это сработало – Франц живой тому пример. Но эта перестройка, конечно же, коснулась не всех. Правители не настолько привержены идеям нашего общества, как требуют того от нас. Им доступно всё. И не только из нашего мира. Но речь не об этом. После такого жестокого эксперимента с контролем рождаемости и естественных потребностей людей, мы получили прекрасное сильное мужское население, красивое и умное женское, но стали терять способности к перемещению. Детей, рождающихся с такими умениями, становилось всё меньше, да и у остальных силы становились всё более слабыми – они могли перемещаться сами, но не могли переместить кого-нибудь с собой. И это несмотря на то, что в лабораториях постоянно велись работы по улучшению генома. Дети стали рождаться нездоровыми, всё чаще с неизлечимыми болезнями. Природа гораздо умнее людей. То, как причудливо сплетаются человеческие гены в детях, – это действительно удивительно. Но чудеса случаются только в том случае, когда человек сам делает свой выбор. А у нынешнего поколения его нет, никто из нас не может выбрать себе в жены женщину по зову сердца, мы не можем сами решать, от кого будут рождены наши дети, – Рей замолчал, я открыла глаза и увидела, что его поза не изменилась. На мгновение мне показалось, что он ведет разговор не столько с Линкоком и Францем, сколько с самим собой, –

я родился, следуя выбору только одного человека. Мой отец не спрашивал у моей матери, хочет ли она рожать меня. Не знаю, сколько ещё таких же, как и я – моих братьев, а может быть и сестер, было убито или отправлено в строй. Но мне повезло. Да, мой отец – Судья. И за это я ненавижу себя больше всего. Всеми своими силами и умениями я обязан ему, его генам. Я – практически он. А кто моя мать – я не знаю. Что произошло с ней после моего рождения – только могу догадываться, но никогда не озвучу эти мысли. Меня растили отдельно от остальных детей, внедряли в общество осторожно. Им нужно было только одно, – чтобы я помогал осуществлять тайные цели Совета. Но мне удалось выбраться из-под их командования и уйти в обычные военные. Скольких людей я погубил, замучил, переместил в далекие миры только лишь потому, что не знал другой жизни, – Рей схватился за голову, посидел, наклонив её к коленям, и рывком вернулся в прежнее положение. – Конечно, они не могли не сохранить для меня все привилегии – потому что я был нужен им, потому что слишком много знал и был опасен. Всё время до и после ухода с должности главного Палача я по частичкам собирал эту историю, чтобы понять, кто я на самом деле. И становился противен сам себе. Потерял всякий смысл, – Рей снова замолчал, я приоткрыла глаза и посмотрела на него, он тяжело дышал, рассказ явно давался ему нелегко, – а потом увидел её... Вы правы, капитан. Правы были во всем и тогда, и сейчас. То, что может дать

одно лишь присутствие определенного человека в жизни, – бывает дороже всего. И даже сильнее страха перед неизвестностью и силой.

– Вот так дела... – удивленно протянул Франц.

– Всё даже хуже, чем я думал, – Линкок встал и шумно зашагал по камере, – ты полон сюрпризов... Теперь понятно, почему они так с нами поступают. Они же мстят тебе, Рей. После тебя так и не нашли нового Палача, ты заставил Совет делать всю грязную работу их же руками. Я так старался забыть, что именно ты – Палач. Твои руки по локоть в крови, если не больше... И каждому воздастся... М-да... Что ты думаешь делать дальше?

– Бороться. До последнего. Судя по тому, что я понял из разговоров – всё мировое сообщество обратилось к Совету с вопросом о том, что произошло. Они объяснили, как могли, но миру нужны доказательства, которых у Совета нет. И мы сбежали. Значит, теперь у них единственный выход – показать нас миру, что бы мы дали ответ. Вы же знаете, что нарушения мировых законов так просто не оставляют. Женщина на поле боя – как раз один из таких случаев. И не просто женщина, а из другого мира. Думаю, что Совет подозревают в заговоре против мира. Поэтому, если мы убедительно не объясним ситуацию, то городу точно придёт конец. Проще говоря – Совет хочет бросить нас на амбразуру, как затравку для хищника.

– Да, многие города давно имеют на нас зуб и подозревают

в нечестной игре. Если верить твоему рассказу – так и есть на самом деле. Совет заигрался в грязные игры.

– Подождите, я не понимаю, – вмешался Франц, – ну, женщина на поле боя – понятно. Нарушение, серьезное. Но не настолько же смертельное, чтобы уничтожить город и всех его жителей?

– Просто женщина – нет. Вспомни, Франц, вмешательство во внутренние дела других миров запрещено, равно как и обратное. Мы можем только наблюдать и ни в коем случае не должны вмешиваться, так же, как и люди из других миров не имеют права ввязываться в наши внутренние дела. Когда кто-то убежал и не вернулся – это один вопрос. А здесь? Явное вмешательство. Когда к нам попадает другой человек, с другим взглядом и знаниями о мироустройстве, со своими идеями и философией – он может послужить катализатором расшатывания всех устоев, на которых держится наш мир долгие сотни лет. Все правители боятся разрушения мира изнутри, через таких людей, – Рей говорил как обычно, спокойно и уверенно.

– Как Рина?

– Почти. Она не опасна, потому что у неё здесь не было конкретных целей. Её поступки – это случайность и стечение обстоятельств. Но не все люди – такие.

6.

Мужчины перешли на шепот, и разобрать, о чем они говорят, не получалось. Я лежала без движения и пыталась осмыслить всё услышанное. Как сложен этот мир, в каждом обществе, пусть даже самом устойчивом и правильном с виду, есть проблемы. А люди – жестоки. Их развращает власть, сила, вседозволенность. Мы попали в руки коварных и опасных людей, которые готовы на всё ради сохранения того мироустройства, к которому привыкли. А по сути – они глупы, потому что настоящая жизнь всегда побеждает. Она может скрываться за дверями домов и комнат, она может убегать в другие миры. Но она есть, и с этим ничего нельзя сделать. Жизнь в каждом из нас, в людях, которые умеют чувствовать, умеют быть добрыми и верными. Как можно запретить человеку совершать внутренний выбор? Душа всё равно будет рваться наружу, потому что ей надо любить, страдать, радоваться – ей надо сполна насытиться своим существованием. У всех есть душа, живая. И моя душа болит, очень.

Мне вдруг стало так жаль нас всех, четверых, до слёз. Чтобы не заплакать, я прижала колени поближе к груди, натянула одеяло к лицу и постаралась замедлить дыхание. Я слышала, как Рей встал и подошел к кровати, а потом опустился на пол рядом с изголовьем, облокотившись на него. Он был так близко, что мне стало тревожно. После всех его слов я

не знала, что думать. Какие чувства я вызвала у этого человека? Нет, не стоит и пытаться понять.

– Рина, вы спите?.. – едва слышно произнес он.

– Нет.

– Наверное, вам не стоит прощать меня. Потому что я всё ещё не могу обещать, что спасу вас в этот раз.

– Мне не нужны ваши обещания, Рей... – дыхание перехватило, я судорожно пыталась начать дышать снова. От одной только мысли, что этот человек рядом, у меня внутри всё сжималось.

– Попробуйте отдохнуть, пока есть возможность. Мы не знаем, когда за нами снова придут, – он сделал паузу, будто обдумывал и подбирал слова, – а я посижу здесь, чтобы вы были спокойны. Никто больше не притронется к вам.

– Я же сказала, что не нуждаюсь в обещаниях.

– Это не обещание, Рина.

Странно, но от него всё так же пахло приятно и уютно – травой и теплой древесной корой. И откуда только этот аромат берется, может, это просто моё воображение? Опять я думала не о том. Мне вспомнилось утро на ступеньках перед домом Рея, его взгляды, которые он бросал на меня украдкой. Я видела их и боялась ответить ему, но так хотела это сделать. Он пугал меня и притягивал как магнит. Надо признаться себе сейчас – я вернулась сюда только из-за него, да ещё немного из-за Франца с капитаном, – позже признаваться будет бессмысленно. Перед собой нужно быть честной.

Как было бы хорошо, если бы я могла сейчас всё это сказать Рею. Хотя зачем? Конечно, всё, что он поведал Линкоку и Францу, наводило меня на мысли о том, что он испытывает ко мне какие-то чувства, далекие от жалости, интереса и дружбы. А, может, это простое человеческое влечение, в конце концов, он мужчина? Господи, да Рей же – Палач! Он доставлял людей в белый карцер и издевался над ними, он убивал их! Как я могу даже думать о том, что он хороший человек, как могу вспоминать о взглядах и оправдывать, после всех пережитых мною страданий, в которых он виноват?

Я укрылась одеялом с головой и провалилась в сон. Пустой белый сон. Наверное, этот цвет будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь. Сколько мне осталось? Возможно, этот сон и есть последний? От этих мыслей, приходящих в моё подсознание, я просыпалась, начинала метаться по кровати, Рей будил меня, укладывал обратно, и я снова засыпала. Нервное истощение не давало мне восстановить силы, рука болела и непрерывно ныла, всё тело ломило, как при лихорадке. Часы тянулись мучительно долго. После очередного бредового сна я проснулась и больше уже не могла уснуть.

Дверь в конце коридора открылась, двое солдат-надсмотрщиков зашли внутрь, подошли к нашим камерам и закинули в каждую из них по большому свёртку.

– Вам приказано переодеться, через час за вами придут. Будьте готовы. Подчинение должно быть беспрекословным, если хоть что-то из того, что вам передали, не будет надето

на вас, то будут приняты меры.

Солдаты ушли, Линкок первым взял сверток и раскрыл его – внутри оказалась парадная форма для него и Франца. Синие мундиры, плащ для капитана.

– Рей, что у вас? Не иначе они собираются представить нас Советам?

– Вряд ли, скорее всего сначала придётся говорить с солдатами, чтобы прекратить беспокойство. Судья же говорил, что без меня они отказываются воевать. То есть, город сейчас фактически беззащитен.

В нашем свертке была одежда для Рея – всё та же белая рубашка, штаны, кардиган. Новое и чистое, ничего лишнего. И ещё что-то яркого алого цвета.

– Рина, я не позволю вам это надеть, – неожиданно произнес Рей.

– Что там? Дайте посмотрю, – я подошла к нему и взяла то, что он держал в руках, развернула алую ткань и увидела платье. Длинное, безумно яркое для белых стен, как кровь, украшенное серебряными нитями. Оно могло бы быть красивым, если бы не было таким вызывающим – спереди вырез до самой талии, а сзади ещё ниже. Несколько разрезов по подолу. Спина платья шнуровалась серебряными лентами, а на шее, как ошейник – я не могла отделаться от этого впечатления – красная полоса ткани. Кровь. Это платье как символ крови, которая лилась, льется и будет литься в этом мире. Оно вызывало у меня рвотный рефлекс. В нём я наверняка

буду выглядеть как девушка не просто легкого поведения, а как дорогая проститутка. Этого они и добиваются – противопоставить меня своим женщинам, ещё раз очернить. Ну что же, пусть будет так, – я надену его. Вы же слышали, что сказали охранники.

– Нет! Они хотят сделать из вас мишень для ненависти, это же понятно. Если вы выйдете к солдатам или Советам в таком виде, никто не будет слушать нас.

– Мне всё равно, Рей. Исход один в любом случае, – я бросила платье на кровать, – только вам придется помочь мне его надеть, с одной рабочей рукой я не справлюсь.

В соседней камере ругался Линкок, пытаюсь облачиться в форму с забинтованной рукой и ногой, Франц помогал ему. Двое несчастных подбитых военных – но надо отдать должное, форма была им к лицу. Оба высокие, с прямыми спинами, гордо поднятыми головами. Линкок выглядел опытным воякой, плащ добавлял его образу легкое ощущение близости к простым солдатам. Франц – как же шёл темный, густой синий цвет формы к его пшеничным волосам. Добрые, умные глаза смотрели смело. Я рассматривала их и не могла оторвать глаз, почему я раньше не замечала этого военного блеска и лоска, с налетом особого героического шарма. Лица Франца и капитана сразу преобразились, на них больше не было растерянности – только уверенность, только сила.

– Какие же вы красивые! – вырвалось у меня, – почему бы вам не надевать эту форму просто так, а не для боя...

– Или не для казни, – улыбнулся Франц, – дорогая Рина, спасибо вам.

– За что?

– За то, что вы с нами. Поверьте, если нас и будут убивать, то мы будем защищать вас до последнего и не дадим вам погибнуть первой, – милый мальчишка Франц, ещё такой молодой, но такой чудесный. Когда я смотрела на него, то вспоминала себя – полную надежд юности, уверенную в том, что мир – прекрасен, и люди в нём тоже. Если бы не эти решетки, то я бы обняла его за эти чувства, которые он всколыхнул во мне. Франц – как младший брат, о котором я всегда мечтала, и которого у меня никогда не было. Нельзя позволить ему умереть, он так молод, так чист и открыт к этому миру, несмотря на свою должность, на влияние этого мира. Его светлая душа не должна закаменеть и почернеть.

– Рина, я готов, теперь ваша очередь, – голос Рея за спиной. Франц и Линкок вежливо отвернулись и завели тихую беседу.

Рей стоял передо мной одетый в чистую рубашку, застёгнутую, как и всегда, до самой последней пуговицы, в тяжёлом вязаном кардигане, штаны заправлены в ботинки. Высокий рост, широкие плечи, сильные руки. Я ведь уже видела это всё много раз, но сейчас смотрела на Рея и не могла отвести взгляд. Волосы убраны в хвост, и черные глаза смотрят на меня. Всё, как в нашу первую встречу. Только губа разбита. Сильно же я его ударила, всю злость вложила в этот

удар. Странно, но я не чувствовала обиды, хотя мне всё ещё было в чем обвинять Рея. Да, он фактически украл меня, но остальное я сделала сама. Это были мои желания, мой выбор.

Я прошла к кровати, сняла с себя балахон, бросила его на одеяло и стала надевать платье. Оно было холодным, легким и слишком открытым. Никогда в жизни я не носила такое. Мне было ужасно неудобно и неуютно в нём. Грудь еле прикрыта, спина тоже почти голая, да ещё эти разрезы. Наверняка, при каждом шаге мои ноги будут оголяться чуть ли не полностью. И вот такой меня увидят тысячи солдат, мужчин. От одной этой мысли меня пробирала дрожь, и бежали мурашки по всему телу. Хорошо, что здесь нет зеркал, и я не вижу себя. Одной рукой мне никак не удавалось справиться с платьем. Да неужели это всё нарочно! Судья или кто там ещё придумал это, – они унижают и унижают меня, каждую минуту нахождения здесь, в этом мире, любыми способами.

– Рей, пожалуйста, помогите мне. Надо зашнуровать платье и застегнуть воротник, – мне было стыдно просить его об этом, стыдно стоять полуголой перед тремя мужчинами. Щеки горели огнем, я боялась лишний раз пошевелиться.

– У вас всё тело в синяках, – Рей говорил тихо и всё никак не подходил ко мне, я начинала мерзнуть и злиться.

– Да! Не обращайтесь внимания. Ну, скорей же, мне холодно и неудобно, – я больной рукой придерживала платье спереди, а второй пыталась застегнуть воротник. Рей наконец-то подошёл, и я почувствовала, как он осторожно затягивает

ленты на платье, снизу-вверх. Иногда он поправлял их, и его пальцы касались моей спины. Каждый раз я вздрагивала. Сердце билось как сумасшедшее. Почему его прикосновения так действуют на меня? Этот мужчина не должен быть мне неинтересен, не здесь и не сейчас. Или я просто пытаюсь себя в этом убедить? Мне вспомнился его взгляд, когда он смотрел на мои руки, обрабатывая рану. Ещё тогда его прикосновения заставили моё сердце сжаться, но я не придавала этому значения, поспешила забыть. – Рей...

– Да.

– Ваши руки...

– Что с ними? – он понизил голос.

– Они такие горячие, каждое ваше прикосновение обжигает. Вы не поверите, но... Сердце колотится так сильно, что мне трудно дышать, – зачем я вообще говорю это... Почему сейчас?

– Это от волнения, – его голос стал ещё тише. Только один вопрос был в моей голове. Почему я пожертвовала своей тихой и спокойной, пусть и скучной жизнью, ради этого человека, ради этих людей и их мира? Я тысячу раз за последние дни отвечала себе на этот вопрос и никак не могла ответить окончательно. Рей завязал ленты и медленно провел ладонью вдоль моего позвоночника к шее, чтобы застегнуть воротник. Мой пульс подскочил так, что на мгновение мне показалось, что я потеряю сознание.

– Рей, сейчас не время, я знаю...

– И я знаю, – он осторожно касался моего правого плеча одной рукой, а другой бережно придерживал за левое. Что мы делаем? Что он делает? И почему я не сопротивляюсь?.. Может ли быть так, что мы хотим сейчас одного и того же? Да почему бы и нет? Если дальше – заключение, допросы, казнь, смерть, пустота. Имею же я право на последнее желание? На последний миг удовольствия? Я снова вспомнила, что не позволяла себе отвечать на его взгляды, что боялась его, а он явно постепенно терял контроль над собой. Нет, нельзя вот так бездумно поступать, нельзя поддаваться сиюминутным желаниям. Но Рей действительно привлекательный мужчина, как бы я не пыталась переубедить себя, как бы не была зла на него. Высокий, стройный. У него густой, бархатный голос, четкий овал лица и глаза. Бездонные черные глаза, в которых не видно зрачков. В них я и готова утонуть здесь и сейчас, у меня нет сил сопротивляться. И не важно, что это глупо, странно и пошло. Он – именно то, что мне нужно сейчас, то, чего я хочу. Лучше он, чем солдаты. А что потом, уже всё равно.

– Командующий, у вас всё хорошо? – голос Линкока раздался как раз в тот момент, когда Рей развернул меня и с силой притянул к себе. – О... Так... Франц, отвернись, тебе ещё рано видеть такое...

Линкок озвучил мысль о том, чего ещё не произошло. В обычное время я смутилась бы, но сейчас мне неважно, что и кто говорит. Я стояла и смотрела на Рея, а он – на меня.

Крепкие руки на моей спине, на талии. Наши лица так близко, что я чувствую его дыхание – осторожное, сдержанное. И черные глаза, красивые и страшные, нечеловеческие. Я смотрю в них как замороженная, опять... И отчего раньше черный цвет и темнота казались мне такими жуткими. Нет в них ничего ужасающего, наоборот – в них нет ненавистного белого цвета. Рей прижал меня чуть сильнее так, что я не могла сделать полный вдох, и наклонился ко мне ещё ближе, я почувствовала легкое прикосновение к своим губам и ответила ему. Это был невероятный поцелуй – страстный, голодный, будто бы он и первый, и последний в жизни. Я чувствовала привкус крови на губах Рея и вспомнила, как отчаянно хлестала его по лицу. Сейчас та злость и ненависть переросли в обжигающее желание обладать этим человеком, слиться с ним в единое целое. Безумие – но я хотела Рея как никого и никогда, до дрожи в руках, до полуобморочного состояния.

– Рина, я украл у тебя твою жизнь... Ты же понимаешь? – он оторвался от моих губ и посмотрел в глаза, нежно проведя рукой по моим неровно остриженным волосам.

– Наверное, но мне, правда, всё равно... Особенно сейчас, – свободной рукой я обхватила его шею, как же давно мне хотелось расстегнуть эту слишком правильную верхнюю пуговицу на рубашке – и я сделала это. Смешной и немного детский протест против его безупречного вида, невозмутимого выражения лица, с которым он мог говорить и делать всё, что угодно. «Покажи мне свои эмоции, будь самым со-

бой» – молила я его беззвучно.

И в тот же момент, Рей спокойно, без всяких слов, словно давно ждал этого, расстегнул следующую пуговицу сам, провел рукой по моей щеке, опустил к шее, и я перестала думать и контролировать себя, свои чувства – просто не сопротивлялась ничему, угадывая следующие действия Рея. Сердце билось где-то в районе солнечного сплетения, ноги стали ватными, я прикрыла глаза и сделала глубокий вдох – губы Рея оказались на моей груди, он спускался ниже, обжигая меня прикосновениями – ласковыми, осторожными. Человек, управляющий войсками, в прошлом – жестокий Палач, убийца, откуда в нём столько нежности? Я не успела сполна прочувствовать всю прелесть его поцелуев, как всё произошло моментально – он подхватил меня на руки и, продолжая целовать солеными губами, уложил на кровать. И ничто не мешало нам наслаждаться этим моментом – ни тюремные стены и решетки, ни присутствие Линкока и Франца. Я закусила губу, когда Рей осторожными, нежными движениями провел руками по моим бедрам, задирая подол платья. Ну почему же мы раньше не решились на это? Не возмись Рей играть в эту игру с перемещением меня в свой мир, не будь я такой впечатлительной. Если бы ничего страшного не произошло, мы могли бы... Нет, нельзя сейчас думать об этом. Мне показалось, что Рей прочел мои мысли и постарался сделать так, чтобы я точно не могла думать вообще ни о чем, только о нём. Я смотрю на него и вижу на его ли-

це волнение и вместе с тем огромное желание, мне даже становится немного страшно от эмоций, которые я прочла. Закрываю глаза, снова отдавшись власти Рея, его сильных рук, медленно выдыхаю... И вот то самое мгновение – мы с ним как одно целое, я чувствую, как бьются наши сердца. Хватаюсь за рубашку на спине Рея, раненая рука отзывается болью, но все остальные чувства заглушают её. Движения Рея заставляют меня хотеть его ещё сильнее, больше. Чувствую, как горячие слезы льются по моим щекам.

– Рей...

– Ничего не говори, – он снова поцеловал меня, долго, слишком долго. Мне не хватало воздуха, но я не могла оторваться от него. Его движения становились всё более сильными и быстрыми, он подхватил меня под спину и прижимал к себе, я обхватила его ногами и здоровой рукой продолжала держаться за спину. Хотелось кричать. Чтобы подавить это желание, я уткнулась в плечо Рея и надрывно дышала, захлебываясь слезами. – Тише, тише... Всё хорошо...

– Не могу... – я ещё сильнее прижалась к нему.

Мне казалось, что я сойду с ума от его голоса, звучавшего рядом с моим ухом, от горячего дыхания, от всего, что он делал. Ещё немного, и я не смогу сдерживать себя. Мне хотелось, чтобы Рей никогда не останавливался, и чтобы скорее остановился, меня переполняли нахлынувшие ощущения, такие яркие, такие настоящие. И судя по всему, Рей тоже был в похожем состоянии, потому что его руки сжима-

лись всё крепче. Впервые в моей жизни – мы оба одновременно достигли верха наслаждения. Легкая дрожь пробежала по моему телу, меня бросило в жар. Волна удовольствия была настолько сильной, что я ощутила, как она поднимается по телу, разливается по нему, застилает мой разум. Я сдавленно всхлипывала на плече Рея, а он чуть ослабил руки и нежно целовал мои мокрые щеки. Понемногу я приходила в себя и не могла поверить, что всё это было на самом деле. Мы. Здесь.

– Время, – прошептал Рей. Я в ответ помотала головой. Не хочу, чтобы наше время заканчивалось. Хочу жить.

Рей отстранил меня от себя, застегнулся, но две верхние пуговицы рубашки оставил свободными. Он стоял возле кровати, поправлял волосы, снова собирая их в хвост. Я вытерла лицо белым балахоном и села. И что это было сейчас? Зачем всё это? Странное чувство внутри, будто я сделала что-то очень правильное, нужное, но всё равно предосудительное. Я смотрела на Рея и всё больше понимала, что оно того стоило. Последнее желание. Да.

– Ну вы даете... Опасные люди, – снова Линкок. Не мог промолчать. Но мне на удивление не стыдно от его слов. Я стала совсем другой, не узнаю саму себя – этот мир изменил меня.

– Капитан, – Рей махнул ему рукой, – правда ваша, во всём. Надеюсь, психика юного Франца не пострадала?

Они ещё шутят! Шутят о таких вещах. И кто! Рей. Хотя...

В нашем положении только и остаётся, что шутить. Линкок и Франц подошли к решетке, лицо юноши было красным, он явно смущался. И мне тоже стало немного неудобно перед ним. За свои, вроде бы и естественные порывы, но такие неуместные. Бедняга, сколько всего ему пришлось пережить и узнать об этом мире. Но лучше сейчас, чем спустя много-много лет пустой жизни. Рей повернулся ко мне и протянул руку.

– Ну что, Рина. Будем готовы к неизбежному?

– Будем, – я кивнула. – Франц, перестаньте краснеть. То, что происходит иногда между мужчиной и женщиной – во все не стыдно, а прекрасно.

– Особенно с такой женщиной, – засмеялся Линкок и тут я тоже, наверное, покраснела, как и Франц. Во всяком случае, щеки мои снова горели.

– Особенно с таким мужчиной, – я взглянула на Рея, но его лицо было спокойным, как и всегда.

7.

Дверь в конце коридора открылась, и в неё вошёл Судья с отрядом солдат. Они подошли к нашим камерам и открыли замки.

– Командующий Рей, ситуация несколько изменилась – вам ничего не придётся говорить, мы всё скажем сами. Ваша задача – просто соглашаться.

– Смотря с чем соглашаться.

– Не надо провоцировать Совет. Два ваших друга ранены, а ещё одна – женщина. Мы справимся с ними без особых усилий. Имейте это в виду.

Солдаты окружили нас со всех сторон, и повели по длинным коридорам. Мы всё время поднимались по ступенькам вверх, значит, выходим наружу. Линкок опирался на костыль, идти ему было неудобно, но он старался сохранять бравый вид. Франц выглядел напуганным, постоянно посматривал на Рея и капитана. Я путалась в подоле платья и ловила на себе взгляды солдат, полные отвращения. Мне и самой был неприятен мой вид, но откуда столько ненависти в глазах этих мужчин – непонятно. Что же им наговорили про всех нас, про меня? Коридоры становились шире и светлее, пропал запах сырости.

Неожиданно мы остановились перед небольшой дверью, за ней слышался неясный гул. Что там? Судья распахнул

створки, и дневной свет ударил мне в глаза. В сопровождении солдат мы вышли на помост, похожий на те, которые сооружали для казней. Франца и Линкока отвели вправо шестью охранников. Рея проводили до самого центра помоста, а меня поставили чуть в стороне, как раз между Реем и капитаном, два солдата стояли рядом со мной, один из них держал у спины то самое металлическое оружие, которое полностью лишало способности двигаться, я помнила неприятное ощущение от прикосновения металла к коже. Перед нами на площади томились в ожидании тысячи солдат в синей форме. Когда нас вывели на помост, они перестали говорить, и воцарилась тишина. Солдаты пожирали меня взглядами. Яркое красное пятно на фоне белого помоста, среди разрушенного белого города, в отвратительном, вызывающем платье. Ветер раздувал его подол, и разрезы оголяли мои ноги. Холодно, стыдно, снова страшно. От этих взглядов невозможно скрыться, они убивают меня глазами, жгут своей ненавистью и отвращением. Меня била дрожь. Я взглянула на Рея – он стоял прямо и уверенно смотрел на солдат.

– Перед вами командующий Рей и его компания. Люди, бросившие вас после поражения, – Судья говорил громко и с интонацией, передающей отвращение к нам, стоявшим на помосте, как преступники. – Эта женщина – причина бегства командующего и его товарищей. Посмотрите на неё – порочное, гордое создание, способное сломить волю любого мужчины. Она – оружие Рея против вас. Против нашего

общества. Она – не мать, не кормилица. А именно оружие, разрушающее нас изнутри. Обманув и совратив командующего, она проникла в наш мир, чтобы уничтожить его, – старик указал на меня своей морщинистой рукой, а потом куда-то выше, за мою спину. Взгляды солдат тоже поднялись, и по их рядам прошёл гул, несколько человек, стоявших в первом ряду, смачно сплюнули. Я обернулась и увидела за собой, на стене небоскреба, у подножия которого мы стояли, огромное изображение. Тюремная камера и в ней двое – девушка в алом платье и мужчина в белой рубашке, с длинным хвостом. Это же мы с Реем! Вот он обнимает меня, целует. Дальше я не могла смотреть. От стыда, от страха и ненависти к этим людям меня замутило. Я прижала ладони к животу и чуть наклонила голову вниз, чтобы не видеть взглядов солдат. В глазах темнело. Они следили за нами, конечно. Каждое наше слово, каждый взгляд и поступок – всё будет доказательством нашей вины. Неужели Рей не знал о том, что за тюремными камерами постоянно наблюдают? Знал, не мог не знать. Я посмотрела на него, но его лицо ничего не выражало. Он был всё так же спокоен и непроницаем, как и всегда. А Судья тем временем продолжал, наслаждаясь ошеломляющим успехом своих доказательств, – после её поступков весь мир обернулся против нас! Но она не смогла остановиться, не сдалась и даже в тюрьме продолжала уничтожать волю командующего. Вы знаете, что мировое сообщество ждёт от Совета решительных мер. И время настало.

Мы не можем потерять Рея, столь важного для нас всех, поэтому вернули его обратно силой, вырвали из другого мира против его воли, сломленной этой женщиной. Готовы ли мы простить его?

– Да!

– Куда мы без командующего!

– Казните её!

Крики из толпы, злобный гул одобрения. Так, значит, Рей был прав, они сделают из меня мишень. Оправдают себя и его перед всем миром, убьют меня, а чуть позже незаметно избавятся от Рея. Мои руки похолодели. Эта толпа растерзает любого человека, если дать им волю. Беспощадная машина из людей, воспитанная так, как нужно Совету. И сейчас он манипулирует ими, представляет факты так, как хочет. У него все козыри в руках – а у нас только наши слова. Ничего больше.

– Совет вам врет! Судья обманывает вас! – Линкок кричит изо всех сил, чтобы каждый услышал его. Тут же получает удар в бок и падает на колени. На лице Франца ужас.

– Посмотрите на капитана Линкока, он тоже введен в заблуждение. Он готов предать всех нас, – Судья готов к любым событиям, просчитал всё. – Мы сможем простить командующему его проступок, его слабость, если он сделает для всех нас кое-что.

Старик взял у одного из солдат длинный нож, который тот держал в руках, прошел к Рею и вручил ему. Рей молча взял

орудие и посмотрел на Судью тяжелым взглядом, их черные глаза встретились, и старик быстро отвернулся, снова обратившись к мужчинам, стоявшим внизу у помоста.

– Пусть Рей убьёт эту женщину, приведет наказание в исполнение. И тем самым искупит свою вину перед нашим миром, – Судья повернулся ко мне и с торжеством посмотрел в глаза. Солдаты подтолкнули Рея, и он медленно пошёл в мою сторону. В толпе раздались одобряющие выкрики.

– Остановитесь! Вы не понимаете, что делаете! Рина не такая, как говорит Судья! – это кричит Франц. Ну зачем, милый-милый Франц, ты же ещё совсем мальчик, тебе обязательно надо спастись и продолжать жить. Но, похоже, что он уже всё решил для себя.

– Франц! Не надо! Они убьют и тебя тоже! Молчи, прощу! – я слышу свой голос как будто откуда-то издалека. Мне страшно, очень страшно.

Липкий ужас расползлся по всему телу, немели руки, ноги, голова отказывалась думать. Я не знала, как поступит Рей, что сделает Судья и солдаты. Моя жизнь больше не принадлежит мне. Бросив всё, я окунулась в неведомое, в такой мир, о котором даже не могла подумать. Из-за меня погиб Гальер, я помогла победить или не помогла? Из-за меня весь этот мир перевернулся, город под угрозой, моя жизнь тоже. И несмотря на всё это – именно меня сделали врагом. Я испытываю странные чувства к этому человеку в белой рубашке. Никак не могу понять, кто он мне – друг или враг? Не

лучше ли было бы продолжать ходить на работу, ездить по городам несколько раз в год и пить по утрам кофе на кухне? Выйти замуж, нарожать детей, вырастить внуков и под конец жизни сажать розы на балконе, а потом спокойно умереть в своей постели, прожив много-много лет, достаточно для того, чтобы уйти с улыбкой? Да что толку думать об этом, все решения приняты. Надо отпустить всё, что было, что есть, и принять судьбу.

– Рей! – я хотела сказать ему, чтобы убил меня быстрее, чтобы сделал это не больно. Но не смогла. Я стояла и слушала, как моё сердце бьется в груди, как шумит ветер, непонятно откуда взявшийся здесь. Поднимаю голову и вижу, как по небу бегут облака – купола нет. Он всё же разрушен или мне только кажется? Мы беззащитны перед миром, перед природой, временем, Вселенной. Может быть это небо – последнее, что я вижу в своей жизни.

Рей подходит ко мне, ему достаточно замахнуться и ударить ножом, на этом всё кончится. Ну же, сделай это! Но он медлит и молчит, смотря на серое металлическое лезвие.

– Убей её, – кричат из толпы. – Она околдовала тебя!

– Я не могу этого сделать! – Рей поворачивается к солдатам. – Я не хочу убивать её, потому что она ни в чем не виновата. Потому что...

К Рею подходят военные, сопровождавшие его, ещё несколько бегут с другой стороны помоста, солдаты, стоявшие рядом со мной, вышли чуть вперед, готовые атаковать.

Рей разворачивается и бросается мужчинам навстречу, пара взмахов и они падают замертво, вокруг них растекаются лужи крови, теперь не только мое платье добавляет цвета этому белому помосту. Рей кидается к Судье, оставшемуся без охраны, хватает его за шею, прижимает к себе спиной и ножом бьёт по рукам. Кровь льется ручьями, Судья кричит.

– Ты не сможешь переместиться, и тебя некому защитить, – Рей приставляет нож к горлу Судьи, я вижу, как небольшая струйка крови стекает вниз на балахон, – правда на моей стороне, и ты это знаешь.

– Рей, ты всё равно проиграл. В тот момент, когда родился.

– Можешь говорить, что хочешь. Это не имеет никакого значения. Во всяком случае, для меня, отец. Да, я знаю, кто ты на самом деле. Странно было бы не задаться вопросом нашего родства – ведь стоит только посмотреть на нас, на наши глаза – и всё становится ясно. Ты насильвовал женщин из разных миров, не думая о последствиях для них. Ты использовал их, как вещи, как подопытных животных, чтобы добиться своей цели. Но у тебя ничего не вышло, потому что я похож на тебя только внешне! Я смог победить природу и стать другим! Да, я годами убивал людей для Совета, доставал информацию, проводил изощренные казни, но смог освободиться от навязанных мне установок. Я смог увидеть другую жизнь и другими глазами посмотреть на наш мир.

– Ты сошел с ума! Совет никогда не простит тебе моей

смерти!

– Мне достаточно того, что я прощу себя, – с этими словами Рей перерезал горло Судье и бросил его безжизненное тело в лужу крови. Солдаты застыли в недоумении и ужасе, никто и подумать не мог, что такое может произойти на самом деле. Я смотрю на Рея и боюсь его, меня тошнит от вида крови, от количества трупов вокруг, солдаты, стоявшие рядом со мной, отступают в сторону. – Ну что? Кто готов сразиться со мной? Или сначала выслушаете?

– Говори! – кричат солдаты из толпы.

– Вы знаете про мировой ультиматум нашему городу. Вы знаете про то, что происходит внутри белых небоскребов. Я против этого. Против такого мира. Против войны и диктатуры Совета. И никто не заставит меня сказать обратное, я буду говорить только правду, под любыми пытками. Эта женщина, Рина, показала нам иную жизнь. И поплатилась за это. Её держали в белом карцере, не кормили, её чуть не изнасиловали на наших глазах. За то, что она – настоящая! За то, что она против войны. За то, что она дорога мне, всем нам!

– Прекратите, командующий, – неожиданно за спиной Рея появились остальные четыре члена Совета. – Вы ничего не добьетесь своими глупыми словами. А после убийства Судьи, вы и нам не оставили выбора.

Рей бросился ко мне и заслонил собой, солдаты в страхе разбежались в стороны от нас. В движениях Рея была видна уверенность, но и тревога. Пожалуй, впервые за всё вре-

мя я увидела, как он поступает импульсивно, не продумывая наперед. Откуда-то сбоку послышался шум, и к нам присоединились Линкок с Францем. Капитан тяжело дышал, я заметила у него ещё одну рану в районе левого плеча, похоже, солдаты, охранявшие их, оказались не столь трусливыми, как мои.

– Ну что, ребята? Ещё поборемся? – капитан лихо улыбался, несмотря на ранение.

– Должны. Рей, у тебя есть план? – Франц поддерживал Линкока и тревожно оглядывался. Солдаты пришли в себя, приободренные появлением Совета и обступали нас со всех сторон, толпа внизу шумела.

– Никакого плана нет. Но я хочу попробовать кое-что сделать.

– Тогда действуй, мы прикроем! – капитан отпихнул Франца и пошёл вперед, на солдат, опираясь на костыль.

Как он собирался сражаться в таком состоянии? Я хотела чем-то помочь, но не знала, чем. Что вообще можно сделать в такой ситуации без оружия, голыми руками? Единственное, что я могла сейчас – подчиниться Рею, его командам, и не смотреть на кровавое месиво вокруг. Я должна постараться держать себя в руках.

– Рина, встань за моей спиной и не отходи ни на шаг, чтобы ни случилось. Франц, прикрой тыл, – Рей посмотрел на меня строго и закрыл глаза. Я встала за ним и озиралась по сторонам. Все застыли в ожидании, солдаты не спешили

подходить к нам слишком близко, члены Совета тоже стояли поодаль. Все выжидали, и только в толпе происходило какое-то волнение, разговоры перерастали в гул. Рей неожиданно раскинул руки в стороны, и где-то наверху, высоко в небе раздался оглушительный треск, я инстинктивно пригнулась. Франц задрал голову вверх и закричал:

– Падает! Рей, что ты сделал?

Я тоже посмотрела наверх: оттуда на нас летели какие-то камни, обломки. Ещё мгновение, и они накроют весь помост. Женщины из Совета испуганно закричали, мужчины смотрели друг на друга непонимающими взглядами, видимо они хотели переместиться, но у них ничего не выходило. Из-за гула невозможно было разобрать, о чём они переговариваются, но они явно пытались что-то решить. И тут один из них, тот самый светловолосый член Совета с золотым поясом, достал что-то похожее на пистолет из-за спины. Линкок тут же, несмотря на раненую ногу, бросился на него, расталкивая солдат костылем, и свалил с ног. Блондин начал брыкаться, но капитан успел отбросить оружие в сторону. Солдаты не знали, что делать, и Франц, воспользовавшись замешательством, выхватил у одного из них подобие шокера. Малость, но хоть что-то, ни один из военных не рисковал приближаться к нам, а некоторые отступали. Я видела их испуганные глаза, но понимала, что боюсь с той же силой. Пожалуй, даже больше. Ведь они могут спрыгнуть вниз и спастись, а меня эта толпа убьет быстрее, чем падающие камни. Рей по-преж-

нему не двигался и стоял, раскинув руки. Камни приближались, хоть и падали странно медленно. Надо уходить отсюда.

Линкок проигрывал в драке, к тому же второй член Совета – с серебряным поясом, очнулся и принялся бить капитана ногами. Он кричал что-то женщинам, видимо заставляя их уходить. Я не понимала, почему они не могут просто убежать, раз уж перемещение по какой-то причине не происходит. Всё выглядело слишком странно. То, что происходило, для меня было необъяснимым. Первые маленькие камни коснулись помоста, и солдаты начали разбегаться в разные стороны, прыгивать вниз. Женщины всё ещё стояли на месте, закрывали головы руками, я видела ужас на их лицах.

– Рей! Надо уходить, скорее! – Франц нетерпеливо смотрел по сторонам, стараясь не поворачиваться в сторону Линкока.

– Да, – Рей опустил руки, и камни стали падать ещё быстрее, – вперёд!

– А капитан? – опять нам приходится кем-то жертвовать. – Мы ведь можем успеть помочь ему!

– Рина, это его выбор. Он сильно ранен, мы не сможем быстро уйти вместе с ним. Да и я не в состоянии больше сдерживать камни и Совет, я не хочу, чтобы они спаслись! Скорее! – Рей взял меня за руку и потащил за собой, а я всё оборачивалась и смотрела на капитана. Ни убегающие солдаты, в последний момент увернувшиеся от камней, ни погибающие члены Совета, ничто и никто не могли меня заста-

вить отвернуться. Я не готова увидеть смерть Франца, Рей или капитана, но готова принять свою. Почему мы не помогли ему? Почему бежим прочь? Надо было попробовать, он должен знать, что мы не бросили его, не предали. Франц первым спрыгнул с помоста, Рей спихнул меня ему в руки и сам спрыгнул следом. Туман. Перед глазами вставал белесый туман, искажающий мир, растворяющий его.

Когда я пришла в себя, мы пробирались сквозь толпу солдат. Они с ужасом смотрели на нас, некоторые отступали в сторону, чтобы пропустить, некоторых приходилось отталкивать. Мы удалились от разрушенного помоста, вместо которого теперь лежала груда камней, будто кусок горы обрушился на него. Я представила людей, раздавленных этими глыбами, пусть они были жестоки и причинили мне много боли, но вместе с ними там лежал и капитан. Я чувствовала, как мои глаза наполняются слезами, вот-вот и они прольются как из переполненной чаши. Рей всё ещё держал меня за руку и вел вперед, эта рука была вся в крови, и он сам весь тоже был испачкан кровью, я увидела это только сейчас. Липкая, грязная рука, спасшая меня и Франца. Мне хотелось вырваться и убежать подальше, не видеть этой крови, не помнить про капитана.

– Рей, как вы сделали это? – Франц спешил за нами, тяжело дыша.

– Переместил из другого мира. Не думал, что получится. Раньше только мелочь выходило перемещать.

– А Совет? Почему они не сбежали? Мне показалось, что они попытались, и ничего не вышло, женщины вообще не могли двинуться с места.

– И это тоже я. Воспользовался их методами против них самих. Помнишь, когда они поместили нас в тюрьму, то сказали, что заблокировали мои перемещения. Так вот я знаю, как это делается. Видел эксперименты и потихоньку, в тайне ото всех, тоже пробовал. Вот и пригодилось.

– Рей, но откуда такая сила?

– Это гены, Франц. Проклятые гены. А сейчас сработали эмоции. Раньше мне не хватило бы сил на такое. Но теперь мне есть за что сражаться, – в его голосе всё ещё слышалась ненависть и злость. Франц догнал Рея и посмотрел ему в лицо.

– Что теперь делать?

– Бежать! Снова бежать, Франсуа. Начнем всё сначала.

8.

После первой волны удивления, толпа очнулась и военные преградили нам путь. Мы стояли, окруженные тысячами солдат. Они ждали от нас чего-то, возможно, боялись. Но кто знает, как они поведут себя в следующую минуту – толпа непредсказуема. Рослый черноволосый солдат, ближе всех стоявший к нам, обратился к Рею.

– Командующий Рей, объясните.

– Я вам всё уже сказал. Совет обманывал нас всех долгие годы. Они не давали росткам нормальной жизни прорваться сквозь белые стены наших домов, они душили их на корню. Я сам был их оружием. Казнил, сажал людей в белый карцер. За что? Просто за контакты в других мирах, за необдуманные поступки, сквозь которые прорывалась человеческая природа. Я устал от такой жизни. Устал играть роль лучшего Палача, стратега. Мне здесь душно и тесно.

– Но вы сбежали, вы бросили нас! Это предательство!

– Он спасал Рину, меня и капитана, – Франц вступил в разговор, – нас хотели казнить. Казнить за то, что Рина вмешалась в бой. Но она не хотела ничего плохого, только остановить войну! В её мире нет бесконечных сражений, там люди живут по-другому, поэтому она была шокирована тем, как живём мы. Не судите её строго.

– Пусть сама говорит, – какой-то голубоглазый мужчина

вышел вперед.

– Да, я виновата перед вами. И перед собой, потому что стала причиной гибели Гальера, и... – ком слёз поднялся к горлу, я никак не могла произнести имя капитана, – и Линкока. Но я, правда, не хотела этого, я не знала, что всё повернется вот так. Ваш мир поразил меня до глубины души. И не только войной. У нас тоже случаются войны, – я не знала, что могу сказать в своё оправдание, – но редко, и всегда имеют веские причины. Мы не отгораживаемся от всего мира куполами, мы свободно путешествуем, общаемся, работаем. У нас есть семьи... Конечно, люди в нашем мире тоже разные. Но я знаю точно, что мы с вами внутри похожи. Мы все умеем чувствовать, у нас есть эмоции. И в жизни много всего, ради чего ещё можно жить, кроме войны. Вы не должны умирать! Вы можете выбирать свой путь, а не рисовать один и тот же каждый день! Ваши дети, растущие под присмотром нянек, могут обрести не только друзей и боевых товарищей, но и семью! Родителей. Они могут жить иначе. В вашем мире нет любви, только какой-то суррогат.

– Так вот какими речами вы сбили Рея с пути. Ваш мир другой, так и живите там! А теперь из-за вас наш мир и город будет разрушен, вы лишили нас будущего!

– Нет! Это не правда! – по глазам солдат я поняла, что они не верят мне, так и считают врагом, – посмотрите на меня, ведь я тоже лишилась всего. Всей своей жизни лишилась и не могу даже предположить, что будет со мной в следующую

минуту! Разве люди отказываются от всего просто так?!

– Рина, с ними бесполезно говорить. Тот, кто хотел услышать правду, всё давно понял. А остальным придётся погибнуть, – Рей снова раскинул руки и закрыл глаза.

– Стойте! Командующий! – Франц испуганно смотрел на старшего товарища.

– Пусть этот город будет уничтожен мной, чем кем-то ещё. Пусть и я погибну вместе с этим городом, вместе с солдатами, которых каждый день самолично отправлял умирать, – казалось, что всю накопленную обиду, всю злость и горечь своего существования Рей готовился обрушить на это белое пятно среди зеленого поля.

– У вас не хватит сил, вы же знаете это, – Франц умоляющее смотрел на Рея, солдаты опасливо расступились. Никто не решался нападать.

– Рей, остановись, – я тронула его за плечо. – Эти люди, как и я, ни в чем не виноваты. Оставь их. Давай просто уйдем отсюда. Это то, чего мы все хотели с самого начала. Ради капитана. Ради Франца. Пожалуйста.

Рей открыл глаза, опустил руки и посмотрел на меня, потом на всех вокруг. Под его взглядом многие солдаты опустили глаза. Я вспомнила, как и сама недавно не могла выдерживать его дольше пары секунд. Они все боялись бывшего Палача, без сомнений, даже несмотря на то, что их тысячи, а он – один. Рей снял с себя кардиган, надел на меня, обнял и поцеловал: долго, с удовольствием, на глазах у всех вокруг,

в знак протеста и как доказательство того, что я – действительно первопричина всех этих событий. А после обернулся к военным и безапелляционно произнес:

– Я больше не принадлежу вашему миру. Если хотите знать всю правду – идите в архивы, теперь никто вам не помешает разобраться во всем самостоятельно. А ещё лучше, загляните внутрь себя. Ни одни книги или архивные документы не смогут заменить вам тех знаний, которые можно получить, изучая самих себя. Будьте людьми, в конце концов. Не пытайтесь преследовать нас. Вы знаете, на что я способен. Вы всё видели.

Солдаты молчали, тихий шепот проносился по задним рядам. Мы снова пошли вперед сквозь полуразрушенные улицы белого города. Никто ничего не говорил нам, толпа раступалась. Так странно спокойно идти между этими людьми, одетыми в красивую синюю форму, и не бояться их. Я никак не могла понять, победили мы или проиграли. Не было ощущения триумфа или радости от освобождения. То боль от пережитых страданий и потерь закрадывалась в моё сердце, то сожаление о совершенных ошибках, но чаще – пустота. Будто из меня взяли и вытащили всё живое, осталась одна только оболочка, израненная, одетая в кровавый наряд. Опять этот цвет, красный на белом – мой взгляд опускался под ноги, и я видела полы платья, стелющиеся по белой мостовой, потом поднимала глаза и видела окровавленную руку Рея, крепко державшую меня. Невыносимо. Я с силой вы-

дернула свою ладонь.

– Рина? – Рей остановился и посмотрел на меня, – что с тобой?

– Кровь. Не могу видеть её. Наши руки в крови.

– Она давно уже засохла и свернулась, это просто грязь. Пойдем скорее отсюда, – Рей спешил, говорил быстро, отрывисто.

– Впереди должна быть площадь с фонтаном, если там осталась вода, то вы сможете вымыть руки, – Франц, на счастье, сохранил разум во всей этой неразберихе.

Мы пошли ещё быстрее, Рей как назло шагал очень бодро, я еле успевала за ним. Скоро, действительно, показалась площадь, на которой я когда-то уснула от изнеможения. После нападения на город, она осталась практически невредимой, и в чаше фонтана поблескивала вода, хоть сам он и не работал. Я побежала к чаше и опустила в неё свои руки, начала отчаянно их тереть, чтобы смыть засохшую кровь. Вода окрашивалась в красный цвет, и я старалась не смотреть на неё. Рядом опустился Рей и тоже стал отмываться, засучив рукава рубашки. Я вытащила руки из воды – они были чистыми, но вода – теперь и она стала кроваво-красной. Будто весь фонтан наполнен кровью, я безотрывно смотрела на эту красную жидкость, хоть и понимала, что вода не настолько грязная, не такая яркая, но моё воображение рисовало жуткие густые потоки. Голова резко закружилась, меня скрутило и начало тошнить. Горечь подступала к горлу и рвалась

наружу, слезы выступили на глазах.

– Что с Риной? – Франц испуганно вскрикнул и бросился ко мне, но Рей был рядом и опередил его. Он положил мокрую руку мне на лоб и придерживал другой рукой, чтобы я не упала.

– Ей плохо. Думаю, что это от переживаний.

– Кровь, Рей. Тут всё в крови, весь фонтан полон, – я еле могла говорить, тошнота никак не отступала, перед глазами всё плыло.

– Уйдем отсюда, скорее. Франц, помоги мне, – они взяли меня под руки, и повели прочь от этого ужасного места. Но мне не становилось легче, ко всему прочему ещё добавился какой-то низкий гул, который с каждой минутой нарастал. Я закрыла глаза и помотала головой, чтобы прогнать этот звук. Но он становился всё сильнее. Мы остановились, кто-то поднял меня на руки и понёс дальше. Моих сил уже не хватало даже на то, чтобы открыть глаза, но по пробившемуся сквозь пелену тошноты запаху древесной коры я поняла, что это – Рей. Несет меня, вместе с украденной им моей жизнью, прочь из этого ада.

Когда я очнулась, мы сидели на ступенях полуразрушенного дома, голова моя лежала у Рея на коленях. Гул никуда не пропал, и сначала я подумала, что это гудит у меня в голове, но прислушалась и поняла, что звук исходит откуда-то сверху. Франц бежал с противоположной стороны улицы, неся что-то в руках. Это была еда и вода – спасение для

меня, да и для нас всех. Я села и немного потянула спину, всё тело закаменело и болело. Оглядевшись вокруг, я поняла, что мы почти вышли из города, в конце улицы виднелось зеленое поле.

– Как чувствуешь себя? – Рей внимательно смотрел на меня, будто проверял, всё ли на месте.

– Уже лучше, спасибо. Это было какое-то помутнение, я не могла справиться с собой.

– Неудивительно, увиденное, наверняка, шокировало тебя. Не каждый день наблюдаешь, как кого-то убивают. Да ещё и множество перемещений в предыдущие дни, карцер. Ты отлично держишься для женщины из другого мира, – Рей явно пытался меня приободрить, выходило неловко и довольно прямолинейно, но я всё равно была ему благодарна.

– А вот и еда! – Франц с улыбкой протянул нам фрукты, печенья и воду, – это всё, что мне удалось найти в этих разрушенных домах. Такое ощущение, что никто не занимался разборами завалов и восстановлением. Всё брошено.

– Восстановление обычно начинают с центральной части, сюда просто не успели добраться. И теперь уже не доберутся, – Рей кивнул куда-то вперед и вверх. Я подняла голову и увидела серебристые длинные цилиндры над центральной частью города – это они гудели.

– Что это? – я указала на летающие объекты, назвать самолетами их нельзя, дирижабли? Тоже нет. Просто летающие цилиндры.

– Это конец, – Рей отвернулся от города.

– Мировые Советы готовятся уничтожить город, как большую клетку в теле, – Франц вздохнул, и мне показалось, что в его глазах стоят слезы, – там остался капитан. Теперь он будет там похоронен.

– Он напоминал мне отца, – снова стало тоскливо, и в груди что-то заныло, я опустила голову и посмотрела на огрызок яблока и видела в нем огрызок, который остался от моей прежней жизни. Я замахнулась и выбросила его. – Что будет с солдатами?

– Скорее всего те, кто послушал нас, успеют уйти. Они не хотят принимать свою гибель. Их отловят и накажут, конечно же. А те, кто может – успеют переместиться. Но их меньшинство.

– Как же так? Мы не можем им ничем помочь? – я никак не могла принять тот факт, что столько людей будут безжалостно убиты, даже уничтожены.

– Помочь можно только тем, кто хочет помощи, – голос Рея заглушили взрывы. На город начали сбрасывать бомбы, они разрывались с оглушительным грохотом, вспыхивали и снова падали. Белые небоскребы рушились, до нас доходили взрывные волны, как ветер. Мы спешно поднялись и почти бегом двинулись к концу улицы.

– Рей, там же дети! – я остановилась посреди дороги и повернулась к небоскрегам.

– Детей давно забрали, никто даже в этом мире не допу-

стит, чтобы они погибали из-за глупости взрослых. Почти никто. Их вырастят в других городах. Бежим, Рина!

И мы побежали. Вокруг лежали белые пыльные руины, а скоро не останется ничего. Я понимала, что Рей говорил про своего отца, жестоко отбравшего своего наследника, безжалостно отбраковывая тех, кто не подходил по способностям. Смог ли он простить его, самолично лишив жизни?.. Теперь уже всё равно, город и всё, что было, вся его история – превратится в пыль. Как будто и не было никогда Совета, Гальера, тысяч солдат в красивых синих мундирах. Но мы будем помнить капитана Линкока, мы будем помнить всё, и в нашей памяти город будет жить, но далеко за пределами настоящего.

Задыхаясь от пыли, поднимавшей от взрывных волн, мы выбежали за городскую черту и продолжали бежать через испещренное воронками поле. В тот момент, когда мы достигли реки, над городом занялось красное зарево – он полыхал. Красивое зрелище. Кое-где из города выбегали солдаты и тоже направлялись к реке, но их было мало, может, один из пары сотен спасался.

– Мы разрушили этот мир. Наш мир. Наш город, – Франц, не отрываясь, смотрел на зарево, поднимающееся над разрушенным городом. Мимо нас пробежала пара солдат, я проследила за ними взглядом – не доходя до реки, они пропали, перенеслись в другие миры.

– Да. Но если бы мы не сделали этого, то этот мир разру-

шил бы нас. А если не мы, то нашелся бы кто-нибудь другой, кто сделал бы то же самое, – Рей снова выглядел спокойным, в некоторой степени удовлетворенным.

– Что же теперь делать? Нам некуда идти и... – Франц с удивлением посмотрел на нас с Реем, – вернуться в мир Рины мы не можем, наверняка, нас попробуют искать там. Теперь мы преступники мирового масштаба.

– Путешествовать, Франц. И надеяться на то, что желающих становиться преследователями не найдется. Раз мировые правители допустили, чтобы мы остались живы и смогли покинуть город, значит, будем считать это освобождением от нашей вины.

– И куда мы отправимся? – я посмотрела на Рея, на растянутые верхние пуговицы его рубашки, на запыленные волосы и решительное лицо. Всё же я не ошиблась с выбором, это совершенно точно, чтобы я ни думала до этого.

– А куда ты хочешь, Рина? – он без стеснения, совершенно свободно и легко приобнял меня, чем снова смутил Франца. Я задумалась, мне неизвестно, сколько существует миров, какие из них опасны, а какие – нет. В этот момент с реки подул прохладный ветер, и я поняла, куда хочу переместиться.

– К морю. Я хочу к морю. Помнишь, Рей?.. Когда мы убежали в первый раз?

– Франсуа, как вы смотрите на то, чтобы увидеть море? Возможно, даже искупаться в нём? – Рей взглянул на расте-

рянного юношу, улыбнулся каким-то своим мыслям. Франц пожал плечами, и отвернулся от города.

– С вами я готов отправиться куда угодно.

Рей закинул руку ему на плечи, второй держал меня. Мы шли вперед, по зеленому, изрытому осколками полю. За нашими спинами горел город, горело прошлое. А впереди была неизвестность. Чистый лист, на котором мы начнем рисовать свои пути. Снова. С самого сначала. Краски тускнели, всё закружилось, и через секунду я ощутила теплый морской ветер и соленый запах моря.

Я долго шла вперед и всё никак не могла добраться до кромки воды, будто она удалялась по мере того, как я приближалась к ней. Внезапно берег кончился, и кончилось вообще всё вокруг. Перед моими глазами возникла темнота и только легко дул морской ветер. Я проснулась. Именно так, это ощущение ни с чем нельзя перепутать. Открывать глаза было очень страшно, где я окажусь? Сделав глубокий вдох, я решила приподнять веки. Вокруг меня снова белые стены, из открытого окна светило яркое солнце, ветер раздувал белые же шторы. Я лежала на кровати, укрытая белым одеялом и рядом со мной кто-то был. Осторожно повернув голову в сторону, я увидела того, кого меньше всего ожидала увидеть – капитан Линкок, странно молодой, без густой длинной бороды. Он должен быть мёртв! От испуга я закричала и – снова проснулась!

В этот раз открывать глаза я не спешила. Что происходит? Неужели все недавние события – это всего лишь сон? Сон во сне? Нет, этого не может быть. Всё, что случилось со мной абсолютно реально, это правда. И Рей, и Франц, и гибель капитана, убийство Судьи, другие миры – они реальны. Продолжая лежать с закрытыми глазами, я рукой ощупала себя – вот нога, теплая; рука всё ещё забинтована, шевелить ей больно. Волосы короткие, значит, я точно не сплю. Как же трудно заставить себя открыть глаза. Я снова и снова прислушивалась к окружающим звукам – где-то очень далеко шумело море, ветер шевелил шторы – мне было слышно, как они тихонько шуршат. Рядом со мной кто-то дышал спокойно и очень тихо – этот человек совершенно точно спал.

Медленно я открывала глаза – неяркий свет утреннего солнца освещал небольшую комнату. Никакого белого цвета. У меня вырвался вздох облегчения. Высокий потолок с темно-коричневыми деревянными балками, стены отделаны светлыми панелями, легкие голубые шторы, сквозь которые проникают солнечные лучи. Не в силах побороть волнение, я повернулась в сторону человека, лежащего рядом, и старалась не смотреть на его лицо. Раз – вдох, два – выдох, три – вдох. Рядом со мной мирно спит Рей. Длинные черные волосы, спокойное выражение на лице. Осторожно касаюсь его рукой – он настоящий. Всё, что было – правда. Сомнений быть не может. Рей открыл глаза и посмотрел на меня внимательно:

– Солнце только встало, почему ты не спишь?.. – я слышу его шепот совсем рядом и всё равно не могу до конца поверить в то, что этот голос реален.

– Мне приснился странный сон. Я проснулась не здесь, а снова в белых стенах. И рядом был не ты, а капитан... Почему? – продолжаю смотреть на Рея, мне кажется, будто я вижу его впервые. – Это не сон. Ты реальный...

– Конечно реальный! И ты тоже. Отдыхай, – Рей улыбается мне, осторожно кладет свою руку на мою голову и склоняет к подушке. – А капитан... Это не твоё прошлое, но тоже часть твоей истории. Не думай об этом...

Я ложусь, Рей придвигается ближе, обнимает крепко и жарко... Даже если всё это мне снится, я не хочу, чтобы этот сон заканчивался и, пожалуй, не хочу знать чужое прошлое, даже если оно часть моей истории.

Эпилог.

Сохранившиеся записи из дневников Анны – матери пропавшей девушки.

«...Передо мной лежит в кроватке крохотная девочка, моя дочь. Я никогда не могла подумать, что такое случится. У меня получилось выносить и родить ребенка. Но сейчас, глядя на это маленькое дитя, я понимаю, что всё правильно. Всё так и должно быть. Мужчина и женщина, их дети. Семья. Мы будем растить эту девочку в любви. Я научу её тому, что нужно искать свой путь, что не стоит подчиняться внешней воле и обстоятельствам. Она обязательно найдет своё место в этом мире и будет счастлива...»

«... Чем старше становится моя дочь, тем чаще я представляю её взрослой женщиной. И тем чаще вспоминаю себя молодой. Да, я прожила слишком много. Гораздо больше, чем живут люди в этом мире. Каждый день я смотрю, как растёт моя девочка, как заботится о ней её отец, мой муж. И представляю на его месте другого человека. Всё чаще мысли возвращают меня в прошлое.

Если бы всё сложилось иначе, если бы наш мир был другим. Если бы нам удалось сбежать вместе... Это могла бы быть наша с ним дочь. Мой муж не знает ничего о моём на-

стоящем прошлом. И я могу рассказать о нём только здесь, в своем дневнике. Дневник – вынужденная мера, от навязчивых воспоминаний мне кажется, что я схожу с ума. Мне не с кем поделиться этим. Прошло так много лет, а я до сих пор не могу смириться с потерей...»

«...Когда моя дочь будет готова, я хотела бы рассказать ей всю правду про себя. Я хочу, чтобы она знала, что её мать не из этого мира.

Я попала сюда не по своей воле. Моё присутствие здесь – наказание. За любовь. За веру в другую жизнь. За нарушение правил. Жизнь в этом месте и, правда, становится для меня невыносимой. Одна отрада – дочь и воспоминания. Наверное, стоит написать здесь всё. На тот случай, если я не смогу или не успею рассказать.

Мои воспоминания, моя прежняя жизнь остались в другом мире. Однажды, будучи совсем ещё молодой девушкой, я повстречала военного. До него я видела многих, но ни один из них не удостоился моего пристального внимания. Взгляд этого мужчины не был пустым и направлялся прямо ко мне в сердце. Ради него я отказалась от своей работы и долгое время прикрывалась должностью прислуги. Но это было самое лучшее время в моей жизни. Мы с ним были как муж и жена и открыли столько неизвестных нам до этого момента чувств и эмоций: не только товарищество, помощь, поддержка и забота. Что-то более теплое, более важное было между

нами. Намного позже я узнаю, как называть это чувство – любовь. Он был дорог для меня. Каждый день, провожая его на поле боя, я боялась, что он не вернется, и я больше не смогу видеть его глаза и прикасаться к нему.

И с каждым таким днем, проведенным вместе, росла моя ненависть к моему миру – холодному и пустому, глупому и бессмысленному. Мы вынужденно скрывали свои отношения, боялись быть раскрытыми. Мы жертвовали всем только ради того, чтобы быть людьми. Чтобы испытывать естественные чувства. Но так не могло продолжаться долго, да и мы понимали, что наше время не бесконечно. Нас раскрыли. И это было ужасно. В тот момент каждый подумал, что лучше умереть, чем расстаться. Но наш мир не мог обойтись с нами так хорошо. Нас мучили, издевались, вырывая признания в самых страшных грехах, они хотели заставить нас отказаться от самих себя и от нашей любви. Возможно, у них получилось бы. Если бы не один человек.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Палач. Я знала, чем он занимался, видела его – холодный, отстраненный взгляд, скрытая сила. И тем больше было моё удивление. Он помог нам. Как мог и как умел. Вот так я оказалась здесь, в этом мире. Спрятана от правосудия. Он обещал мне, что с моим возлюбленным всё будет хорошо. Мне не оставалось ничего – только поверить и принять свою судьбу.

Дорогая моя дочь. Если ты когда-нибудь прочтешь эти строки, то запомни одно – любой мир жесток. Но самое важ-

ное – что у тебя внутри, чем ты живешь и за что борешься, к чему стремишься. Пожалуйста, найди свой путь. Будь смелой, будь собой. Никогда не отказывайся от того, во что веришь. И если тебе встретится человек, рядом с которым тебе будет спокойно, в котором ты будешь уверена, – не отказывайся и от него тоже. Не повторяй моих ошибок.

Страшно прожить большую часть жизнь вдали от родного мира, но гораздо страшнее каждый день просыпаться с мыслью, что отказалась от самой себя.

Никогда уже я не увижу человека, который должен был стать отцом моих детей. Моего любимого, не побоюсь написать эти слова здесь. И ты никогда не сможешь узнать его. Но пусть моя история, даже такая краткая, станет началом другой истории. Твоей. Счастливой...»

«... Я перечитывала свои записи. Хотела сжечь их. Но мои руки отказываются делать это.

Мне осталось написать только одно. Стать смелой и оставить здесь не только свои мысли, но и имя того человека, которого я продолжаю любить. Имя, под которым он остался там, в моём настоящем мире, один. Капитан Линкок.»

Неофициальный комментарий следователя.

Обгоревшие записи из дневников Анны были найдены в тайнике квартиры, принадлежавшей пропавшей девушке.

Она уехала в отпуск, но так и не вернулась. Коллеги заявили в полицию, но поиски ничего не дали. На её домашний адрес пришёл посылкой чемодан с вещами, но без документов. Внутри была только записка с именем – Рина. Никаких улик, объясняющих её исчезновение, обнаружено не было. Последний раз девушку видели в небольшом городке далеко отсюда, куда она отправилась в отпуск, в гостинице. Поиски шли несколько дней – были прочесаны яблоневые сады вокруг городка, поле и лес, дно реки. Кто-то из жителей говорил, что видел похожую девушку в усадьбе недалеко от города с каким-то мужчиной. Спустя несколько дней её подвозил до гостиницы водитель грузовика. Она была странно одета, босая, говорила, что потерялась. Но с памятью всё было в порядке – администратор гостиницы подтвердила это. Этим днём позже её видели на лавке в парке, но достоверных сведений о том, что это была действительная пропавшая девушка, у нас нет. Больше никаких следов и свидетелей обнаружить не удалось. Она просто исчезла, оставив после себя только чемодан на почте и брошенную квартиру.

Записи из дневников были приобщены к делу о пропаже, но скорее всего не имеют никакого отношения к этому случаю. Сейчас дело прекращено за давностью лет и за отсутствием состава преступления.

Часть третья. Надежда.

Каждую ночь я жду рассвет. Жду первого луча солнца, который разбудит меня, ворвется в ночную тьму и разгонит её. Иногда, когда мне не спится, я лежу на кровати с закрытыми глазами и считаю секунды. Их в моей жизни было настолько много, что мне больше не хочется долго спать. Мне хочется действовать. Но, когда первый солнечный луч освещает белые стены моей комнаты, я ловлю себя на мысли, что хочу сбежать отсюда и не готов просыпаться.

Каждый мой день похож на предыдущий, впрочем, как и ночи. Я встаю со звуком общего будильника, быстро принимаю душ, завтракаю и, надев форму, выхожу на улицу. Я отправляюсь вместе со всеми людьми, живущими в моем городе, воевать. С жителями других городов, с жизнью. Но так было не всегда. Когда-то очень давно я был совсем другим человеком. Когда я вспоминаю про него, другого меня, то вижу кровь на своих руках. Её невозможно смыть, поэтому я прячу свои ладони в карманы кардигана или брюк. Каждый день и каждую ночь я пытаюсь забыть прежнего себя.

Изменить мир в одиночку невозможно. Особенно, если этот мир живёт по своим законам сотни лет, если миру нет смысла меняться. Но всегда можно изменить самого себя. Хотя потаенные уголки памяти не дадут мне забыть прошлое никогда. Оно преследует меня лучами солнца, звуками голо-

сов, лицами людей. И, боюсь, я не смогу этого изменить.

1.

Сквозь сон слышу, как по городу разносится звук утреннего горна. Значит уже рассвет. Хорошо, что мне не надо подниматься так рано и идти на фронт вместе с остальными военными. Вчера был очень трудный день и мне нужен отдых. Ведь сегодня нужно продолжить начатое. У меня болят глаза и руки, если я посплю ещё пару часов, то боль, скорее всего, пройдет и можно будет вернуться к своей работе.

Закрыв глаза, я проваливаюсь в темноту и засыпаю. Мне никогда не снятся сны, и всё чаще я думаю, что это к лучшему. Не хотел бы я видеть взгляды людей, смотрящих на меня с ужасом или ненавистью, ещё и ночью. Мне хватает их днём. Эти преступники не заслуживают того, чтобы о них помнили.

Я едва успеваю насладиться сном, как слышу настойчивый и громкий стук в дверь. Она распахивается. Нехотя открываю глаза и поднимаюсь в постели. За окном уже ярко светит солнце, отражаясь от белых стен. В дверях стоит Судья – высокий старик с седыми волосами и такими же черными глазами как у меня. Он – мой непосредственный командир.

– Рей! Сколько можно спать?! Мы ждали твоего отчета с самого утра, а ты валяешься в постели чуть ли не до полудня! – Судья стоял и кричал на меня с ненавистью в голосе, с

дикой злобой. Мне захотелось зашвырнуть в него подушкой или чем-то потяжелее. Неожиданное ощущение.

– Я устал, вчера было много работы, – я постарался говорить как можно спокойнее. Не стоит портить отношения с членом Совета.

– Твоя работа не окончена, отдохнешь после того, как всё доделаешь. Мы ждем тебя с отчетом через полчаса. Не опаздывай.

Судья вышел, захлопнув за собой дверь. Я протер глаза и поднялся с постели. Вокруг – привычная белая комната. Кровать, окно, шкаф с одеждой, стол и пара стульев. И зеркало, большое, во весь мой рост. Люблю смотреть на себя в него и видеть безупречность в своём костюме. Я должен быть идеальным. Чтобы люди боялись меня, чтобы никто не мог даже допустить мысль о том, что я могу ошибаться. Палач не имеет права быть другим. Моя одежда уже готова и ждёт меня на вешалке в шкафу, но я не спешу одеваться. Сначала нужно посмотреть в окно и убедиться, что день такой же, как и всегда – солнечный и яркий.

Я подхожу к окну и смотрю сквозь него на высокие белые башни. Моя комната находится в главной башне, на одном из последних этажей. Здесь практически невозможно встретить обычных жителей и мне нравится это. Я люблю одиночество. Солнце отражается от белых стен, и далеко внизу я могу различить белые крыши крошечных домиков, в которых живут военные. Сейчас город пуст, все воюют где-то за его преде-

лами. Но я знаю, что среди этих прекрасных белых домов притаилась грязь. Яркие пятна грязи, которые оставляют за собой люди, усомнившиеся в правилах, которые решили, что они хитрее и умнее Совета. Но скоро приду я, Палач, и вместо грязи на белых стенах появятся ярко-алые пятна крови. Порядок будет восстановлен, но эти пятна будут напоминать каждому жителю, что есть смерть пострашнее той, которая охотится за ними на поле боя. Смерть от моей руки.

Пора собираться. Я быстро принимаю душ и надеваю свою рабочую форму – черные брюки, высокие кожаные сапоги, мягкие и тихие. Никто не должен слышать моих шагов. На моей груди полно шрамов, пока застегиваю белую рубашку, каждый раз смотрю на бледные рубцы – отметины всех преступлений, за которые я наказываю людей. Никто не хочет погибать, никто не хочет признавать свою вину и за это они ненавидят меня, – кидают ножи, стреляют, бьют осколками посуды. Женщины пытаются разорвать мою грудь руками, будто бы надеясь достать до сердца. Я позволяю им испытать в последние минуты жизни наслаждение своей мстостью, а заодно понять, что есть сила гораздо более великая и грозная, чем сила тех чувств и мыслей, которыми они пытаются оправдаться. Но я не хочу видеть эти шрамы постоянно, не хочу, чтобы кровь и грязь от этих людей попала на меня, поэтому застегиваю рубашку до самой последней пуговицы. Белая рубашка. Как и наш мир, она должна быть чистой, незапятнанная.

Снимаю с вешалки белую накидку и надеваю. Под ней не видно ничего – ни моих черных сапог, ни брюк, мои руки скрыты под ней, а на голову я надена белый капюшон. Опущу его пониже, чтобы никто не мог разглядеть мои длинные черные волосы и такие же глаза. Смотрю на себя в зеркало и вижу привычную картину – только белая накидка и ничего больше. Идеально. Ну что же, теперь можно отправиться на встречу к Совету, а потом по своим делам. На последнем задании я узнал кое-что и это тревожит меня. Надо зайти в архивы и проверить информацию. Да, я иду против самого себя и своих убеждений, но слова, сказанные одним преступником, никак не идут из моей головы.

За дверью комнаты большой коридор, выложенный белыми мраморными плитами. Я шагаю по ним бесшумно и легко, полы накидки скользят по холодному камню. Спустя минуту попадаю в круглый холл с лифтами и поднимаюсь на десяток этажей в зал Совета. Перед большими двустворчатыми дверьми стоит охрана в черном. Даже они не поднимают на меня глаз и молча пропускают внутрь. Все пятеро членов Совета сидят за круглым столом и тихо что-то обсуждают. Когда я прохожу внутрь, и двери за мной закрываются, они поворачивают свои головы в мою сторону и внимательно смотрят – я знаю – они ждут, когда я сниму капюшон, таковы правила.

– Приветствую вас, Совет, – я не хочу снимать капюшон, каждый раз эти люди сверлят меня своими глазами, а я устал.

– Добрый день, Рей. Снимите капюшон, пожалуйста. Что с вами? – женщина, одетая в белое платье с розовым поясом смотрит на меня пристальнее других. Элен. Таково её имя, которым она представляется.

– Всё нормально, просто я устал. А Судья не дал мне выспаться.

– Что за детское оправдание! Вы нарушаете правила! Прекратите это дурачество, вы серьезный человек, – она переходит на повышенные тона, и я снимаю капюшон. Странно, но сегодня я испытываю нелогичное раздражение от этих людей.

– Рей, похоже, вы не в себе? Это последнее задание так на вас повлияло? Что происходит? – в разговор вступает один из ключевых людей в нашем государстве, мужчина моего возраста, блондин, носящий золотой пояс.

– Морт, всё хорошо, – я обратился к нему по имени, чтобы показать им всем, что я тоже власть и сила. Я знаю, что они боятся меня, хоть и не показывают этого.

– Да что с вами сегодня? – Элен широко раскрыла глаза, и я видел в них страх, мне нравилось видеть страх в её глазах. Ничего, я завершу своё задание, и никто не помешает мне отдохнуть.

– Я устал, повторяю ещё раз. Судья разве не передал вам? Вчера был очень сложный день. Вы же знали прекрасно о том, что дело, которые вы мне поручили, не самое простое. Я потратил месяц на наблюдение и вычисление преступников.

Но они были готовы. Мне было очень нелегко сделать всё тихо и красиво. А сегодня вы заставляете меня подниматься с постели в такую рань и рассказывать вам то, что вы и так уже знаете.

– Вы Палач! И обязаны выполнять то, что вам говорят. Если вы устали, то можете уйти с этой должности, – Морт улыбнулся какой-то отвратительной улыбкой, от чего его довольно красивое лицо, становилось противным, как кишки, выпущенные наружу, – вы же знаете, как уходят Палачи. Вечный покой...

– Знаю. Но не думайте, что я уйду точно так же как все предыдущие. Пока не нашелся Палач лучше меня. Поэтому вы нуждаетесь во мне. А значит, позвольте мне отдохнуть. Но для начала я завершу то дело, которое мне поручено, – я знал, на что нужно давить. В нашем мире давно не рождался человек с такими же способностями как у меня, настолько сильными и перспективными. Да и знал я слишком много про каждого из них и про всю военную элиту. Совет не сможет без меня поддерживать порядок среди населения. А времена беспокойные во всем мире. Люди по всем городам отказываются воевать, нарушают правила, проявляют слишком много эмоций и интереса к другим мирам, к другому образу жизни. Пока удастся вернуть всё на свои места и воспитать новое поколение, кто-то должен помогать Совету убирать грязь, затыкать рты несогласным.

– Вот и славно. Тогда рассказывайте. Отчет за вчерашний

день, – все члены Совета и Судья, в том числе, обернулись ко мне и впились своими глазами в моё лицо.

– Вы уже знаете, что за месяц наблюдений я обнаружил, что командир Льен имел связь с женщиной из архивов по имени Анна. И не просто имел связь. Она под видом служанки проживала в его доме. Проще говоря, они устроили некоторое подобие семьи. Порочное сожитительство. Они не только делили быт, постель, но и планировали дальнейшую совместную жизнь. Детей. Если бы я не успел вовремя, то через некоторое время они просто сбежали бы, втянув в свою грязную авантюру человека со способностями к перемещению.

– Да-да, мы в курсе предыстории. Продолжайте, – Морт махнул рукой и снова стал внимательно изучать меня взглядом.

– Вчера ранним утром, ещё до рассветного гудка, я вошёл в дом командира Льена. И обнаружил его с этой женщиной в спальне. Они не оказывали никакого сопротивления. Я озвучил им обвинения. И тут командир бросился на меня с обычным кухонным ножом. Мои сопровождающие отреагировали моментально, но вы же знаете, что командир воспитан как подрывник. Нападение с ножом было обманом – он заранее подготовился и мои сопровождающие, выбежав вперед, наткнулись на установленные мины. Конечно, от них мало что осталось. Да и комната пострадала очень сильно, мы все могли погибнуть. Я спасся только благодаря своим способностям, вовремя переместился. Захват пришлось осу-

ществлять в одиночку. Из-за шума взрыва, к дому командира сбежались военные, – свидетелей было слишком много. И настроены они были не против командира, а против меня. Если бы не белый плащ, забрызганный кровью и женщина, удерживаемая мною, боюсь, всё закончилось бы не так хорошо.

– Почему вы не переместились с ними двумя сразу в тюрьму? – Судья был зол.

– Не смог. Кто-то поставил блок на перемещения внутрь башенных стен. Поэтому мне пришлось идти ранним утром через весь город с двумя преступниками в грязной накидке. Я рисковал показать своё лицо, рисковал потерей преступников. И да, я устал.

– Мы разберемся с этой ситуацией. Продолжайте свою работу, – Морт отвернулся от меня и все снова тихо заговорили.

Я понял, что мне пора уходить. Чертов Совет, они плетут какие-то свои интриги. Не удивлюсь, если блокировку поставили они, чтобы избавиться от меня. Последнее время всё больше вот таких осечек происходит во время моих заданий. Я стал мешать им, потому что они теряют моё доверие, потому что слишком часто бываю в других мирах и могу сравнивать. Но я верю в наш мир, верю в то, что мы делаем всё правильно. Хотя... Уверен ли?

2.

Я вышел из зала Совета и зашел в лифт, нажав кнопку «вниз». Спуск предстоял долгий и я, повернувшись к прозрачной стене лифта, смотрел на небоскребы и думал. Этот командир Льен интересная личность. Несмотря на своё преступление, он продолжал исправно служить нашему городу. Он прекрасный военный – под его командованием части подрывников одерживали победу за победой, его тактика была безупречна. Почему он решился пойти против системы, против правил, – он мог бы спокойно жить и подняться по службе до немыслимых высот, иметь колоссальные возможности. Но он выбрал эту женщину. Он спал с ней в одной постели! Отвратительно. Ничего более отвратительного я не могу себе представить. Я никогда не подаю никому руки, вообще стараюсь избегать прикосновений. Ничего кроме грязи нет на чужих руках и телах. А если это тела мужчины и женщины, занятые тем, что касаются друг друга или – что ещё ужаснее – совокупляются... От этих мыслей тошнота подступала к моему горлу. Это всё грязь. Дети должны рождаться чистыми – такими, какими мы хотим их видеть. И не из тела женщины. Это опасно, выглядит жутко и совершенно не нужно нашему обществу.

Но Льен... Солдаты, которыми он командовал, отзывались о нём очень хорошо. У него идеальная репутация. И

вдруг такое. Он кричал что-то про любовь, про жертву. Предстоящая работа будет тяжелой. Очень. Я испытываю непонятную симпатию к этому человеку, хоть и понимаю, что он преступник. И я бы сам никогда не смог решиться на такой поступок, на который решился он. Конечно, в правящих и военных верхах происходит всякое и на разовые связи с женщинами все закрывают глаза. Но жить вместе с женщиной постоянно, планировать будущее. Это уж точно слишком. Никто не позволил бы себе такого даже из тех, кто имеет власть.

Неожиданно мне вспомнилось, что я собирался в архив. Нажав на кнопку «стоп», я отправил лифт на первый этаж. Сначала мне нужно кое-что уточнить, а потом можно заняться пленниками. Улица встретила меня свежим ветром и ярким солнцем. Мимо меня по дорожкам проходили женщины в легких платьях, ведущие группы детей. Все они расступались при виде моего белого плаща и опускали головы. Раньше я наслаждался такой реакцией, чувствуя свою власть и силу. Но сегодня мне было неприятно видеть эти опущенные головы. Это от усталости, вчерашний инцидент заставил меня понервничать. Этот Льен ответит за всё, даю себе слово. Как бы он ни был мне интересен, я не позволю этому интересу помешать мне наказать его. Я свернул к архивам и тут порыв ветра сорвал с меня капюшон. Кто-то из группы детей, идущей мне навстречу, вскрикнул, и я увидел взгляд мальчишки лет десяти, у него были красивые пшеничные воло-

сы и яркие голубые глаза. Он смотрел на меня без страха, а с удивлением и восхищением. А я не мог выдержать этот взгляд. Мне стало страшно и стыдно. Стыд! Я испытал стыд перед этим мальчишкой, за свои руки, испачканные в крови по самые локти, за все свои страшные деяния. Меня бросило в жар. Никогда я ещё не испытывал таких чувств. Почему? Что такого в этом детском взгляде? Воспитательница быстрыми мелкими шагами подошла к мальчику и наклонила его голову вниз, тихо прошептала:

– Это Палач, нельзя смотреть на него. Опустите голову! – мальчишка послушно опустил голову, а воспитательница продолжила, не поднимая глаз, – простите его. Он немного странный. Просто ветер сорвал ваш капюшон, вот и...

– Оставьте его. Он всего лишь ребенок, – мой голос прозвучал спокойно и я как будто услышал себя со стороны. – А я всего лишь человек.

Что со мной происходит? Почему я говорю с этими людьми, я ведь не имею на это никакого права, как и стоять здесь без капюшона. Моё лицо могут видеть только члены Совета, командующие армией и преступники, кроме них – только работники архивов. Неужели я теряю сноровку и, как и все предыдущие палачи, становлюсь обычным человеком, а в худшем случае преступником? Стоит ли в таком случае идти в архивы, чтобы разобраться в тревожащей меня истории, не сделает ли это хуже? Я продолжал стоять рядом с группой детей, ветер шевелил мои волосы, и я никак не мог

принять решение. Накинув капюшон, я почувствовал некоторое облегчение. Легкими шагами я уносил себя подальше от этих детей и от своих тревожных мыслей. Даже если всё подтвердится в архивах, я не должен совершать необдуманных поступков. Надо сохранять спокойствие и хладнокровность.

В архиве меня встретила приятная старушка и записала запрос на документы двухсотлетней давности. Через неделю подборка будет готова и расшифрована для меня. Статус Палача поможет мне оставить этот запрос в тайне. Ну а теперь можно перейти непосредственно к своим обязанностям. Я вышел на улицу, сжал левую руку и моментально перенесся в тюрьму. Не хочу больше сталкиваться ни с кем на улице, стоит потратить немного сил и здоровья ради спокойствия.

Перед входом в камеры меня ждал Судья. Его лицо, как и всегда, было непроницаемым и только по голосу можно было понять, что он зол и раздражен:

– Рей, ты сегодня специально везде опаздываешь?

– Какая разница, когда мы начнем работу? Пусть командир и его женщина подождут ещё немного, может быть станут сговорчивее. Ожидание наказания иногда хуже, чем само наказание.

– Учти, что мы не можем проявить к ним никакого снисхождения. Ты займешься женщиной, для неё приготовлена камера в белом карцере. А я поговорю для начала с командиром Льеном. Дальше посмотрим, – Судья открыл дверь,

ведущую к камерам, и жестом пригласил меня пройти первым. – У тебя полная свобода действий, Рей. Мы верим в то, что только ты сможешь добиться нужных результатов.

– С ней работать до конца? – я уже предвкушал интересную работу.

– Нет, конечно, нет! Эти двое слишком интересный случай, чтобы вот так быстро разобраться с ними. Карцер только начало...

– Понял.

Мы молча прошли по коридору между камерами, в противоположном конце помещения, в левой камере сидел на полу Льен, а справа – его женщина. На них были белые балахоны, лицо женщины, Анны, было заплакано. Она выглядела жалко. Судья открыл дверь её камеры ключом и двое сопровождавших нас солдат в черном вывели её. Она не сопротивлялась. А Льен встал и подошёл к своей решетке – он был высоким, широкоплечим мужчиной, я знал из его биографии, что он чуть младше меня. Вчера его лицо было гладковыбритым и свежим. Яркие карие глаза смотрели браво и гордо, а сегодня по подбородку пробивалась жесткая щетина, и он весь был каким-то помятым.

– Накажите меня, не трогайте Анну! – Льен почти кричал через решетку, как же низко он пал. – Вы не можете так поступать с ней.

– Льен, вы же знаете наши правила. Не играйте в глупца, – Судья снисходительно улыбнулся ему.

– Не отдавайте её этому извергу! Только не Палачу! – командир дергал решётку, как загнанный зверь. – Оставьте её! Оставьте!

– Прекратите кричать, не надо было нарушать правила, и тогда вашу женщину никто бы не тронул. Вы поддались слабости, наслушавшись сказок о других мирах. Вы предали наш мир. Предали себя и своих товарищей. Успокойтесь и примите своё наказание с достоинством, – Судья махнул мне рукой и я молча вышел за дверь, за мной шли солдаты и вели заплаканную женщину. За спиной я слышал ругань Льена. Да, он пал слишком низко.

Мы вышли в белое полукруглое помещение. По стенам располагались белые двери, а за ними – карцеры. Абсолютно белые комнаты, в которых никогда не наступает темнота. Одна из самых суровых пыток. Одна из моих любимых. Воспитание светом и цветом. Те, кто попадает сюда, должны сначала возненавидеть белый цвет, потому что совершили преступления против нашего белого города, понять причины этой ненависти и своих поступков, а потом смириться. Смириться с белым стенами, с белой философией. Принять чистоту белого пустого листа и начать другую жизнь. Правда, до новой жизни дотягивают не все. Но иначе нельзя – наш мир должен поддерживать своё существование, свою силу. Если мы не будем наказывать преступников, которые не соблюдают правила, то рискуем потерять всё. Эти люди – как больные клетки организма и должны быть излечены,

либо уничтожены.

3.

Солдаты завели женщину в карцер и оставили около кровати. Я зашёл следом, взял стул и сел на него. Солдаты вышли и закрыли за собой дверь. Анна стояла спиной ко мне так, как оставили её солдаты. Я вижу, как её бьет дрожь. Хрупкое, худое тело трясется под свободным белым балахоном. Она знает, что её ждёт. Раньше она работала в архиве и наверняка читала сотни отчетов о том, что происходит в карцерах. Тем лучше – мне не придётся долго разговаривать с ней.

– Анна, скажите, зачем вы сделали это?

– Что? – она говорила тихо, голос её дрожал.

– Нарушили правила, конечно. Вы же понимаете, что ваш поступок сеет смуту.

– Никто ничего не узнал бы, если бы вы не показали всем, что мы преступники.

– Не надо перекладывать вину на меня, Анна, – все они пытаются оправдаться. Каждый раз одно и то же. Никто не хочет честно признаться в том, что совершил что-то плохое. – Вы прекрасно знали, на что шли, вы знали, что вас накажут рано или поздно.

– Мы бы успели сбежать!

– Так почему вы не сбежали сразу? Конечно, вы не ответите мне. Хотите, я скажу вам ответ? Во-первых, вам никто

не помог бы сбежать. Во-вторых, вы наслаждались иллюзией победы! Тем, что за спиной у Совета, за спиной у всех, смогли устроить свой маленький мир с грязными удовольствиями и сказочной жизнью. Вы почувствовали себя выше других, вы были слишком горды собой. Поэтому вы здесь. И будете наказаны.

– Не правда! Мы просто... Просто... – она начала всхлипывать и противно, по-детски плакать. – Мы хотели быть вместе, нам было хорошо вдвоем! Почему нельзя быть счастливыми?

– У каждого в нашем мире есть своё дело, есть крыша над головой, еда и одежда, товарищи и цель в жизни. Все счастливы. А вам почему-то оказалось этого мало. Вы хотите сказать, что вам мало того, что наш мир дает вам? Почти бесконечная жизнь, отсутствие борьбы за выживание, никакого риска при беременности и родах, отсутствие необходимости заботиться о своём потомстве, сохранение красоты и молодости на долгие сотни лет.

– Мне не нужно всё это. Льен дороже всего этого для меня, – она повернулась ко мне, и я увидел мокрое лицо, покрытое красными пятнами от рыданий, большие карие глаза, тёмные растрепанные волосы. Она была невероятно красива даже в таком виде. Понятно, что Льен не смог перед ней устоять.

– А вы для него так же дороги? – сколько раз я слышал одни и те же слова. Ну, ничего, я знаю, как поймать её в капкан.

– Да.

– Тогда почему вы здесь? Почему он допустил такую ситуацию? Почему не уберег вас? У него огромные возможности и связи. Он вполне мог спрятать вас, – ну вот и всё. Пусть она начнет сомневаться в своём любимом. Надо посеять сомнения в её душе, заставить её пожирать себя изнутри. – Вы же из архивов? Наверняка знаете, что доступно людям его круга. Он запросто сможет выкрутиться и остаться в живых. После этого урока он наверняка поймет, что лучше пользоваться разовыми женщинами из разных миров, чем жить с одной и рисковать своей жизнью и свободой. Льен очень ценный армейский кадр, Совет хочет сохранить ему жизнь. За счет вашей. Поэтому с вами говорю я, а не Судья. Понимаете?

Анна стояла и смотрела на меня с изумлением. Даже перестала плакать. Руки её то сжимались в кулаки, то разжимались. Она открывала рот, делала глубокие вдохи, будто хотела что-то сказать мне и продолжала молчать. – Мне нет смысла вам врать, потому что я знаю ваш приговор и могу быть с вами честным.

– Нет. Палач не может быть честным. Ты по уши в грязи и крови. Ты не человек! Ты зверь. Без души и чувств! Тебя ненавидят и боятся все! Ты хочешь сломать меня. Но у тебя ничего не получится! – Анна перешла на крик, дикий крик. У меня звенело в ушах. Но я был спокоен, потому что знал, она кричит не для меня, а для себя. Она держится за свои убеждения. И будет держаться ещё долго.

– Я бы мог помочь вам, Анна. Но вы опять переключаете свою вину на других. А ведь я ни в чем не виноват, я просто воспитываю вас. И мне очень жаль, что такая красивая женщина должна погибнуть из-за прихотей и похотей взрослого мужчины.

– Не хочу вас слушать! – она закрыла руками уши и упала на кровать, её тело снова начало содрогаться от рыданий.

Я встал и медленно подошёл к ней, бесшумно. Наклонился к самому уху и прошептал:

– Вам придется слушать меня. Вы никогда не забудете моих слов. Потому что я говорю правду. Льен предал вас. Если бы вы были настолько дороги ему, то он сумел бы от вас отказаться.

Анна вздрогнула и замерла. Я чувствовал, как по её телу разливается страх и парализует её. Она знала, прекрасно знала, что будет дальше и боялась.

– Доброй ночи, Анна. И постарайтесь дальше думать о себе, а не о Льене.

Я отошёл от её кровати и вышел. Пусть помучается немного. Подумает. Раз она так сильно привязана к командиру, раз считает его самым благородным и лучшим мужчиной, то пусть посмотрит на ситуацию с другой стороны. Все они, военные, воспитаны в духе товарищества и братства. Они дорожат своими друзьями и никогда не дадут им погибнуть или пострадать, заслонят своей грудью. А Льен так просто сдался, не защитил её. Так много ли стоит эта их

любовь? Я видел, как мужчины и женщины отказывались от своих любимых только чтобы остаться в живых. Они своими руками на моих глазах убивали их, обливаясь слезами. Они слабы. А любовь делает их ещё более слабыми.

Мне захотелось вымыться после разговора с этой женщиной. Я представлял себе, как они жили с Льеном, ведь многое я видел своими глазами, и мне становилось противно. Пока я вел их вчера к башням, Анна постоянно плакала. Мокрое красное лицо, грязная одежда после взрыва. Не платье, красивое и аккуратное, а полупрозрачная ночная рубашка, сквозь которую видно практически всё тело. Льен променял товарищей на эту женщину. Слабую. Глупую. Так бы и придушил их обоих своими руками, но мне неприятна была сама мысль о прикосновении к ним. Хватит и того, что мне пришлось вести эту женщину, держа за шею, через весь город.

– Уберите всё лишнее из камеры и не давайте ей еды в ближайшие сутки, – скомандовал я солдатам у камеры.

Они кивнули и быстро начали выполнять приказания. Уходя я видел, как из камеры вынесли всю мебель и снова заперли. Вернувшись к Судье, я застал его сидящим напротив камеры Льена. Оба молчали.

– А, это ты... – Судья даже не посмотрел на меня. – Ну как там твоя подопечная?

– Отлично. Я оставил её отдохнуть и подумать. Думаю, завтра она будет сговорчивее и начнет понимать, что проис-

ходит на самом деле. И посмотрит на командира Льена иначе.

– Что вы с ней сделали? – Льен подорвался к решетке, но остановился, не доходя до неё.

– Ничего. Мы просто поговорили. Я немного объяснил ей, как устроен мир и что такое эта ваша любовь.

– Только попробуйте сделать с ней что-нибудь!

– Вы хотите нас запугать? – Судья засмеялся. – Вы полностью в нашей власти. И мы хотим предложить вам сделку. Откажитесь от этой женщины и вообще от притязаний на постоянную любовницу и сожительство. Не подрывайте устои нашего общества. И возможно, тогда мы простим вас, оставим в живых и даже позволим занимать не последнюю должность в армии.

– А что будет с Анной?

– Её судьба не должна больше вас волновать. Теперь каждый отвечает сам за себя. У вас сутки на принятие решения. По истечении этого времени, у Палача будут развязаны руки, а вы всю жизнь будете страдать из-за мыслей о том, как мучительно умирала ваша возлюбленная, – Судья встал и направился к выходу.

– Звери! Изверги! Вы не люди, раз творите такое!

– Мы просто защищаем наш мир. И вас. От вас самих, – я смотрел на Льена, на его метания по камере, на отчаяние в глазах и мне стало его жалко. Как можно вот так подставить себя из-за простой женщины, пусть даже и красивой. Поче-

му он не хочет успокоиться и принять наши условия? Такой подрывник нужен нашей армии. Но его слабость слишком велика. Судья вышел, и мы остались в тюрьме одни.

4.

– Палач... У тебя ведь есть имя? – тихо спросил Льен.

– У любого человека есть имя.

– Назови его, – Льен сидел спиной ко мне уже с полчаса и не шевелился, я наблюдал.

– Его знают только те, кто отдаёт мне приказы.

– Это глупо. Ты не вещь и не игрушка. Почему ты не думаешь своей головой, почему не хочешь быть просто человеком?

– Тебя растили как подрывника. Твою женщину – как архивариуса. Меня – как Палача. Вот и всё. Если я захочу, чтобы кто-то ещё, кроме Совета, знал моё имя, я его назову его. Но тебе не собираюсь говорить. Мне жаль тебя, Льен. Ты выглядишь как побитый пёс. Ты слаб.

– А ты разве нет? Только слабый может издеваться над женщинами, над чувствами. Любовь это то, что никто не может контролировать. Нельзя заставить человека любить и нельзя заставить его разлюбить.

– Можно, Льен. Ты просто не видел, как женщины убивают своих любимых мужчин и наоборот. Только лишь ради того, чтобы сохранить свои жизни. Никто ещё не сделал выбор в пользу другого. И не думай, что вы с Анной исключения, – мне ужасно не хотелось с ним говорить. Я вдруг почувствовал тяжесть в плечах и руках, мне хотелось спать.

– Если ты когда-нибудь окажешься на моем месте, а ты там точно окажешься, – вспомни мои слова. Каждый, кто любит, готов на самую невероятную жертву. И мужчина готов принять смерть даже от рук любимой, ради того, чтобы она осталась жить. Самопожертвование это называется. У животных так же. А мы – люди. И мы умеем чувствовать. Поэтому я знаю, что Анна готова погибнуть за меня так же, как и я за неё.

– Я никогда не окажусь на твоём месте.

– Посмотрим, Палач...

Он решил играть в мои же игры? С ним будет разобраться сложнее, чем я думал. Мне нужно продумать всё получше. Но сначала – отдохнуть. Не понимаю, что происходит со мной, но я чувствую полное бессилие. А поэтому молча встаю и ухожу, оставив стул посреди коридора. Разговор продолжим завтра. Я поднимаюсь на лифте на самый верхний этаж и выхожу на крышу. Здесь довольно прохладно и ветрено, хоть и солнечно. Сбрасываю накидку и стою в одной рубашке. Ветер обдувает меня со всех сторон и, закрыв глаза, я чувствую, будто лечу. Мне нужны силы. Раскидываю руки в стороны и пытаюсь переместить хоть что-нибудь в этот мир из другого. Я должен с этим справиться, иначе грош мне цена. Капля воды падает мне на лицо – открываю глаза – это дождь! У меня получилось переместить сюда капли дождя! Потрясающе! Значит, всё верно, чем старше я становлюсь, тем больше сил у меня появляется. Но это слишком энерго-

затратно, во мне чересчур много тяжелых мыслей, чтобы научиться сосредотачиваться, как следует. Моё лицо и рубашка, мокрые от дождя, в ушах шумит, руки немеют, и в глазах становится темно. Я так слаб. Опускаю руки, сажусь на крышу и растираю ладони. Вместо того чтобы заниматься пытками и ловлей преступников, мне стоило бы заняться собой и своими способностями. Это гораздо интереснее и полезнее. Не хочу больше разговаривать с этими двумя, Льеном и Анной. Завтра же сообщу об этом Судье и подумаю о том, чтобы отказаться от должности Палача. Я вдруг понял, что больше не хочу выполнять эту работу. Она слишком грязная и тяжелая. Мне уже достаточно много лет и страшно представить, что впереди ещё тысячи кровавых будней.

Я вспомнил забрызганную кровью накидку, ужас в глазах расступившихся военных на улицах моего любимого белого города. А что, если придётся убить каждого из них? Вдруг всё, что я делаю, лишено смысла? За последние полгода мы обнаружили десять таких же пар как Льен и его женщина, это уже становится похожим на эпидемию. Люди знают о последствиях и всё равно идут на преступление. Может быть, стоит сделать казни показательными, чтобы все видели, что их ждет? Своими глазами увидели разрушительную силу любви? Я чувствовал, как что-то внутри у меня надламывается, трещит по швам. От чего я стал жалеть Льена?

Порыв ветра подхватил мою накидку и сбросил её с крыши. И как мне теперь возвращаться домой? Придётся снова

использовать перемещение. Ну что ж... Я сжал левую руку и через секунду оказался в своей комнате. Рука болела, глаза снова жгло. Сбросив одежду на пол, я прошёл в душ, потому что чувствовал необходимость смыть с себя всё – тяжёлые мысли, неприятные воспоминания. Под теплыми струями воды мне стало гораздо легче, хоть я и не понимал до конца, что со мной происходит. Во мне нет злости по отношению к людям, только жалость. Но я творю страшные вещи, издеваюсь над людьми, мучаю и убиваю их. Сколько уже лет? Сто... Нет, больше. Почему только сейчас я понял, что меняю свой облик как оборотень? Никому не показываю своё нутро. Я вышел из-под душа и посмотрел на себя в зеркало. Я не злой человек, я не убийца, хотя мне нравилось то, что я делаю, всегда. Мне нравится моя сила, власть. Но я больше не могу видеть страх в глазах людей, несмотря на то, что пару часов назад упивался ужасом этой маленькой женщины, Анны. У меня будто раздвоение личностей.

В комнате хлопнула дверь.

– Рей! – голос Судьи. Я вышел к нему прямо так, мокрый и голый. – Что с тобой случилось? Твоя накидка упала с высоты прямо в сад и перепугала всех до смерти! – тут он обратил внимания на мой вид и бросил мне накидку с брезгливостью, – прикройся.

– Я был на крыше. Накидку сдуло ветром, – я не стал надевать накидку, так и держал её в руках. – Я больше не хочу быть Палачом. С меня хватит всего этого.

– Ты в своем уме, Рей? – я впервые увидел, что Судья изумлен. От этого чувства его лицо стало ещё более неприятным.

– Абсолютно. Последние полгода вымотали меня. Я устал быть оружием в руках Совета и делать всю грязную работу за них.

– Странно, что спустя столько лет ты вдруг устал. Как ты собираешься выходить из роли Палача? Ты же знаешь прекрасно, что перестать быть Палачом можно только одним способом – умереть.

– Знаю, конечно. Но у меня есть план и чтобы осуществить его, мне нужно твое согласие на выход из должности. Дальше я разберусь самостоятельно, – я внимательно следил за его реакцией. Если Судья ответит положительно, значит, мои догадки верны.

– Я не могу дать тебе согласие без Совета. Но могу сказать одно – твой конец близок, мы все это понимаем. Так что делай, что хочешь. Только закрой последнее дело, – с этими словами Судья вышел.

Значит, Совет уже готов избавиться от меня, и теперь я свободен в своих действиях. Надо обдумать всё на пару шагов вперед, дождаться ответа из архивов и тогда приступить к активной работе. Ну а пока – спать. Я слишком устал, слишком много думаю. Моя голова должна быть ясной, чтобы не совершать ошибок. Бросив накидку на пол, я прошёл к кровати и лег под одеяло. За окном ещё стоял день, до захода

солнца оставалось несколько часов, но я уснул. И это была первая ночь, когда я видел сны.

5.

Я проспал почти двенадцать часов, за это время во сне мне показались лица всех тех людей, которых я отправил в тюрьму. Мне виделся белый карцер, в котором я сижу бесконечно длинными белыми днями, мне хотелось есть и пить, я медленно сходил с ума. А Судья приходил и задавал мне вопросы, ответов на которые у меня не было. Я видел беременных женщин и маленьких новорожденных детей, совсем крошечных, убитых крепкой рукой Судьи. И реки крови, текущие по улицам белого города. А я стоял среди этих потоков в своей белой накидке и наблюдал, как её полы пропитываются кровью и красные разводы поднимаются всё выше и выше.

Я проснулся весь мокрый, с адской головной болью. Как же хорошо было спать раньше, не видя снов. Мне так и не удалось отдохнуть. Мысли никак не приходили в спокойствие. Я сидел в кровати и смотрел на свои руки, на белое одеяло и боялся, впервые в жизни боялся увидеть кровь. Что происходит со мной? Палач не должен ничего бояться, ничего чувствовать.

Спустив ноги на ледяной пол, я побрел в душ, снова. Поливал себя то холодной, то горячей водой. Пытался взбодриться, но ничего не выходило. Мне предстоит тяжелые разговоры с Льеном и Анной, смогу ли я выдержать? Я вышел

из ванной, достал свой привычный костюм. Любимая белая рубашка – чистая, идеально выглаженная. Мои руки дрожали, пока застегивали пуговицы. Надо как можно скорее заканчивать дело Льена и уходить. Бежать как можно дальше отсюда. Иначе я сойду с ума. Откуда во мне эта слабость, этот страх и ужас перед самим собой? Тут я вспомнил мальчика, которого встретил вчера. В его глазах не было страха. Он был восхищен мной, моим видом, моей силой. И я понял, что хочу именно этого – не страха в глазах людей, а восхищения, гордости, преданности, признания.

Накинув плащ и капюшон, я тихо вышел из комнаты. В голове не было никаких мыслей касательно того, что делать с Анной и Льеном дальше. Если бы надо мной не довлел Совет, я бы просто убил бы этих двоих и забыл. Без всяких разговоров и пыток. Всё равно их казнят рано или поздно. На полпути к лифтам меня догнал солдат из охраны в черном костюме и сказал, что в архивах для меня есть какая-то информация. Как быстро они справились, а обещали через неделю подготовить ответ на запрос. Я даже немного обрадовался, что встреча с пленниками откладывается на пару часов. Спустившись на первый этаж, я быстро добрался до архивов. Там меня уже ждала старушка. Лицо её было чем-то обеспокоено.

– Приветствую вас, Палач, – она опустила голову и говорила тихо. – Мы подобрали все документы, о которых вы просили. Там есть даже записи с камер наблюдения. Качество

плохое, поскольку записи старые. Только я должна предупредить вас, что все документы строго засекречены. У палачей есть доступ к любой информации, но я не уверена, что и к этой тоже. Никогда у нас никто не запрашивал такие документы. Боюсь, я не имею права их вам отдавать.

– Ничего не бойтесь. Никто не может предположить, что я запрошу именно эту информацию. Если к вам будут вопросы, то скажите, что я вам угрожал, и вы не могли отказаться, – я старался говорить уверенно, чтобы успокоить старушку и получить нужную мне информацию.

– Я очень рискую, помогая вам. Но... наверное, вам очень нужно что-то узнать... Для вашей работы, – голос её совсем стал пропадать, и я еле разбирал слова.

– Для моей жизни. Благодарю, – я взял папку с документами, которую она мне протянула, почему-то написанными от руки и коробку с записями.

Мне не терпелось прочесть всё, что написано в бумагах, и просмотреть видеозаписи. Что я там увижу, смогу ли получить ответы на свои вопросы? Я прошёл в отдельную комнату для чтения, закрыл дверь и сел за стол.

Перед тем, как я начал наблюдение за Льеном, мне попался интересный документ в архиве, рассказывающий о том, почему людям стали запрещать заводить семьи и детей. Там была история про то, что нашему обществу нужны генетически «правильные» потомки, а в случайной комбинации генов невозможно добиться тех самых результатов, которые

нам необходимы. Но такой жесткий отбор привёл к тому, что способности к перемещению стали вырождаться. И тогда было принято решение о проведении эксперимента по естественному деторождению для поиска механизма передачи нужных генов. Имена участников эксперимента не были указаны. Но мне стало ясно из написанного, что среди них был только один мужчина-доброволец и сотни женщин из разных миров. Вряд-ли кто-то спрашивал их согласия. А вот почему имя мужчины не указывалось – для меня было загадкой, хотя понятно, что это кто-то из правящих кругов. Только им доступно такое. Итогом эксперимента стало рождение только одного подходящего ребенка. И произошло это как раз в тот год, когда родился я. Поскольку больше я не знал ни одного человека моего возраста с такими же способностями, то логично было предположить что я тот самый ребенок. Но тогда выходило, что моим отцом может быть только один человек. С такими же способностями. И такими же глазами. Судья.

Эти мои мысли косвенно подтвердил Льен, когда при захвате он пытался что-то сказать. Среди его слов была всего одна лишь фраза, которая укрепила мои мысли по поводу эксперимента почти двухсотлетней давности. Он спросил у меня, почему некоторым в нашем обществе доступно всё, включая рождение детей, а кому-то нельзя просто любить. Теперь, смотря на папку с документами, я знал что именно, скорее всего там прочту.

Бумага в папке была старая. Я понимал, почему все отчеты написаны именно на бумаге – так их проще уничтожить при необходимости. На каждом листе с двух сторон зафиксированы детали эксперимента. Сотни женщин, без имен и указаний миров. Только физиологические параметры и данные генетических анализов. Высокие, стройные, небольшого роста, блондинки, брюнетки, говорящие на разных языках, хорошо образованные и не умеющие прочитать пару слов, здесь даже были фотографии. Каждая из них – красива по-своему. Сначала я разглядывал их лица подробно, потом стал перелистывать. Мне не хотелось знать, сколько их тут на самом деле. Конец каждой этой женщины – ужасен. Они просто биологический материал. Они никогда не видели своих детей и в большинстве случаев, даже не знали, что стали матерями. Те, кто проявлял активное сопротивление, всю беременность находились в медикаментозном сне и после рождения ребенка были убиты, пусть и самым гуманным способом. Остальным говорили, что ребенок умер при рождении. И чаще всего так и было – детей просто убивали, поскольку выяснялось, что никаких способностей у них нет. А оставлять живых свидетелей такого грязного эксперимента было бы неблагоразумно. Я читал о результатах и всё ждал, что увижу имя того самого мужчины, который был отцом всех этих детей. Но не находил ничего. До самой последней страницы. Там были собраны его генетические анализы и физиологические параметры рожденных детей. С каж-

дой новой прочитанной строкой я убеждался только в одном – мои предположения верны. Я чувствовал, как мой пульс увеличивается, ни о каком спокойствии и хладнокровии не приходилось даже думать. Этот человек добровольно пошёл на участие в этом эксперименте и вряд ли ради науки. Ни один человек не согласится фактически насиловать женщин и убивать своих детей. Мне непонятно было, почему при всех возможностях нашей техники и медицины, был выбран именно такой путь.

Я отложил бумаги и открыл коробку с записями. В моём распоряжении был большой экран, на который я вывел изображение. То, что там появилось, заставило меня содрогнуться. В должности Палача я видел многое, своими руками творил страшное, жестокое. Но всё это не трогало меня. А сейчас... Я не мог спокойно смотреть на записи. Лица сложно было различить из-за качества записи, но мужчину я узнал безошибочно – по фигуре, волосам, по голосу. Это был Судья. Никаких сомнений. На каждой записи одно и то же – белые стены карцера, напуганные кричащие женщины и он. С жестокостью и яростью обладающий их телами. С каждым новым кадром во мне закипала ненависть и злоба. Каждая из этих женщин представлялась мне моей биологической матерью, а я – плодом безудержной похоти и злости. Злости из-за страха потерять силу, а вместе с ней и власть. Мне казалось, что меня вывернули наизнанку, и я вижу перед собой не Судью, а самого себя, обезображенного, гадкого. Раз за разом

картина повторялась, и я сам не понял, как так случилось, что по моим щекам текут слёзы. Горячие, тяжелые. Совет борется за то, чтобы наш мир был чист, чтобы его устои сохранялись, чтобы мы могли выжить среди бесконечной войны и соперничества. Они запрещают простым людям всё, кроме добровольной смерти на поле боя. А сами? Своими извращенными представлениями о морали и спасении общества оправдывают любые гнусные поступки, любые издевательства над людьми.

А я? Плод насилия, не только над одной женщиной, но и над всеми жителями белого города. Рожден из грязи для того, чтобы очищать этот мир от преступлений против него же. Я выключил записи и просто сидел, смотря в одну точку. В этот момент я ненавидел весь мир, Судью и Совет, я ненавидел себя за то, что во мне течёт такая же кровь, как и в моём отце, за такие же черные глаза, за хладнокровность и жестокость. Если он мог переступить через все возможные черты, то почему я не могу? Мы одинаковые с ним. Совершенно. Мне захотелось исчезнуть, раствориться в небытие, только чтобы не быть похожим на него. Вдруг я увидел все свои поступки со стороны. Люди, которых я убивал, например, за любовь, они были в сотни раз лучше, чем Судья. Они просто не справились с собой. А что делал я? Сводил их с ума в белом карцере, заставлял забыть самих себя, медленно и мучительно заставлял умирать от голода и жажды, испытывать боль. Я вкладывал оружие в руки слабых женщин и

заставлял их убивать своих мужчин и самих себя. Переносил их в десятки миров подряд, чтобы их тела начинали сгорать изнутри, чтобы они никогда больше не допустили мысли о побеге. Нет, больше не вспоминать. Везде страдания, слезы, кровавые раны.

Прав Льен. Я – не человек. Зверь. Животное, порожденное животными инстинктами Судьи. Мне противен весь Совет. Все они – порочные люди. И они сделали меня таким же. Больше полутора сотен лет я преданно выполнял их поручения, не понимая самого себя, не зная правды. Но теперь я должен всё изменить. И начну с самого себя.

Я собрал все бумаги и записи, спрятал их под накидку и, сжав руки, переместился в первый попавшийся мир.

6.

В этом мире было тихо, солнце проглядывало из-за облаков. Вокруг меня простиралось большое поле, с одного края которого виднелся молодой фруктовый сад. Приятно пахло полевыми цветами и сухой травой. Людей видно не было. Я пошёл по густой траве в противоположную от сада сторону и скоро оказался у песчаного берега реки. Осторожно спустившись к реке, я решительно достал все документы и стал рвать бумагу на мелкие кусочки и скидывать их в реку. Пусть её течение унесет свидетельство моего позорного появления на свет. Пусть вода смоеет ту грязь, из которой я появился и в которой живу. Когда документы кончились, я достал записи из коробки и отправил их туда же – на дно реки.

Какая-то невообразимая тяжесть опустилась на мои плечи, я сел на песок и стал смотреть на воду. Все мои догадки подтвердились. Совет никогда не отпустит меня и никогда не уйдёт, пока не найдется человек, обладающий такой же силой. Они будут до конца пытаться удержать меня на своей стороне. Потому что я нужен им, потому что они всё ещё боятся меня. Я мог бы затеряться в любом мире, но не хочу бросать людей, живущих в белом городе. Не хочу, чтобы они продолжали погибать. В моих силах сделать так, чтобы наши войска больше не терпели разрушительных поражений, чтобы большинство военных продолжало жить. Я могу попро-

бовать тоже стать военным, вести мужчин нашего города к победе. А дальше будет видно. Чем дольше я живу, тем лучше. Совет не вечен, их силы тоже. Значит, у меня есть шанс на победу. Мир, куда я переместился, надо запомнить, здесь красиво. Здесь я похороню своё прошлое.

Посидев ещё какое-то время на берегу реки, я перенесся обратно в архивы и спокойно вышел на улицу, накинув капюшон. Старушка не попросила документы обратно, только проводила меня испуганным взглядом. Тем лучше. Теперь никто никогда не узнает правду.

Вопрос, что делать с Льеном и Анной, был открыт, и я решил сделать из них свои козыри. Надо воспользоваться этой ситуацией, ценностью Льена для наших войск, чтобы самому выбраться из облика Палача.

Перед входом в белый карцер меня ждала Элен. Что ей здесь нужно? Это моя работа, хоть все в Совете и знали, что она своей жестокостью и безжалостным характером уступает только лишь Судье.

– Приветствую вас, Элен. Чем обязан?

– Вы снова опаздываете, у вас есть дела поважнее? – она зло посмотрела на меня, и неожиданно протянув руку к моему лицу, скинула с меня капюшон.

– Я отдыхал. Надеюсь, это пока ещё не запрещено? – мне надо было поскорее пройти в камеру и разобраться со всей этой историей. Но Элен не так проста, как кажется. Ей явно что-то нужно от меня.

– Конечно, нет! Но служба, прежде всего. Я понимаю, что ты, Рей, ещё достаточно молод. Тебе сложно принять многие вещи и иногда хочется бунтовать. Но сейчас совсем не подходящий момент. Наш город только начал удерживать лидирующие позиции на мировой арене. И мы не можем допустить упадка. Твоя помощь в этом – бесценна. Я знаю, о чем вы говорили с Судьей. И хочу тебе немного помочь.

– Мне не нужна ваша помощь. Я могу самостоятельно принимать решения и отвечать за них. Давайте закончим этот разговор, мне нужно делать свою работу, – я попытался обойти Элен, но она не дала мне пройти. Что-то в её взгляде насторожило меня.

– Рей, нельзя жить так, как живёшь ты. Пришла пора начать пользоваться теми привилегиями, которые даёт должность Палача. У тебя есть власть, сила, ты должен попробовать всё, что можешь. Так тебе проще станет работать и понимать происходящее. Принимать задания и исполнять их, не испытывая мук совести. Я же вижу, что тебе стало трудно работать. Ты сомневаешься. А знаешь почему? – мне становилось всё более тревожно и неприятно. Элен называла меня на «ты», голос её становился тише, она почти перешла на шепот. Что хочет от меня эта женщина? Она в три раза старше меня, у неё огромный опыт и хватит коварности и хитрости, чтобы выстроить самый сложный план. Рука Элен коснулась моей щеки и медленно опустилась по шее к груди. Как же противно, когда тебя трогают другие люди. – Рей,

ты должен понять, почему мужчин так тянет к женщинам и наоборот. Ты должен попробовать насладиться женским телом, чтобы понять – одна женщина не может быть интересна долгое время. От неё можно получить только одно – мимолетное удовольствие. И всё. Тогда ты поймешь, насколько глупы люди, похожие на Льена и Анну. И перестанешь тревожиться о том, что они погибнут от твоих рук. Тебе обязательно понравится быть свободным в отношении чувств к женщинам, сколько миров – столько вариантов. И никакой привязанности, полная свобода. Когда ты сам ощутишь этот вкус, ты не станешь пытаться понять Льена.

– Убери свою руку, – я схватил Элен за запястье и отвел ладонь в сторону. Моя рука сжимала её руку с такой силой, что я чувствовал, как трещат внутри кости. Какая же мерзость все эти разговоры. – Я вырос в парадигмах нашего общества, я не нуждаюсь в женщинах и связях с ними. Моя генетическая карта идеальна. В отличие от тебя, я не страдаю похотливыми мыслями и желаниями. Ты мне противна и если бы не субординация, я бы плюнул тебе в лицо или сломал твою руку.

Элен в ужасе отпрянула от меня, я выпустил её запястье и брезгливо вытер свою ладонь о накидку. Никак не покидало меня ощущение того, что в своей руке я держал не человеческую руку, а кусок помоев.

– Ты не знаешь, от чего отказываешься. Я могла бы помочь тебе стать членом Совета, обрести безграничную

власть. Но ты глуп. И прикидываешься святошей. Но ничего, время покажет, кто был прав, – она говорила зло. Рот её перекосило от ненависти, лицо покраснело. – Ты ответишь за всё.

– Не нравится быть отвергнутой? Мне не нужна ни ваша власть, построенная на крови, ни место члена Совета. И если я захочу когда-нибудь прикоснуться к женщине, то она будет не такой как ты.

– Совет не одобрит снятие тебя с должности. Я сделаю для этого всё.

– Не будь так уверена, Элен.

Она хотела что-то ответить мне, но эмоции взяли верх, и нервно дернув плечом, она вышла из коридора. Я постоял некоторое время перед закрытой дверью карцера. Какие ещё пороки скрывают члены Совета? Насколько на самом деле отвратительны эти люди, насколько низко они пали, требуя от нас высоких моральных качеств? Они растят детей, убеждая их в том, что семья и любовь это порок, что человеку нужен только друг, товарищ. Они сами забыли, что такое быть людьми. Если я сумею выбраться за эти стены и жить как простой солдат, я смогу забыть всё это и быть как все. Да. Это моя цель. Быть как все и сделать хоть что-то хорошее для людей.

Я открыл дверь карцера и вошёл. Анна лежала в углу, закрыв голову руками и уткнувшись в пол. За сутки в карцере ничего страшного с человеком произойти ещё не может,

сутки без сна – не так уж и жестоко.

– Анна...

– Уходите отсюда, если вы пришли говорить. Если нет, то просто убейте меня, отпустите Льена и забудьте, – голос её был бесцветным и тихим. Она отчаялась, в этом нет сомнений.

– Да, я пришёл поговорить. Но совсем не о том, о чём вы думаете. У меня есть к вам предложение. Если вы согласитесь, то это сможет сохранить жизнь и вам и Льену.

– Я не верю вам. Это наверняка какая-то уловка.

– Нет. Я действительно решил вам помочь. Слушайте внимательно, всё нужно сделать очень быстро, – я подошёл к ней и опустился на корточки, заговорил шепотом. – Вытащить из этого мира вас двоих я не смогу. У Льена больше шансов выжить здесь, рядом со мной. Поэтому я возьму вас и перенесу в другой мир. Там вам придется наладить свою жизнь. Я сделаю так, что вас никто не будет искать. А Льен останется здесь, и я вам обещаю, что с ним всё будет в порядке. Мы дадим ему новое имя и должность. Всё будет хорошо, поверьте.

– Зачем вам это нужно? – она подняла на меня свои глаза, красные от слез и бессонной ночи среди белых стен.

– Если хотите, думайте, что это для очищения совести. Палачи тоже люди.

– Значит, я его больше никогда не увижу?

– Никогда. Но вы будете знать, что он жив. Разве этого

недостаточно?

– Достаточно. Что нужно делать?

– Вам – ничего. Я всё сделаю сам. Просто будьте готовы к тому, что переход в другой мир это очень больно. И никакой помощи в том мире вы не сможете от меня получить. Просто постарайтесь там выжить. И ещё, придумайте новое имя для Льена. Пусть оно останется ему как память о вас, – я не ожидал от себя таких слов. Внезапно мне стало не просто жаль этих двоих, я испытал новое для себя чувство соучастия в их судьбе, я будто бы сам переживал всё то, что чувствовали они. Мне всем своим существом хотелось им помочь, будто один этот поступок мог перекрыть все те злодеяния, которые я совершил.

– Скажите ему, что меня не принуждали к этому выбору. И я сама дала своё согласие. А ещё, скажите, что я всю жизнь буду помнить о нём, – в её глазах стояли слёзы, но я видел в них и надежду тоже. Мне самому очень хотелось верить в успех этой задумки. – Я знаю, как ему стоит называть себя теперь. Если вы сможете сохранить ему жизнь. Пусть он зовется Линкоком. Капитан Линкок, звучало бы красиво.

– Хорошо. Я сделаю всё, чтобы он смог вернуться к обычной жизни. А теперь приготовьтесь. Будет больно.

Я представил тот мир, в котором был только что, взял Анну за руку и переместил нас. Для неё это оказалось сильнейшим ударом – минут пять она не могла даже подняться на ноги и практически не слышала, что я говорю. Я выбрал без-

людное место, чтобы было время привести Анну в чувства. Когда она окончательно пришла в себя, я оставил ей свою белую накидку и рассказал, как действовать дальше. Она должна была добраться до людей, прикинуться потерявшей память женщиной, долго бродившей по окрестностям и наконец-то нашедшей спасение. Тогда ей не придется рассказывать про себя ничего. Она будет человеком без прошлого, с новым именем, если захочет. И её странный вид никого не напугает и не смутит. А мне нужно вернуться и представить всё так, будто бы она случайно погибла во время нашей «беседы».

– Анна, послушайте меня. Я не могу больше находиться тут с вами, мне пора возвращаться, иначе у нас могут быть проблемы. Вы знаете теперь, что нужно делать. Вы спасены.

– Вы ещё вернетесь сюда?

– Нет. Боюсь, что моё возвращение и встреча с вами – я понимаю, на что вы намекаете, – это слишком опасно для всех. Поэтому здесь и сейчас мы прощаемся с вами. Вы прощаетесь со своей прошлой жизнью.

– Спасибо вам... – я видел, как расплываются её черты, и покидал этот мир. Конечно, я вернусь. Буду наблюдать издалека. Но ей об этом лучше не знать.

Мне надо было успеть переместиться ещё в один мир, где шла жестокая беспощадная война, я знал это. Там, на поле боя, я подобрал изуродованное тело убитой женщины и забрал его с собой. От лица её почти ничего не осталось, так

что понять, кто это, было невозможно. Вместе с этим телом я вернулся в белый карцер и уложил его на полу. В этом карцере не было камер, их давным-давно убрали по моей личной просьбе. Испачкав свои руки в крови этой безымянной женщины, я обтер вокруг стены и пол, свою рубашку и лицо. Пусть это будут следы борьбы и отчаянного сопротивления. Пусть Совет думает, что я обезумел и забыл про их указания, в порыве злости убив Анну. Осмотревшись вокруг, я остался доволен. Только руки мои снова были в крови, и сейчас с этим надо было смириться. Я сидел на белом полу среди окровавленных стен и никак не мог понять, почему я вообще столько лет занимался тем, что убивал людей. Потому что верил в какие-то навязанные истины, потому что ничего другого не видел в жизни? И что я делаю теперь? Пытаюсь вырваться из этой трясины, спасаю людей, идущих против правил. И надеюсь, что смогу спастись сам?

7.

Я вышел из карцера, оставив за собой открытую дверь. В коридоре уже стояли солдаты в черном. Палача без белой накидки они не видели никогда и в изумлении наблюдали за мной, никто из них не решился пойти следом. Я прошёл в тюрьму и остановился напротив камеры Льена. Он молча поднял на меня глаза:

– Скажи мне, почему?

– Потому что ты не смог ничего сделать для неё. Поэтому я сделал то, что мог.

– Убил?

– Нет.

– Я не понимаю, – Льен встал и подошёл к решетке, взялся за неё руками и внимательно смотрел на меня, разглядывал лицо, окровавленные руки.

– Теперь её нет в нашем мире. Я перенёс её подальше отсюда. Там она сможет прожить долгую, спокойную жизнь. Таков был её выбор. И плата за то, что ты сможешь остаться в живых. Тебе на память она оставила новое имя – Линкок. Под ним ты продолжишь делать своё дело на благо нашего мира.

– Не надо мне врать. Это не может быть правдой! Никто не позволил бы тебе совершить такое.

– Мне не нужно ничье позволение. Я свободен в своём вы-

боре. Так же как и любой человек, живущий в нашем мире.

– Но как? Я всё равно не понимаю. Почему ты, Палач, помогаешь нам? Почему ты открыл мне своё лицо? – Лье-на трясло мелкой дрожью, я не мог понять, боится он меня, своей судьбы или чего-то ещё.

– Потому что я больше не Палач. Потому что я сделал слишком много зла, чтобы оставаться Палачом. Можешь считать, что вы с Анной – это моё искупление и освобождение.

Дверь, ведущая от карцера к камерам, с шумом распахнулась, и внутрь вбежали Судья и Элен. На их лицах я легко прочел страх и злость. Всегда на их лицах я видел только злость. Наверное, и моё лицо было таким же. Раньше.

– Рей! – Судья кричал что было сил. – Что ты наделал?

– Ничего особенного.

– Ты же убил её! Растерзал! Ты никогда такого не позволял себе без приказа! – Элен трясло от ужаса, я видел бледные губы и лицо. Мой взгляд опустился к её руке – она была забинтована. Перехватив мой взгляд, Элен спрятала руку за спину и зашипела, совсем как змея. – Зверь! Ты потерял над собой контроль!

– Да, я сделал это. Она была слишком гордой, слишком... Безнадежной. Я же говорил Совету, что устал. И вы наверняка помните наш недавний разговор? – Элен ошеломленно молчала, Судья косо посмотрел на неё, но не стал ничего спрашивать.

– Ты нарушил все правила, все приказы. Ты вышел из-под контроля. Нельзя так грязно делать свою работу! – Судья не подходил ко мне близко, за его спиной собирались солдаты в черном. Понятно, они готовятся к тому, что я буду нападать.

– Это ещё раз говорит о том, что я не хочу больше делать свою работу. Никак. И я готов выйти из должности спокойно, если вы примете мои условия. Иначе – весь город узнает правду, которую знаю я.

– Говори, – из-за спин солдат вышел Морт. На лице полное безразличие вплоть до отвращения, светлые волосы лоснятся, золотой пояс туго перетянул худощавую фигуру.

– Я не собираюсь убегать из этого мира, но настаиваю на полной свободе перемещений для себя. Никакого контроля надо мной. Мне нужна должность в войсках, Льен в подчинение. И всё остальное, что полагается обычным военным. Для Льена уже готово новое имя, для себя я оставлю своё. Но носить общую форму я не буду. Пусть все видят меня таким, какой я есть на самом деле. Никакого преследования и упоминания моего прошлого и прошлого Льена. Новая жизнь для нас двоих с чистого листа. И вы можете быть спокойны. Я не стану вмешиваться в ваши дела.

– Странные просьбы для бывшего Палача. С чего вы так радеете за Льена, он же преступник? – Морт был всё так же спокоен, вышел вперед и встал перед Судьей и Элен.

– Покажите мне того, кто не является преступником в этом месте. И поверьте, я знаю, что преступление Льена не

самое страшное среди того, что совершили мы с вами, – от моих слов Элен передернуло, Судья сжал кулак, а Морт удивленно вскинул бровь.

– Вы, Рей, ничего не сможете доказать.

– Я и не собираюсь ничего никому доказывать. Просто мне дорог этот мир, люди, живущие в нём. И я не могу оставить их погибать. Меня вырастили в уважении к этому миру. Здесь мой дом. И моя безупречная работа тому доказательство. Поэтому вы можете быть уверены, что я не стану ничего разрушать, если вы сделаете так, как я прошу.

– Льен очень ценный кадр. Чтобы вырастить такого специалиста, требуется очень много времени и сил. И врожденные способности. Мы хотели бы оставить его в живых. Но захочет ли он? – с этими словами Морт посмотрел на Льена, молчавшего до сих пор.

– Я готов и дальше служить нашему миру. Только под началом Палача. Рея, – голос его чуть дрогнул на последних словах. Не так уж он и слаб, как мне казалось. Ведь до сих пор у него нет никаких гарантий и доказательств того, что всё происходящее не спектакль.

– Хорошо. С этого момента вы оба свободны. Начнете свой путь с самых низов. Но стоит вам только раз оступиться – и больше вы не будете прощены, – Морт развернулся и пошёл в сторону дверей.

– И вы так просто отпустите их? – Судья обернулся к Морту.

– Ну а почему бы и нет? Нам нужны хорошие военные и пушечное мясо. Тем более что Рей, непревзойденный Палач, теперь у нас в долгу.

Элен и Судья посмотрели на меня с ненавистью, и вышли вслед за Мормом. Солдаты открыли дверь камеры Льена и выпустили его. Нас проводили до выхода из небоскреба, а потом и до ворот в стене, окружавшей центр города. Всю дорогу мы шли молча. Осунувшийся Льен, пустыми глазами смотрящий перед собой, и я, бывший Палач, испачканный в чужой крови, с самыми черными глазами во всем городе, но с уже не такой черной душой.

8.

Около ворот нас ждал солдат.

– Ваш дом ближе к окраине, над дверью символ змеи. Ваш спутник может занять первый безымянный дом в конце той же улицы, – во время этих слов солдат так и не осмелился поднять на меня глаза. Противно. Но за воротами мало кто будет знать хоть что-то про меня. А значит, у меня есть шанс влиться в новую жизнь.

Мы с Льеном вышли в город и отправились по одной из улиц. Было пустынно, в это время все солдаты на фронте, а значит, мы можем пройти до своих домов незамеченными.

– Почему они так просто отпустили тебя?

– У них много причин. Им нужен кто-то среди обычных людей, кто сможет сплотить их вокруг себя и отправлять на смерть сотнями. Тот, кто будет выполнять приказы и вести наши войска к победе.

– Такого человека можно слепить из кого угодно, если с детства воспитывать его в этом направлении.

– Можно. Но я уже готовый материал. И то, что могу я, не может никто. Кроме Судьи, пожалуй.

– Ты про способности?

– Да.

– Тогда почему ты просто не сбежал, а остался здесь? Неужели и правда потому, что тебе так дорог этот мир? –

Льен был удивлен.

– Потому что я обещал Анне, что ты останешься жив. Если бы я сбежал, тебя бы точно убили, – я и сам не до конца понимал причин своих поступков. Но эта версия была мне ближе всего. Пусть я буду выглядеть в глазах Льена благородным спасителем.

– Странно. Ты же ненавидишь преступников. Ты же сам, своими руками убиваешь людей, – Льен явно не верил мне. И я мог его понять.

– У меня нет другого объяснения, Линкок. Да, именно так она хотела, чтобы тебя звали теперь.

Льен замолчал и больше не проронил ни слова, пока мы шли по пустому городу. Я не мог даже представить, о чем он думает сейчас, как и не мог понять его чувств. Ясно одно – теперь мы связаны до конца своих дней и хотим мы того или нет, нам стоит подружиться. Иначе нам не выжить. Я чувствовал, как какая-то горечь и тяжесть разливается у меня внутри. Обретенная свобода, хоть и условная, не давала мне ощущения покоя. Этот мир не отпустит меня, мои поступки навечно вплетены в его историю.

Выйдя на окраинную улицу, я стал всматриваться в двери домов, пытаюсь разглядеть символ змеи. Улица стала уходить под уклон, и в этот самый момент я увидел свой новый дом. Большой, высотой в три этажа. Белый, как и все дома вокруг.

– Нам пора прощаться, Линкок. Увидимся завтра, в первый день нашей новой жизни.

– Да, пора. Я не стану тебя благодарить. Но постараюсь быть тебе верным другом и соратником, – Льен-Линкок протянул мне руку и крепко пожал мою грязную ладонь. Я не почувствовал привычного отвращения от прикосновения ко мне и ответил этому человеку, моему первому другу, таким же крепким пожатием.

Я стоял на пороге своего дома и смотрел, как Льен уходит вниз по дороге. Сдержит ли Совет своё слово? Получится ли у меня жить другой жизнью? Ответы я получу позже. А сейчас – надо зайти в дом. Я открыл дверь и вошёл в большую белую прихожую. У лестницы стояла маленькая женщина-служанка. Понятно, Совет приставил её ко мне, чтобы всегда быть в курсе происходящего. То, что для обычных солдат является привилегией, для меня будет наказанием. Старушка молча кивнула мне и ушла в противоположную от лестницы дверь. Значит тотальный контроль. Придется найти способ его обойти.

Я стал осматривать дом. На первом этаже кроме кухни, была ещё небольшая столовая и огромная пустая гостиная. Поставлю здесь диваны и кресла, чтобы можно было спокойно отдыхать вечерами. На втором этаже я обнаружил просторную ванную и несколько жилых комнат. В одной из них я решил устроить свою спальню. Остальные комнаты пусть будут пустыми. Третий этаж полностью повторял второй. Зачем мне столько комнат я понять не мог. Но кто знает, для чего они могут пригодиться. Так что все комнаты на третьем

этаже стоит обставить как маленькие гостевые спальни. Я снова спустился вниз и отдал распоряжения старушке, а сам отправился в ванную. Мне нужно было вымыться, смыть застывшую кровь с себя и подумать. Под потоками воды мне всегда хорошо думалось.

Я стоял под горячими струями воды, которые уносили следы чужой крови и размышлял. Стоит попробовать вернуться в тот мир, куда я переместил Анну и попробовать отыскать её. Мне нужно убедиться, что с ней всё хорошо. Но она не должна меня видеть, ей ни к чему давать надежду. И Льену я ничего не стану говорить. Это только моё дело и моя ответственность. Сейчас перемещаться опасно, надо выждать какое-то время. Может недели две или три, месяц.

Я вышел из душа и завернулся в полотенце. Надо бы придумать себе форму. Во что мне будет удобно одеваться. Я прошёл в свою комнату и открыл шкаф. Там, как и ожидалось, было множество вариантов доступной мне одежды. Каждый день, как и во всем городе, я буду получать свежий комплект выбранного костюма. Удобно и просто. Итак. Мой вид всё равно должен быть идеальным и безупречным, хоть я больше и не Палач. Любимая белая рубашка – я достал её из шкафа и бросил на кровать, черные брюки, тоже привычно. Теперь мне не нужно ходить тихо и бесшумно, я могу бодро маршировать вместе с обычными солдатами, а значит, выбираю высокие черные ботинки на шнуровке. И тут мой взгляд попал на тяжелый вязаный кардиган, достаточно длинный,

чтобы почти доставать до колен, красивого темно-коричневого цвета. С двумя большими карманами по бокам – как раз то, что мне нужно. Я надел всё это на себя и остался доволен своим видом. Если при взгляде на себя в зеркале не вспоминать про то, чей я сын и как появился на свет... Встретив черный взгляд в отражении, я с ненавистью отвернулся. Ведь я не виноват в том, что совершил Судья, почему же я ненавижу себя за его поступки?

Я подошёл к окну, открыл его и стал смотреть на город и заходящее солнце. Совсем скоро солдаты вернутся в свои дома, и уже завтра я буду одним из них. Какое место приготовил Совет для меня, смогу ли я сохранять хладнокровие и спокойствие. И самое главное – насколько хватит моего терпения. Как долго получится у меня так жить?

До самой ночи я простоял у окна, видел, как солдаты вернулись домой, видел их уставшие понурые лица, видел и бодрых жизнерадостных командиров. Наш мир, наша идеология дала им смысл жизни. Дала им цели и мечты. И никто не вправе отнимать у них это. Никто не должен ломать их привычную жизнь и обрекать на страдания. Но ведь каждый должен иметь выбор. И как найти грань между свободой выбора и человеческим счастьем? Мы думаем, что делаем этих людей счастливыми, избавляя их от мук выбора, от мук любви и ответственности перед семьей и потомками. Но правда ли это? Льен-Линкок не стал счастлив, выполняя свою роль в обществе, но ровно так же он не стал счастлив, обретая лю-

бовь. Почему?

У меня нет ответов на все эти вопросы. Чтобы ответить на них, мне надо разобраться в самом себе. Поэтому я отошёл от окна и лег на кровать, как был, в одежде, и моментально уснул. В эту ночь никаких снов я не видел. Это был великий подарок – просто спокойно спать.

9.

Дни шли за днями. Мы с Линкоком влились в нашу военную часть и неплохо были приняты. Совет не поставил нас, как обещал, в самый низ. А выделил вполне приличные должности. Командование уже хотело меня повысить, и я не стал отказываться. Линкок не принял повышение, аргументируя это тем, что нужен на своём месте. Мне очень хотелось поговорить с ним с глазу на глаз, но он постоянно отказывался зайти вечером ко мне и поужинать вместе. Я смотрел, как люди гибнут на поле боя и всё больше убеждался в том, что наш мир – гнилой насквозь. Он совершенно пустой и бессмысленный. Но эти мысли надо отгонять от себя, пока моя свобода только лишь иллюзия, я не должен выдавать себя ничем. Моя задача – просто жить. Обустроить своё жилище, понять простых солдат, понять себя.

Я стал приносить в дом трофеи с поля боя – разное оружие – и развешивать его по стенам в гостиной, складывать на полки. У меня никогда не было возможности устроить свой быт так, как я хочу. А теперь эта возможность появилась, и я решил ей воспользоваться. Я быстро понимал суть военных операций и маневров и предлагал своё видение продолжения боя. Мне, действительно, оказалось интересно воевать, иногда я ловил себя на мысли, что не вспоминаю прошлое, а просто наслаждаюсь моментом. Солдаты быстро стали ува-

жать меня, в их глазах я не видел привычного страха и ужаса. Всё чаще встречал восхищение и похвалу.

Полгода спустя я успел подняться на три должности и зарекомендовал себя как отличный стратег. Но близкого контакта с Линкоком так и не складывалось. Я начал тревожиться, что он замкнулся в себе, и придумывает какой-то план. Надо разобраться с этим, нельзя, чтобы он всё испортил.

Однажды, вернувшись вечером домой, я понял, что настал тот самый момент, когда надо решительно действовать. Я закрылся в своей комнате и переместился в мир, где оставил Анну. Я знал, что вряд ли смогу её там найти, она наверняка уже устроила свою жизнь и не станет возвращаться на то место, где мы расстались. Но проверить стоит. В нашем мире не бывает зимы и снега, здесь же было холодно, и крупными хлопьями падал снег. Я быстро замерз, ждать в такую погоду не было смысла. И я вернулся обратно домой.

Целую неделю каждый вечер я перемещался в тот мир и, притаившись, ждал. Если Анна не появится в ближайшее время, то я брошу эту идею. Но в самый последний день, когда я уже отчаялся её увидеть, она пришла. Живая и невредимая. На ней было надето тёплое пальто, волосы убраны под шаль. Она не без труда пробиралась по глубокому снегу, озираясь по сторонам. Главное, чтобы Анна не заметила меня. Я ждал, когда она уйдет, чтобы проследить. Но она всё стояла и стояла, смотрела пустым взглядом куда-то вдаль, и я поймал себя на мысли, что уже не считаю её такой же

красивой, как в те дни, когда она была в карцере. Она как-то увяла и потускнела, даже Льен-Линкок выглядел гораздо бодрее по сравнению с ней. У меня замерзли руки и ноги, а она всё никак не хотела уходить.

Спустя полчаса, Анна развернулась и пошла в сторону города. Я выждал ещё какое-то время и стороной отправился за ней.

Она бесцельно бродила по городу почти до глубокой ночи. Мне нужно было возвращаться, иначе я могу здесь застрять до утра и ничего не узнать. Но надо выяснить, куда она направляется. Далеко за полночь Анна добралась до вокзала и села на поезд. Как выяснить, куда она едет?

– Простите, пожалуйста, – я обратился к проводнику. – Подскажите, до какой станции едет та женщина, которая только что вошла в вагон?

– Я не могу вам дать эту информацию, – мужчина средних лет, явно давно работающий проводником, настороженно посмотрел на меня.

– Скажите, это очень важно, – я пристально всмотрелся ему в глаза и он испугался.

– До конечной.

– Спасибо.

С этими словами я ушел с вокзала и переместился домой. Теперь я знаю, где можно её найти. А, значит, продолжу свои наблюдения. Приняв горячий душ, потому что ужасно замерз, я лег спать и поднялся вместе с общим гудком утром.

Теперь мне есть о чем поговорить с Линкоком. И он не сможет мне отказать. Мне не удалось поймать его при выходе из города и на поле боя, поэтому я дождался вечера и, найдя Линкока в толпе, пошёл рядом с ним.

– Зайдешь сегодня ко мне на ужин? Покажу тебе свои новые трофеи? – я пытался говорить как можно более дружелюбно, но получалось плохо.

– Мне это неинтересно, Рей, – Линкок был мрачен.

– Нам ведь есть о чём поговорить.

– О чем? О прошлом? О настоящем или может быть о будущем? – он отвернулся от меня.

– О настоящем. О том, что не здесь.

– Ты что-то знаешь о ней? – Линкок оживился и с надеждой заглянул мне в глаза.

– Не здесь. Заходи на ужин, тогда и поговорим.

– Хорошо.

Вместе с другими солдатами мы дошли до города и благополучно добрались до моего дома. Пока старушка готовила ужин, мы с Линкоком прошли в гостиную. Я сел в своё кресло, а он устроился на диване.

– Ну, говори, – Линкок закинул ноги на пуфик и смотрел куда-то в сторону, делал вид, будто рассматривает оружие на стенах.

– Я был там. Видел её.

– И?

– Она жива. С ней всё в порядке.

– Она тебя видела?

– Нет, конечно. Не думаю, что ей стоило видеть меня и знать про наблюдение. Да и больше я не рискну туда отправляться. Достаточно и того, что я видел и знаю. Мы все должны жить своими жизнями и оставить прошлое в прошлом.

– Ты уверен, что такое вообще возможно? Тебе ночами трупы не снятся? – он издевался надо мной. Это от обиды, понятно... Выстроить с ним хорошие отношения будет не так-то просто.

– Снятся. Последние полгода я вообще нормально не спал. Ну, может пару-тройку ночей. Ты думаешь, у меня нет никаких чувств?

– Конечно нет. Ты же убийца. Палач. Какие у тебя могут быть чувства?

– Но, тем не менее, они у меня есть. И знаешь, самое страшное в жизни, понимать, что ты совершал отвратительные поступки потому, что считал их единственно верными.

– И ты продолжаешь их совершать.

– Таков наш мир. Я хочу выжить. Хочу жить. И если для этого придется воевать сотни лет, то я готов. Главное – больше никого не убивать своими руками. Не разрушать жизни так, как я это чуть не сделал с тобой.

– Мне жаль тебя. Но мне есть, за что и уважать тебя. Нужно быть очень смелым человеком, чтобы пойти против Совета, – Линкок вздохнул и задумался. – Хотя я никогда не смогу тебя понять.

– А я тебя. Это взаимно. Но кроме тебя, у меня здесь, в этом мире никого больше нет. Ты знаешь про меня больше, чем кто бы то ни было. И я думаю, что нам стоит держаться вместе. – Просто для того, чтобы не забывать о том, кто мы на самом деле.

– Ладно, уговорил, – Линкок поднялся и протянул мне руку. Я пожал её, и мне стало спокойнее. Значит теперь я не один, у меня есть друг и союзник. Тот самый товарищ, который подставит своё плечо и сохранит тайны.

10.

И снова потекла череда одинаковых дней. Утром – подъем, днём – война, вечером – ужин в компании Линкока или в одиночестве. Победа за победой, постепенное повышение в должностях, увеличение привилегий. Раз в пару недель я перемещался в другой мир и наблюдал за Анной. Видел, как она устроилась на работу, как нашла подруг, как похорошела после зимы. Ничего больше про её новую жизнь я не рассказывал Линкоку, не хотел его тревожить. Мы с ним были заняты военной стратегией и тактикой, втянулись в эту игру и всё чаще обсуждали именно военные темы и не сворачивали на наше прошлое или будущее.

Мне казалось, что моя жизнь теперь именно такая, какой всегда и должна была быть. Наша почти бесконечная жизнь казалась мне наградой – ведь мы можем успеть осуществить всё, что хотим. Я не видел признаков старения на своем лице и теле. И мне нравилось это. Я будто бы застыл во времени и просто плыву по течению. А вот Линкок менялся на глазах – он стал отпускать бороду, что прибавило его лицу возраста. Плечи его стали шире, а сам он как-то серьезнее и мощнее на вид.

Мы оба переступили отметку в двести лет на момент нашей встречи, а теперь стремительно приближались к трёмстам. Я продолжал наблюдения за Анной, уже не так часто,

но стабильно. Она сменила место жительства, скорее всего, чтобы не смущать людей тем, что с годами её внешность не меняется. Она была всё так же свежа и красива, но глаза пусты. Я не мог избавиться от ощущения того, что в ней больше нет никакой жизни, пустая оболочка. Мы, вернее я, обрёл её на бесконечные скитания в чужом мире. Смог ли этот мир стать для неё домом?

Однажды, глубокой осенью, я снова вернулся в мир Анны, чтобы убедиться в том, что с ней всё в порядке и был поражен. Конечно, я знал, что она теперь снова живёт с мужчиной. Но я не думал, что она решится родить от него ребенка. Да, Анна была беременна. Я смотрел в изумлении на её изменившуюся фигуру, на счастливые глаза и никак не мог понять – почему? Неужели она наконец-то нашла смысл в своей жизни? Я боролся с отчаянным желанием подойти к ней и прикоснуться. Неужели внутри неё действительно живет маленький человек? Она не казалась мне безобразной, как те беременные женщины, которых я видел на записях и в живую. Она была удивительно прекрасна. Ещё долго мне не удавалось забыть её счастливую улыбку, обращенную к тому мужчине, с которым она шла по улице. Я понял, что должен вернуться сюда ещё раз, но раньше, чем обычно. Должен убедиться, что мне не показалось и всё действительно так – Анна счастлива.

Но ни через неделю, ни через две мне не удалось увидеть Анну. Такие частые перемещения могли заметить, с недав-

них пор правила использования перемещений стали строже, а Совет не трогал меня уже очень давно. Но я решился совершить ещё одно перемещение – третье за последний месяц. И мне повезло – я увидел Анну, она шла по улице, везя перед собой коляску. Там наверняка был ребенок. Коляска розовая – значит внутри девочка. Как же мне хотелось взглянуть на неё. Если бы только Линкок знал! Если бы знал, что мы смогли сделать его любимую женщину счастливой. В нашем мире она никогда не смогла бы стать матерью именно так – по-настоящему.

В изумлении и смятении я вернулся домой. Лег на кровать, скинув кардиган и ботинки. Но уснуть никак не мог. Моя мать. Она тоже могла быть такой же счастливой. Заботиться обо мне, любить меня. Какой тогда стала бы моя жизнь? Кем был бы я? Возможно, именно так и должны жить люди – мужчины и женщины вместе, рядом друг с другом, бок о бок, воспитывая детей. В эту ночь мне снова снилось прошлое. Я видел Судью и череду женщин, рыдающих в его руках. Я видел всех убитых мною женщин, они умоляли меня пощадить их, но я смеялся им в лицо и просыпался в холодном поту. Ночь никак не хотела заканчиваться. К утру я чувствовал себя совсем разбитым. Мне не хотелось видеть белые стены, солдат и войну. У меня внутри была своя война. Я надевал форму, смотрел на себя в зеркало и всё больше ненавидел. Если я постарею, то стану похож на Судью. И тогда точно не смогу видеть своё отражение в зеркале.

Линкок сразу увидел, что со мной что-то не так. Он сверлил меня взглядом и когда мы остались в штабе одни, накинулся с расспросами:

– Рей, с тобой всё нормально? Что произошло ночью? Ты снова был в другом мире? Неужели?...

– Нет, не был. Просто мне опять снились кошмары, – нельзя, чтобы Линкок догадался о том, что все эти долгие годы я наблюдаю за Анной. Он всё ещё помнит те дни, будто только вчера вышел из тюрьмы.

– Столько времени прошло, а ты всё ещё винишь себя. Отпусти это всё, Рей. Ничего уже нельзя изменить, – он с жалостью посмотрел на меня и я понял, что не зря обманываю его. Он не выдержал бы такой жизни – знать что-то про Анну и не видеть её, не быть рядом.

Дверь палатки, в которой располагался штаб, открылась и внутрь зашли двое солдат из основного состава, а с ними молодой парень и человек в возрасте – мы все знали его. Это был Гальер, старый вояка, отличный стратег, но со скверным характером. Я знал про него больше, чем все остальные. Когда-то давно он пытался пару раз сбежать из этого мира, но был пойман и лишен всех способностей путем безжалостных медицинских вмешательств. И вот уже которую сотню лет, он консультирует командование по военным вопросам, а теперь всё чаще выходит на поле боя. Все говорят, что он ищет смерти, но она упорно обходит его стороной.

– К вам пополнение, – хрипло сказал Гальер. – Меня вы

знаете, а вот этот зеленый красавец – товарищ Франсуа. Молодая кровь! – старик кивнул в сторону парнишки, одетого в такой же зеленый костюм, как и у всех военных.

– Вообще-то мне нравится, когда меня называют Франц. Если позволите, – он скромно улыбнулся и я неожиданно вспомнил его. Те же самые пшеничные волосы, только теперь забранные в тугий хвост, яркие, большие голубые глаза! Тот же самый восхищенный взгляд. Это тот самый мальчик, которого я встретил по дороге в архивы, когда ветер сорвал с меня капюшон. Это было так давно, словно в прошлой жизни. Не может быть ошибки. И серьга в ухе та же самая – капля. Но, похоже, что он не вспомнил меня. Или сделал вид, что не вспомнил.

– Добро пожаловать, Франц, – Линкок широко улыбнулся ему и протянул руку. – Капитан Линкок, ваш товарищ на неопределенное время.

– Рей. Командующий Рей. Никак не привыкну к своей должности, – я тоже пожал руку Францу и Гальеру.

– Слышите? Никак не привыкнет. Сколько лет уже командует, а гордости ноль. Так и помрёт просто Реем, – Линкок засмеялся и я был ему благодарен за эти дурацкие шутки. Гальер будто видел меня насквозь, он наверняка считал нас всех юнцами, слишком молодыми и неопытными, чтобы руководить военными операциями. И да, он ненавидел этот мир, все его слова и жесты кричали об этом. А Франц вызывал во мне какие-то новые чувства. Мне хотелось, чтобы его

красивая, сильная мужская улыбка не сходила с лица. Я сам никогда так не улыбался. Ни в его возрасте, ни раньше. Когда я был таким же, как и он, то уже по уши погряз в болоте должности Палача.

Гальер и Франц быстро включились в работу, и мы настолько сплотились за короткое время, что успехи наши были поразительны. Не только отсутствие поражений, но и отличные наступления – быстрые, четкие. Совет должен быть доволен нашей работой. Я снова успокоился и пришёл в себя. С момента появления новых людей в нашей команде сны перестали меня беспокоить. Я старался не вспоминать про Анну и её ребенка, а просто жить. Снова жить войной. Все мои усилия были направлены на военную деятельность и на то, чтобы избавиться от ненужных чувств и мыслей. Я упорно прятал настоящего себя глубоко внутрь. Ко мне на ужины стал заходить и Франц, он особенно полюбился Линкоку. Мне кажется, он видел в нём своего несуществующего сына, но никогда не говорил об этом. Иногда к нам присоединялся Гальер и тогда вечера проходили в жарких спорах и острых замечаниях. Мне нравилась наша компания. Товарищество. Хотя Гальер держался особняком, я понимал, что общение с нами скрашивает его тяжелые старческие дни. Ему никак не везло погибнуть на поле боя, а другого способа покинуть этот мир не существовало для него. Именно поэтому я был уверен в его преданности нам. Скорее всего, он знал, кто я и кто Линкок и этот факт был решающим для перевода под

моё командование. Мы все играли каждый в свою игру. Кроме Франца. Он один из всех нас был настоящим и искренним. Я смотрел на него и никак не мог поверить, что внутри белых стен смогли воспитать такого человека. Открытого этому миру, любознательного, думающего.

Франц схватывал все новые знания моментально, но интересовался не только войной. Он спрашивал про то, как устроен наш мир и как устроены другие миры. Ему до всего было дело – почему мы больше не летаем в космос на самом деле, почему город всё-таки белый, а не какой-то другой? Конечно, ему обо всем этом рассказывали на обучении, но Франц не верил книгам. Ему были нужны наши слова, наши истории. И мы рассказывали и объясняли ему всё так, как понимали сами. Он слушал и запоминал, а через пару дней выдвигал свои теории. С ним всегда было интересно, и я всё больше привязывался к нему. Если для Линкока он был как сын, то для меня – как брат.

Но чем больше я видел во Франце настоящего человека, какими должны быть все мы, тем больше понимал, насколько я ужасен. Насколько страшен и беспощаден наш мир. Если Франц продолжит думать в том же направлении, что и сейчас, то рано или поздно, Совет признает его преступником и уничтожит. Я не могу этого допустить. И снова мне вспоминалась Анна с её ребенком. Уже давно мне не приходилось перемещаться и видеть её. Мне было страшно. Я боялся своих чувств, боялся другой реальности. Но и нуждался

в ней. Моя усталость от постоянной войны, от необходимости постоянно играть свою роль, доводила меня до отчаяния.

В очередной темный вечер, лежа на своей чистой белой постели, я собрался с мыслями и снова переместился.

11.

Глупо было надеяться в такой поздний час увидеть женщину с ребенком на улице. Я понял свою ошибку, но решил задержаться в этом мире. Здесь было тихо и спокойно. Редкие прохожие не обращали на меня никакого внимания, и я спокойно шёл по улице. Столько цветов вокруг. Каждый раз, когда я оказывался здесь, мне приходилось привыкать к яркой обстановке. Только зимой этот мир напоминал мне наш белый город. Откуда-то из открытого окна доносилась музыка – мне так нравилось слышать эти звуки. Я знал, если пройти чуть дальше по этой улице, то можно попасть в небольшой парк. Там посажены цветы, кустарники подстрижены ровно и напоминают большие зеленые шары. На тяжелых кованых скамейках сидят пары. Мне тоже хочется просто так гулять здесь, не слышать воя орудий, не видеть, как гибнут солдаты. Я всё больше думаю о том, что вечера в компании Линкока, Франца и Гальера – это моя жалкая попытка построить в своем доме подобие этого мира. Живого и настоящего. Мне стыдно признаться самому себе, но это не просто воплощенные мечты о товарищах, это воплощение мечты о семье.

Я сел на скамью в далеком и темном углу парка и задумался. О своей бесконечно долгой жизни, о пустоте своего мира, о прошлом, которое скрывается в тумане ушедших столетий. А что у меня впереди? Такая же старость как у Галье-

ра? А может быть мучительная смерть от рук какого-нибудь нового Палача? Я просто могу остаться здесь, в этом мире. Наблюдать за Анной и её дочерью. Может быть, даже попытаться стать обычным человеком – найти работу, поселиться в крошечном доме, ходить в магазины и гулять по вечерам? Но нельзя оставить Франца и Линкока в белом городе. Мне нужен какой-то способ, чтобы изменить наши жизни.

Поднявшись, я шёл на уставших ногах всё дальше и дальше, скоро кончится этот город, и я окажусь среди пустоты пригорода. В этот момент я ощутил острую необходимость вернуться на то самое место, где я похоронил своё прошлое. Посмотреть на ту самую реку, если она ещё существует, вдохнуть ароматы полевых цветов. Но не сейчас...

Уснуть в эту ночь мне так и не удалось. Всё утро я ни с кем не мог говорить и всё ждал подходящего момента, чтобы переместиться и увидеть Анну. Наконец-то все вышли из палатки, и я тут же исчез. Неважно, что подумают мои товарищи, я больше не мог ждать. Я знал, где живёт Анна со своей семьей и стоял неподалеку в тени деревьев. Она должна выйти на улицу, обязательно должна. Я торопил её мысленно и волновался. Никогда со мной не бывало такого. Я так хотел увидеть этого ребенка, что не мог сдерживать свои эмоции. Ну же! Выйди, пожалуйста. И тут открылась дверь подъезда, и я увидел её. Усталая Анна, с ней мужчина, её муж, и на его руках маленькая девочка.

Издали мне трудно было рассмотреть её подробнее –

она была крошечная, с темными короткими волосами, одетая в нежно-голубое платье и кофточку. Я и не знал, что маленькие дети бывают такими красивыми. Неожиданно Анна сказала что-то своему мужу, развернулась и пошла в противоположную сторону. Вот он – мой шанс подойти ближе. Быстрым шагом я направился в сторону мужчины с ребенком, но долго догонять их не пришлось – мужчина остановился у ближайшей детской площадки и сел на лавку, девочку он продолжал держать на руках и что-то говорил ей. Она явно была расстроена и начинала плакать. Он предлагал ей какую-то игрушку, поднимал и опускал на руках, но она никак не успокаивалась.

И тут, я сам не понимал, как это произошло, сорвав яркий синий цветок с клумбы, я подошёл к ним и присев на корточки, протянул цветок крошечной девочке. Она посмотрела на меня, цветок не взяла, но успокоилась. А я никак не мог оторвать от неё свой взгляд. Пухлые щечки с румянцем, такие же карие глаза, как у матери, маленькие нежные ручки. От неё пахло чем-то очень сладким и вкусным. Как можно убивать такое чудо? Это действительно чудо – из ничего появляются вот такие маленькие люди. Совершенно беспомощные и прекрасные.

– Спасибо, вы меня спасли, – улыбнувшись, сказал мужчина. – Иногда её очень сложно отвлечь. Особенно, когда мамы нет рядом.

– Не стоит благодарности. Ваша дочь – прекрасна, – я всё

ещё смотрел на эту девочку и понимал, что сделал что-то очень хорошее, когда помог её матери.

– Все дети такие, – мужчина настороженно посмотрел на меня, мы встретились взглядами, и он чуть отодвинулся от меня, затем встал. – Нам пора! Ещё раз спасибо.

Они уходили от меня, а я всё стоял и смотрел им вслед. Линкок, ты ведь знал, каким-то невероятным образом знал, что если сбудутся ваши с Анной мечты о семье, – то это будет самым лучшим событием в вашей жизни. Где-то внутри у каждого из нас живёт ожидание чуда. А вы сумели нащупать его, но тут пришла рука правосудия, рука Совета и всё закончилось. Но Анна смогла воплотить в жизнь ваши мечты. И этот ребенок никогда не узнает ужасов войны, ужасов жизни внутри белых стен. Я испытал огромное облегчение, будто бы кто-то сильный и властный простил меня за все мои грехи разом. Но вместе с тем ещё больше стало ощущение усталости и тоски внутри. Мне необходимо вернуться.

Пара секунд и я снова стою посреди палатки, в руке у меня синий цветок. Вижу застывший и удивленный взгляд Франца, слышу возглас Линкока:

– Рей! Ты перемещался? Из штаба?

– Кому цветок? – Гальер тоже оказывается здесь.

– Да, я перемещался, – я не знал, что ответить им всем и продолжал стоять как дурак и вертеть в руках цветок.

– Куда, если не секрет? И по какому такому важному делу? – Гальер не оставлял меня в покое.

– Красивый цветок, – Франц подошёл ко мне и забрал цветок из рук.

– Я просто отдыхал. Этот шум. Он надоел мне, – я пытался что-то придумать, но из головы никак не шёл образ той маленькой девочки и я плохо представлял себе, что можно ответить на все эти вопросы. Один Линкок не спрашивает ничего больше, только смотрит на меня внимательно и ловит мой взгляд. Я понял, что не смогу ему солгать и старался не смотреть в глаза.

– Смотри, все эти перемещения и другие миры могут быть опасны. Когда-нибудь ты найдешь такой мир, из которого не захочешь вернуться и тогда... – Гальер многозначительно постучал карандашом об стол и не стал заканчивать фразу.

– Я знаю. Но пока такой мир не нашёлся, – мне наконец-то удалось взять себя в руки. – Давайте обсудим стратегию на ближайшие пару дней, времени не так много осталось.

Этим вечером все снова пошли ко мне домой на ужин. И в этот раз я был совершенно не рад. Мне хотелось побыть одному и подумать обо всём, что я увидел сегодня. В любой момент каким-то неосторожным словом или даже взглядом я могу выдать себя. Линкок никогда не должен узнать о дочери Анны. Для него это будет страшным ударом. Никто не должен ничего узнать. Иначе конец всему и в первую очередь мне.

– Рей, с тобой последнее время что-то происходит. Мы все это заметили, – Линкок начал беседу с вопросов в лоб,

не дал мне прийти в себя.

– Да говорю же вам, я просто устал. Сколько лет мы воюем. Каждый день одно и то же. Иногда невыносимо находиться на поле боя. Пожалуй, я становлюсь слишком стар для таких вещей как битвы.

– Но ты же понимаешь, что других вариантов нет? Посмотри хотя бы на меня, – Гальер по-хозяйски уселся на диване и курил. – Сколько мне лет, а меня всё не отпускают со службы. И конца не видно всему этому. Хоть бери и вешайся.

– Ну, так и вешайся, в самом деле, – Линкок смеялся над Гальером зло, они всегда не сходились во мнениях.

– Для человека, прошедшего через тысячи битв, повеситься – это позор. Я должен погибнуть с пользой, на поле боя. От руки наших врагов! Да что с вами говорить, вы ещё слишком молодые. И вся ваша усталость – только показуха. Рею просто нравится путешествовать по разным мирам. Да кто знает, чем он там занят. Может быть, встречается с разными дамами и прекрасно проводит время в их компании.

– Рей не может такого себе позволить! Я уверен, что он просто отдыхает в тишине, где-нибудь у реки, – Франц принялся горячо меня защищать. – Зачем вы говорите такие отвратительные вещи! Рей и женщины. Никому такое не позволено!

– Ты слишком молод и неопытен. Не думай, что если что-то не позволено простым солдатам, то не позволено никому, – Гальера несло в не самые безопасные темы. Если нас

сейчас слушает моя служанка, то нам всем может грозить опасность.

– Давайте не будем обсуждать острые темы, особенно если в наших руках нет фактов. Пойдемте лучше ужинать! – я встал и прошёл к двери в столовую. – Еда уже на столе и нам стоит обсудить завтрашние действия. Другие миры оставим на потом.

12.

После встречи с этим ребенком моя жизнь превратилась в пытку. Каждый день я заставлял себя вставать с постели и выходить на улицу. Мне стали не интересны сражения, я не приносил домой трофеев. Споры с друзьями не доставляли удовольствия. Мне хотелось вернуться и ещё раз посмотреть на неё, увидеть, как она растёт. Но перемещаться днём было опасно. У меня не было уверенности в том, что служанка не слышала наш разговор. Поэтому я выжидал. Я настолько привык прятать свои настоящие чувства и эмоции под маской спокойствия и хладнокровия, что никто ничего не замечал. Только Линкок иногда задавал мне неудобные вопросы или смотрел подозрительно. Но я отнекивался.

К перемещениям я стал возвращаться постепенно, вечерами. Вместо того, чтобы ложиться спать, пару раз в неделю я переносился в то самое место, где утопил в реке записи и документы об эксперименте с участием Судьи. За множество лет ландшафт немного изменился, берег размыло, и он превращался в небольшой песчаный обрыв. Поле стало меньше в размерах, а фруктовые сады почти одичали, хотя всё ещё плодоносили. Я сидел на берегу реки и смотрел, как заходит солнце или как сияют звезды. Иногда мок под дождем, иногда просто лежал среди травы и ни о чём не думал. Я будто бы потерял себя. Моя жизнь казалась мне чем-то совершен-

но бесполезным. Мне непонятно для чего я живу и зачем. Что будет после меня?

Ближе к концу лета, я решился снова попробовать увидеть Анну и её дочь. И мне снова повезло. Девочка с последней нашей встречи сильно подросла и стала ещё более интересной, она сидела в коляске и смотрела по сторонам. Красивый, здоровый ребенок. А вот вид Анны оставлял желать лучшего. Она как-то сильно постарела, лицо её было серым и уставшим. Никаких следов былой радости. Только лишь улыбаясь в ответ своей дочери, она возвращала себе прежние черты. Я не мог понять причин такого преобразования, только догадывался – если она до сих пор помнит про Линкока, любит его, значит, печалится из-за того, что этот ребенок не их. А значит мои мысли о том, что Анна счастлива – ложны.

Я запутался ещё больше. Если человек не получает счастья от занятия любимым делом, от любви, от детей, то где найти это чувство? Мне казалось, что теперь я знаю ответы на какие-то вопросы, что с помощью истории Линкока и Анны смогу отыскать самого себя. Но нет. Всё стало ещё хуже и сложнее. Чтобы ни произошло дальше с Анной, её дочь должна стать счастливой. Она родилась и растёт в другом мире. У неё есть выбор, никто не запретит ей найти себя и обрести смысл в жизни. И я снова пообещал себе наблюдать за ней и если это будет возможно, то оберегать.

И снова я лежу в своей постели и не сплю. Думаю о том, что делать дальше. Как заставить себя смириться со своей жизнью, принять свой собственный выбор, сделанный сотню с лишним лет назад. Может быть, стоило ещё тогда исчезнуть из этого мира, затерять на просторах Вселенной? Я сумел почти не вспоминать о своем кровавом прошлом, смог бы и не вспоминать про брошенного Линкока. Да и сейчас ещё не поздно сбежать. Как трус? Бросить здесь Франца и капитана? После стольких лет? Я миллионы раз задавал себе этот вопрос раньше и не перестану задавать его себе никогда. Пока не смогу хоть что-то изменить. Снова.

Следующие годы я продолжал наблюдать за Анной и её дочерью. Где-то раз в пару-тройку месяцев я возвращался к их дому и смотрел, как растёт малышка. Я понимал, что привязываюсь к ней, но не мог запретить себе наблюдать. Я видел, как она начала ходить, как научилась кататься на качелях и ездить на велосипеде. Помню, как её отправили в школу с красивыми белыми бантами в темных каштановых волосах. А когда ей было десять лет, и она темным зимним вечером возвращалась домой одна, именно я напугал соседских мальчишек, которые хотели закидать её снежками. Анна все эти годы чахла на глазах. Её муж куда-то пропал, я упустил этот момент и не стал выяснять подробности. Она жила с дочерью одна и пустота во взгляде только усиливалась.

В те дни, когда я не перемещался к дому Анны, моей отдушиной был берег реки. В любую погоду, днем, ночью, иногда и ранним утром, я бродил там, просто сидел или лежал. Наслаждался тишиной и покоем. Мои товарищи привыкли к тому, что я мог просто взять и исчезнуть на какое-то время. Больше никто не шутил на эту тему. Все понимали, что моё состояние оставляет желать лучшего, и я держусь из последних сил. Наверное, стоит прекратить перемещения к Анне. Надо перестать следить и за её дочерью. Хватит. Я сам мысленно постоянно ругаю Линкока за то, что он никак не может отпустить прошлое и забыть про свою любовь. И что при этом делаю? Слежу за чужим ребенком, радуюсь её успехам, ловлю каждый жест и каждый интересный момент, который удастся увидеть. Да я настолько сильно не привязан ни к кому! Это не мой ребенок и не моя женщина. Но они для меня – символ другой жизни. Которую я хочу, и которую боюсь. Да. Я боюсь. На самом деле все эти годы я просто боялся что-то изменить. Прятался за должностью Палача, потом за должностью командующего. Теперь прикрываюсь товарищами. А на самом деле мне не хватает сил и смелости, чтобы просто взять и перевернуть всё! Я давно бросил попытки научиться чему-то новому. Раньше у меня получалось перемещать в наш мир разные мелочи из других миров, я тренировался, чтобы развить свои способности. А сейчас использую их только лишь для того, чтобы поваляться в траве или снегу. Трус!

Больше никаких наблюдений. Оставлю только перемещение к реке. И верну тренировки. Буду наращивать свою силу и потом, когда буду готов, изменю этот мир. Не сбегу в другой, а из этого мира сделаю такой, какой хочу.

С этого момента я перестал следить за Анной. За десять лет совершил только два перехода. Мне было очень трудно отказаться от того, к чему я привык. Я боялся не узнать Анну и её дочь, боялся, что они сменят место жительства, и я больше никогда не увижу их. Но всё оставалось по-прежнему, только Анна практически превратилась в старуху. Волосы поседели, спина согнулась. Она не должна была выглядеть так, но силы и здоровье её таяли. За эти годы ни я, ни Линкок практически не изменились, если не считать некоторых морщин вокруг глаз и чуть обрюзгшего лица капитана. Но он не следил за собой, много курил, мало спал и что уж говорить – часто прикладывался к бутылке. С Анной точно что-то было не так, но я ничего не мог сделать. Её дочь превратилась из маленькой девочки сначала в угловатого подростка, я видел её только один раз, когда ей было пятнадцать, и удивился преобразению. Но когда ей исполнилось двадцать – вместо смешного подростка я увидел красивую стройную девушку. Она была очень похожа на отца, но многое в её лице напоминало Анну. Она легко и непринужденно куда-то шла в компании таких же молодых девушек, и я поймал себя на том, что уже не просто наблюдаю и радуюсь, что ребенок вырос, а люблю её. Её легкой походкой, узкой талией, кра-

сивыми длинными волосами и улыбкой. В этот раз я решил узнать о ней больше – это не составило труда. И я выяснил всё, что мог – дату рождения, имя и фамилию, где она училась и подрабатывала. Не знаю, зачем мне эта информация. Но если вдруг случится что-то в моё отсутствие, то я смогу её найти.

И всё же я запрещал себе думать об этой девушке. О другом мире. Старался следовать своей цели – развивать силу и делать так, чтобы мы никогда не проигрывали в боях. Но все дни были невероятно похожи один на другой, и это убивало меня. Никто из Совета не появлялся в моей жизни, лишь изредка они просили отчетов, и тогда мне приходилось отпрапляться в небоскребы и стоя перед этими противными мне людьми снова рассказывать о том, что я сделал и как. Но эти встречи не были похожи на прежние – на мне не было белой накидки и капюшона, и докладывал я вовсе не о мучительных смертях. А взгляды членов Совета не менялись от этого, они всё так же зло и холодно смотрели на меня, со скрытой ненавистью и презрением. Они задавали мне неприятные вопросы, и я понимал, что они знают всё – про мои постоянные перемещения и про усталость от этого мира. Наверняка совсем скоро Совет предпримет какие-то действия против меня, и я не смогу им ничем ответить, если не начну сейчас активно действовать.

Поскольку я понимал, что терять мне уже нечего, ещё лет пять, максимум десять и моя история закончится, то решил

не запрещать себе ничего. Линкок, первым заподозривший неладное, почти не оставлял меня одного. И если бы можно было спать в моей комнате рядом с кроватью, то наверняка оставался бы и на ночь в моем доме.

– Рей, скажи мне, что ты нашел в других мирах, что постоянно там пропадаешь?

– Другую жизнь, Линкок. Покой. Тишину. Я вам говорю об этом уже много-много лет.

– Это опасно. Ты понимаешь это? Пожалуйста, не допускай моих ошибок. Ведь тогда пострадают все. Подумай о Франце.

– Я думаю и о нем, и обо всех нас. Послушай, капитан, мы давно знаем друг друга. У тебя есть все основания верить и доверять мне. Я знаю, что нужно делать. Осталось всего лишь пару шагов и всё изменится.

– Что ты задумал? – в глазах Линкока был и интерес и страх.

– Пока не могу тебе сказать. Наверное, я сам до конца ещё не понимаю, что буду делать. Но я чувствую, что решение уже близко.

После этого памятного мне разговора я долгие пять лет опять следил за дочерью Анны. Её самой уже не было в этом мире. Она или умерла или исчезла таинственным образом, я никак не мог найти её следы. Дочь жила одна, работала и постоянно путешествовала. Теперь никто и ничто не мешало мне подойти и заговорить с ней, но я не решался. Что я мог

сказать ей? Да и нужно ли это было? За мной тянется шлейф горечи и страданий из белого города. А этой девушке, теперь уже молодой женщине, вовсе не нужно знать о всех тех страданиях, которые перенесла её мать. И всё же я видел, что она уже не так весела и беспечна как в двадцать лет. Отпечаток материнской боли и печали был и на ней. Может быть, это нормально для людей её возраста – искать себя, грустить и постоянно бежать? Кто знает. В нашем мире у молодых людей нет такого этапа во взрослении. Каждого растят со строго определенными целями и мотивами. Каждый знает, кто он, и для чего живёт. Хотя Франц – совсем другой, он ищет себя, он исследует и познает мир, будто бы его ничему не учили и никуда не направляли. Они, наверное, могли бы подружиться с этой девушкой.

Сколько ещё лет я буду наблюдать за ней? Пока она не состарится и не умрет? Пока не умру я? Надо либо прекращать это всё окончательно, либо выходить с ней на контакт. И тот и другой вариант были для меня неприемлемы. И я опять погрузился в размышления. Жил как робот, просто выполнял свои обязанности, пил вино вечерами с Линкоком, учил Франца, спорил с Гальером, иногда тренировался. И каждую неделю один вечер проводил у той самой реки, ругая себя за нерешительность и трусость. Как легко и быстро я решился на помощь Линкоку и отказ от должности Палача и как трудно мне сейчас просто начать разговор с дочерью Анны. Не в силах побороть самого себя, я просто решил ждать. Нуж-

ный момент наступит обязательно и тогда я пойму, что надо действовать.

13.

Тихий вечер. После очередного тяжелого боевого дня я поднялся к себе в комнату, закрыл дверь и закрыл глаза. Со всем скоро мы одержим победу, и после неё я начну действовать, четкое ощущение скорых перемен проникало в разум и сердце. А пока – мой берег.

Легкое и плавное перемещение, я совершил их тысячи. Открываю глаза и вижу заходящее солнце. Тёплый летний вечер, на закате травы и цветы пахнут особенно ярко и тепло. От древесной коры исходит терпкий аромат, земля отдаёт своё тепло и мне уютно и спокойно. Впервые за долгое время я чувствую себя дома. Где-то внизу, под обрывом, неспешно течет река. Здесь умер Палач и родился я, настоящий.

В стороне от того места, где я оказался после перехода, буквально шагах в десяти, замечаю девушку. Она сидит на траве и смотрит за реку, на заходящее солнце и в её взгляде, выражении лица я вижу что-то знакомое. Это дочь Анны! Она здесь! Да, всё те же чудесные длинные волосы, стройная фигура. Удивительно, что мы встретились именно здесь, в этом месте.

В её глазах есть что-то неуловимо прекрасное, она смотрит на догорающее небо, но мне кажется, будто её взгляд проникает далеко за пределы этой планеты и этого мира. О чем она думает сейчас? Возможно, она нашла то, что давно

искала. Но это не важно, ведь теперь я знаю точно, что сегодня я нашёл то, чего не мог отыскать сотни лет.

Слово автора.

Благодарности.

Здесь мне хотелось бы упомянуть всех тех людей, без которых эта книга не появилась бы на свет. Бывают такие моменты в жизни, когда на пути тебе попадаются нужные люди. Они говорят правильные слова в самую трудную минуту, поддерживают тебя, даже если ты не в состоянии признаться в том, что эта помощь нужна.

Идея этой книги появилась давно, ещё в 2018 году. Но я долго откладывала написание, пока прошлый год не изменил многое в моей жизни. Мне повезло попасть в благодатную среду, познакомиться с удивительно добрыми, открытыми и отзывчивыми людьми, которые помогли мне поверить в себя и свои силы. Спасибо им за присутствие в моей жизни, пусть и короткое, но такое важное.

Отдельные слова благодарности я хочу выразить своей фантастической подруге – Марине Герасимовой, а так же супер-мотивирующему человеку – Александру Красовскому. За поддержку, за бесконечные обсуждения, за активное и живое участие в создании этой непростой истории, за сотни прочитанных писем, за километры сообщений, за эмоции. И самое главное – за волшебный пинок, заставивший меня

опубликовать свою первую книгу.

Спасибо и одному из моих главных бета-ридеров – Оле Бирюковой. Взгляд со стороны от человека, который читает книги десятками, который издалека видит интересную книгу на полке, бесценен. Спасибо за мотивацию, за мысли и отзывы. Я всё помню и применяю!

Конечно, в жизни каждого начинающего автора есть люди, которые говорят «я буду поддерживать тебя», когда ты выкладываешь своё детище в интернет, и делают это. Советуют твою книгу, делятся отзывами, рассказывают о тебе друзьям и знакомым. Спасибо, Света Ткаченко, за первых незнакомых читателей, за их отклики, за душевную поддержку.

Все эти люди помогли мне увериться в одной мысли: творчеством нужно делиться. Оно как душевное тепло, как любовь, – создано для того, чтобы отдавать. Пусть здесь останутся эти строки, как напоминание о чудесном времени, о моих добрых чувствах ко всем моим дорогим друзьям. Спасибо.

К читателю.

Благодарю вас, мой читатель, за то, что добрались до этих строк.

В современном мире автору пробиться не так уж и просто. Если вам понравилась книга, если вы хотите познакомиться с моими новыми произведениями, узнать чуть больше обо мне и моём творчестве, то смело подписывайтесь на меня в социальных сетях, а так же на ЛитРес (тогда вы сможете получать уведомления о выходе новинок). Этим вы поможете и себе, и мне.

Ссылки на мои профили:

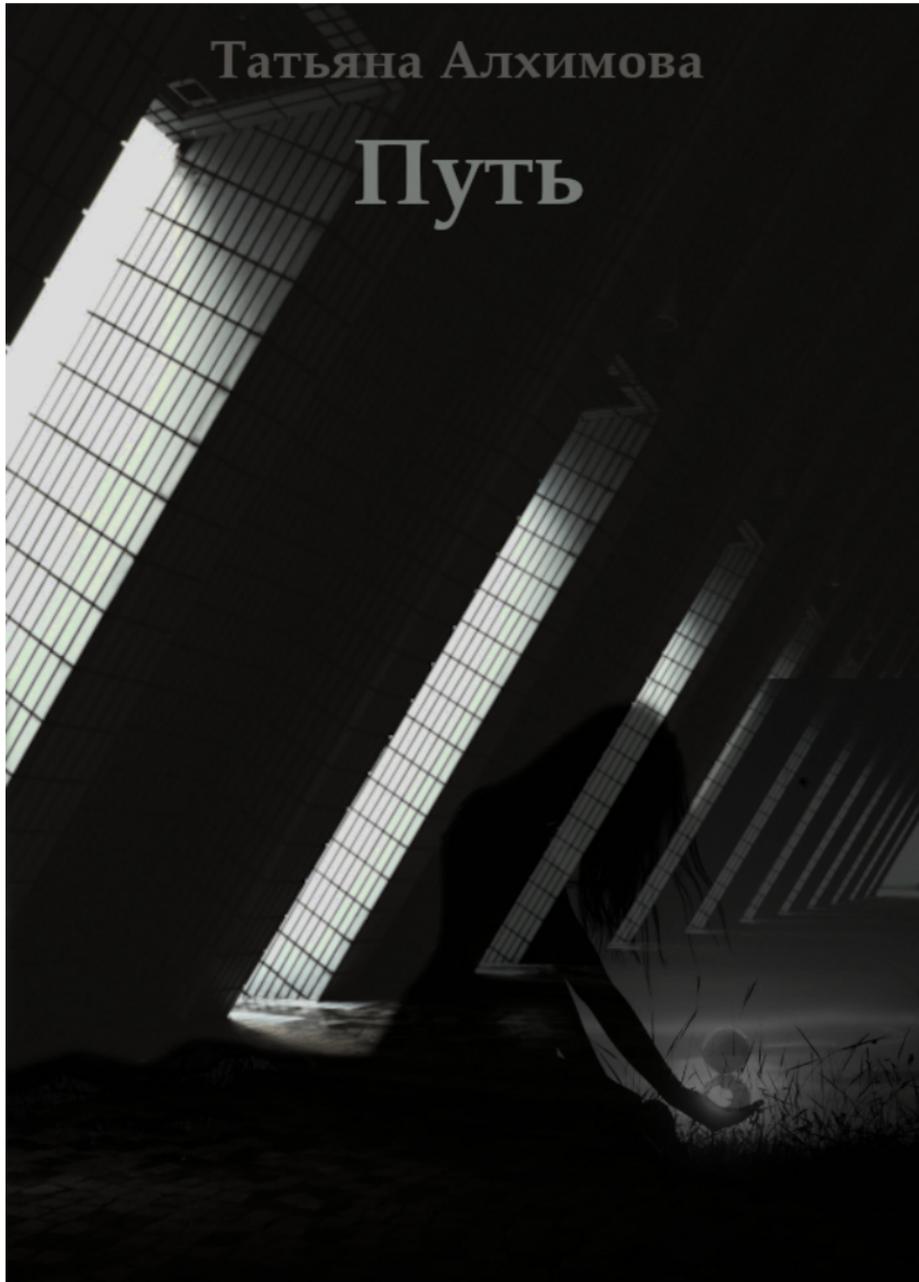
VK: https://vk.com/public_tasha_alx

Telegram: https://t.me/tasha_ewst

На следующих страницах вы найдете неизданные варианты обложек этой книги.

Татьяна Алхимова

Путь

Герои книги пытаются найти свой путь, несмотря на то, что миры и судьбы переплетаются самым странным образом. Когда рухнет привычная жизнь, человек становится самим собой, чтобы тоже измениться. Но какова цена таких изменений и чего стоит попытка перевернуть мир?

Параллельные миры, жестокие социальные порядки, дружба и любовь, личные и общечеловеческие драмы - всё это связывается в единое целое на страницах книги так же, как и в настоящей жизни. Герои сомневаются, рискуют, открывают себя заново и в конце концов совершают то, о чём никогда не пожалеют.

Татьяна Алхимова

Путь

